Kokowo Bebo

Albert Vlbaihos

Альберт Иванов

КОРОЛЬ ДЗЮДО

Часть I. БЕДНЫЙ ЮРИК

Глава 1. СОЛНЦЕ СВЕТИТ ВСЕМ

«Я, Леонид Чижов, клянусь говорить правду, и только правду…»

Кажется, так обычно клянутся свидетели на суде в импортных кинофильмах, положа руку на библию. Библии у меня нет, и я клянусь, положа руку на сердце.

Правильно говорят, что удивительное рядом. Взять хотя бы фантастическую проблему «машины времени». Ведь ничего фантастического в ней нет! Она существует рядом. Во всяком случае, в пределах нашего земного шара, правда «растянутая в пространстве», как сказал бы мой отец — директор сахарного завода. В социальном смысле — пожалуйста: феодализм, капитализм, социализм существуют на земле одновременно. В техническом отношении — на земле есть и первобытные племена, живущие еще в каменном веке, и жители, скажем, такого механизированного города, как Лос-Анджелес, который шагнул в XXI век — не меньше, судя по программам телевидения и книжкам. Так что за какой-то месяц современный человек может побывать в самых разных эпохах.

Не удивляйтесь, что я так складно все это изложил: размышлял над этим долго.

Удивительное всегда рядом… Например, думаешь о человеке одно, а он — совсем другое. Вот моя мама по профессии — библиотекарь. А на самом деле, по призванию — рыбак. Ей бы на сейнере плавать! Когда отца, старшего инженера областного сахарного завода, назначили директором районного, мама не могла устроиться по специальности и со скуки занялась рыбалкой. Да как! У нас на столе никогда не переводится свежая рыба, еще и соседям раздаем! Летом, осенью, зимой и весной в любую погоду мама — на водоемах. Такой страсти она в себе раньше даже не подозревала. Потому-то меня ужасно раздражает пилеж родителей насчет того, чтобы я пораньше определился в своем призвании, в будущем, решающем, восьмом классе выбрал бы себе окончательно профессию и к ней целенаправленно бы готовился.

«Вдруг в армию пойдешь, десантником!» — беспокоится мама, намекая на армейские трудности и совсем не подходящее к ним мое хилое телосложение.

Ну и что! А может, стать десантником именно мое призвание, просто я об этом пока не знаю… А трудности — их надо преодолевать! Короче, чем позже я «определюсь», тем лучше. Зато не повторю мамину судьбу. Любимое дело надо сначала найти!

В городке этом, насчитывающем без малого, то есть без меня с папой и мамой, тысяч десять жителей, мы оказались год назад. Как я уже говорил, отца назначили директором районного

сахзавода — единственного солидного предприятия. Нам дали двухкомнатную квартиру в старом четырехэтажном доме — самом высоком в городке, который оказался даже выше двух новых пятиэтажек возле завода — потолки у нас высокие.

Городок в основном одноэтажный, с буйными садами, большущим парком, двухэтажной центральной улицей, двумя церквами — возле универмага и на кладбище, двумя школами, одним монастырем на берегу тихой извилистой реки…

В принципе почти ко всему в городе можно применить слово «один»: один завод, одна станция, один базар, один универмаг, один ресторан, один стадион, одно культпросветучилище, одно фотоателье. Один, одна, одно…

До областного центра — 60 километров. Туда ходит электричка. В 25 километрах, на Узловой, находится «толпа» (толкучка, барахолка), где люди на огороженном поле продают с рук подержанные вещи, им не нужные, а кому-то нужные позарез. Раньше «толпа» находилась в областном городе, затем ее перенесли на Узловую, чтобы своим видом она не портила общее впечатление.

Возле сахзавода, расположенного на отшибе от городка, аэродром — обыкновенный луг с дощатым домиком. Осенью и весной аэродром закрыт из-за слякоти. С другой стороны завода — пруд-отстойник. Если ветер дует к нам оттуда, дышать нечем. Но на заводе идет реконструкция, и скоро, как обещает отец, «в обозримом мамой будущем» введутся в строй новые очистные сооружения, и мама сможет преспокойно ловить в зеркально-чистом пруду зеркальных карпов.

Мост в городке тоже один, низкий, бетонный. Через центральную улицу и по мосту проходит единственная асфальтовая дорога — из нашей области в другую.

У нас в доме обширное подвальное помещение. Здесь мама раз в неделю на добровольных началах выдает книги жильцам из большой собственной библиотеки. «Чтобы совсем профессию не забыть», — говорит она. Многих жильцов она убедила тоже отдавать свои книги в общий фонд, так что библиотека получилась довольно приличная — ведь в нашем доме 36 квартир!

По двору петляют 36 сарайчиков с погребами — целый лабиринт. Нам тоже достался — в глухом закоулке. В своем сарайчике мы провели свет, поставили старый диван, стол, пару табуреток, и я туда переселяюсь вот уже второе лето. Мама вначале была против, но отец ее переспорил: «Парень уже взрослый. Пусть приучается к самостоятельности». Я с радостью приучаюсь и домой фактически хожу только поесть.

Другие ребята, ссылаясь на мой яркий пример, тоже пытались обжить свои сараи, но у них не вышло. Ребята мне завидуют и ходят ко мне в гости. Тем более что отец отдал мне наш старый телевизор, который, если его сдать в обмен на новый цветной, который купили, стоил бы всего рублей двадцать. Транзисторный приемник «Спидола» я реквизировал сам у мамы: «На рыбалке тебе не нужен. Только рыбу пугать!» И зажил себе распрекрасно, как на необитаемом острове.

…В тот день все шло как обычно в погожие майские дни, может быть, самого знаменательного для меня 1980 года. Я отлично выспался на свежем воздухе — оконце и дверь в сарайчике у меня всегда открыты. Мама вроде бы заходила на рассвете, что-то говорила, я что-то отвечал спросонья, опять заснул, потом слышал рычание мопеда…

Я встал. Понятно: мопеда и удочек в сарае не было. Мама укатила на рыбалку.

На столе лежала записка: «Котлеты в холодильнике. Не ешь холодными, разогрей. Мама». А если я люблю холодные?!

Я взглянул на будильник: девять. Отец, значит, тоже ушел.

Закрыв оконце на шпингалет, а дверь на ключ, я потопал домой. Здесь я открыл дверь другим ключом (ребята страсть как завидовали моим двум ключам!). Прошел на кухню и, не отходя от холодильника, метанул три котлеты, холодные и без хлеба, хотя на столе лежала вторая записка — от папы: «Ешь с хлебом».

Папа родился перед войной, а мама — сразу после войны. Тогда было голодно. Вот и осталась у них привычка: ешь с хлебом.

Я как-то давно спросил их: почему с хлебом? Они даже растерялись. «Ну… — сказал папа, — сытней будет». «Так я ж лучше вместо двух котлет три съем — без хлеба, и тоже будет сытней», — ответил я. Тогда мама рассердилась: «С такими замашками где ж на вас мяса напасешься!» Я промолчал, потому что рот был занят — жевал третью котлету.

А папа вдруг деловито сказал маме: «Как где? Кабанчика в сарайчике заведем!»

Я испугался: иные наши соседи держали свиней в сараях. Если родители и впрямь надумают завести кабанчика, как мне с ним уживаться?! Я проглотил котлету и глухо сказал: «Во-первых, котлеты — с хлебом. Во-вторых, в сарае живет Уже один кабанчик». Они засмеялись: я ведь худой, как жердь. «И в-третьих, — весело заметил я, поняв, что, по всей видимости, отец свою угрозу не исполнит, — у нас и так почти каждый день — рыбный».

Тут они опять засмеялись, и мама со вздохом сказала — «Счастливое поколение. Беззаботно живут». «И слава богу» ответил отец и в сто третий раз (я машинально считаю) стал рассказывать, как во время войны он, жутко голодный, чуть не съел тайком туалетное мыло, которое увидел впервые и принял за деликатес.

…Позавтракав, я побежал в соседний подъезд, к другу Славке Роеву. Он тоже был дома один. Отец его работал главбухом на сахзаводе, а мать — экспедитором в ресторане.

Славке еще сложнее, чем мне. Меня-то родители пилят за то, что я еще не выбрал себе будущей профессии, а ему они уже выбрали сами. Славка, мол, будет дипломатом.

В Москве есть МГИМО — Московский государственный институт международных отношений. Он, Славка, с блеском поступит туда на экономический факультет, с блеском его окончит, купит портфель «дипломат» и — за границу, куда-нибудь в Монголию или Венгрию.

Родители ему даже наняли преподавателя английского языка, и он круглый год с ним занимался. А на черта ему, спрашивается, английский, если он поедет в МНР или в ВНР? Уж лучше бы учил монгольский!

Но у нас в городке никто ни монгольского, ни венгерского не знает. А английский — международный, — объяснила мне его мать. — Его даже в Египте знают».

Действительно… Тогда я спросил, почему его пошлют именно в МНР или ВНР. Но мать все знала: «Сразу по окончании далеко не пошлют. Вот когда поработает, проявит себя, его пошлют подальше».

Жаль, если пошлют… А родители того не понимают, что Славка уже, сам не подозревая, нашел свое призвание. Он — талантливый повар. Видели бы, как он готовит! Все у него под рукой: сковородки, мисочки, кастрюльки, ложечки, дуршлаги, соусы, пряности, эссенции…

Он давно на всю семью готовил, никого к плите не подпускал. «Только харч зря переводите», — раз и навсегда заявил он.

Даже на базар ходил сам. Торговки его знали и никогда не подсовывали какую-нибудь заваль

— такой он был придирчивый, похлеще санитарного врача, и скандальный, не хуже самих торговок, когда дело касалось свежести и качества продуктов.

А так он был тихий. «Увалень», как определила его моя мать, когда он молча отобедал у нас. Чего ему, гурману, это стоило?! После этого он у нас никогда не обедал. Талант!

…Так прихожу я, значит, к нему, а он кухарит — в фартуке белоснежном и белой шапочке.

— Я сейчас. А то соус подгорит.

Помню, он как-то в областной город ездил — в магазин «Океан». Чего только не привез! Кальмаров, креветок и рыбу-саблю! Я был у них званом ужине. Стол ломился от яств — некуда локти поставить! Я на третьей перемене блюд от стола отвалился, а они все восемь осилили плюс десерт: кофе «гляссе» с мороженым.

— Я тут обед сочинил, — сообщил он мне, колдуя над соусом. Может, бульончику хочешь с петушиными гребешками и клецками?.. Прелесть. Три тарелки съел. — Он обернулся. — Да ты хоть завтракал? Хочешь, я тебе отбивную зажарю мигом? — заботливо спросил он. — Чудо! Я уже одну попробовал.

— Всю? — поддел я его.

— Что всю? — не понял он.

— После трех тарелок бульона всю отбивную попробовал?

— Конечно, всю, — опять не понял он. — А чего? В ней всего-то… — он показал мне отбивную величиной со сковородку.

— Славк, а может, у тебя глисты? — заботливо спросил я.

— У меня?! — изумился он.

Не у меня же. Разве можно столько съесть?! — Каждый раз поражаюсь его аппетиту.

— Вкусного можно. Оно потому и вкусное, что сразу в организме сгорает, — деловито ответил он.

— Где же сгорает-то? — уставился я на его упитанную фигуру с заметно выпирающим животом.

Он тут же невольно втянул живот и глянул в зеркало:

— Нормальная фигура. Средней конфигурации.

Ах, какой бы из него повар вышел! У него даже конфигурация подходящая. Поварская. Я вот худым поварам не доверяю. У них вид какой-то злой: или желудком маются, или с их порций столовских не растолстеешь. Уж на что я мало ем, а в столовой три вторых смолотишь и можешь снова за обед садиться. И взгляд у худых поваров какой-то бегающий, ешь и невольно думаешь: может, они касторку с соусом спутали или вместо поваренной соли английской посолили? Это я на своем опыте изуйил. Бывает, родители оставят рубль — сходи сам пообедай. И знаете, лучше пять мороженых съесть. Вкусней и питательней!

И вообще, почти все толстые люди — добродушные, веселые, а почти все худые — злые и жадные. Были у меня случаи. Идешь по улице, ветви яблонь через ограду свисают, ну и сорвешь, не особо задумываясь, яблочко из сада, допустим, У толстого хозяина. Если увидит, он же все равно добрый и за тобой не погонится: знает, что не догонит.

А если у худого?

Один худенький за мной с лопатой до самого областного города гнался — 60 километров! Нагнал меня на Центральной площади. Все, думаю, конец. К счастью, милиционер навстречу. Мой худой преследователь мгновенно принялся газон вскапывать, будто для этого сюда и примчался. Делал вид что на субботнике!

Но если уж быть честным, то и толстые всякие бывают Однажды толстяк за мной, тоже из-за сорванного яблока, до конца улицы гнался — пот с него ручьями. Не догнал.

А на следующий день подкараулил меня в темном переулке и… руку пожал. Сияет. Я, говорит, два килограмма вчера потерял, спасибо! Давай, говорит, я за тобой теперь каждый день гоняться буду, только ты больше одного яблока не рви Я, мол, такой, как ты, жердью через месяц стану от погонь» Умный какой: он таким, как я, станет, а меня, с моей-то комплекцией, вообще не станет. Нашел дурака! Я, конечно на всякий случай согласился, а его улицу с тех пор стороной обхожу. Но этот человек — исключение из толстых людей. Повара непременно должны быть толстыми. Уж у них-то язвы желудка нет, и они отлично понимают, что значит хорошо покушать.

Я, извините, отвлекся. Но у меня характер такой: с одного на другое прыгать. Должны ведь вы со мной познакомиться, узнать поближе! Как-то в парке, уже здесь, в городке, Сашка Кравцов (я еще тогда его не знал — только приехал), завидев меня, сказал: «А ну, подойди-ка. Поближе познакомимся». Я и подошел. А он как чухнул меня в нос — искры из глаз посыпались. Ну, о Сашке потом, узнаете в свое время. Уж его-то из нашей истории не вычеркнешь!..

Сготовил Славка обед, и мы пошли к Вальке Портнову. Он тоже из нашего класса. Валька живет в собственном доме у реки, возле разрушенного монастыря с высоченной колокольней. Говорят, колокольня метров сто высотой! И уж никак не меньше восьмидесяти. Мы там во дворе монастыря урок геометрии проходили, втыкали метровый колышек неподалеку от колокольни, потом тени измеряли, отбрасываемые колышком и колокольней, затем формулу применяли. Получилось, что колокольня вышиной поменьше ста метров и побольше восьмидесяти: <100 м, >80 м. Купола на этой колокольне и на других церквах в монастыре еще Валькин прадед делал — искусный плотник, специалист по стропилам. Валька нам объяснял, что стропила — деревянный каркас для купола. Так этот Валькин прадед болел падучей болезнью — три раза с колокольни высотой меньше 100 метров и больше 80 метров падал, всегда на ноги приземлялся. И ничего, кроме ревматизма. Жилистый прадед был, прыгучий!

Во дворе монастыря хорошо сохранился толстостенный каменный домик, беленный известью: в нем живет Сашка Кравцов. Отец у него в какой-то артели работает, а мать — продавщицей в «Коопторге». Опять вперед забегаю, о Сашке потом… Но не мог же я о нем ничего не сказать, если монастырь находится по пути к Вальке Портнову!

Валькин дом тот самый знаменитый прадед и построил. Двухэтажный. Первый этаж — кирпичный, почти на земле окна стоят, полуподвальный. А верхний этаж, с галереей на резных столбиках, — деревянный. Две большие комнаты внизу, три — наверху. Одна — из тех, что внизу, — полностью Валькина. Вторая тоже его. Там плотницкая мастерская.

Вот опять я хочу сказать о призвании… Валька родился плотником — весь в прадеда, хоть с колокольни ни разу не падал. Да на нее и не залезешь теперь! Мать поощряла плотницкое увлечение сына. Наверное, потому, что никуда не денешься: старый дом-то, каждый год Валька его ремонтировал…

Отец ему ничем помочь не мог: он был «в бегах», ушел как-то куда-то на минутку и навсегда исчез. Ходили слухи, что за длинным рублем подался.

Когда я совсем маленьким был, думал: длинный рубль — вроде ленты, намотанной рулоном. Между рублями — перфорации, как на фотопленке. Отрезай себе ножницами от рулона — и живи. А теперь-то знаю: длинный рубль — это когда их так много, что в карманах не помещаются — на сберкнижке лежат.

Мимо пробежала большая рыжая собака. Обычно она у нас во дворе ночует, за трансформаторной будкой. До чего жалко бездомных псов…

Мы со Славкой вошли к Вальке во двор. На бревнышке сидел слепой Валькин дед, фронтовик, с орденскими планками на выцветшей гимнастерке.

— Это кто? — спросил он, услышав стук калитки и шаги.

— Это мы — Леня и Слава, дедушка, — сказал я. — Здравствуйте.

— Здравствуйте, ребята, — кивнул он. И вдруг попросил: — Леня, выведи меня на солнышко. Хочу глазами солнышко почувствовать.

Мы со Славкой бережно вывели его на середину двора из-под навеса сарая. Дед поднял голову и глядел, глядел, не моргая, безжизненными глазами на солнце.

— Тепло чувствую, — улыбаясь, сказал он. — Оставьте меня так.

Мы пошли, оглядываясь, к Вальке. Дед стоял недвижно, задрав голову. Солнце светило вовсю!

Забыл сказать, что в пристройке к дому жила Валькина тетка, сестра матери. У нее несчастье случилось: дочка родилась лилипуткой: какое-то там нарушение обмена веществ, гормоны не такие, как объяснял нам Валька объяснение врача тетке. С труппой лилипутов дочка успешно выступала по всем Циркам. Знаменитая! Вся улица сбегалась, когда она приезжала раз в год в отпуск, нередко с подругами.

«Я однажды с ними танцевал, — похвастался Валька. — На дне рождения у ее подруги «Как?» — изумились мы.

Валька ведь был высоким, не меньше меня. «Они такие акробатки! — восхищался Валька. — Одна другой запросто на плечи встала, я с ними и танцевал».

Интересное дело: когда живешь в большом городе, соседей по подъезду не знаешь. А если в маленьком, то все про всех известно. Все беды и все радости.

Валька был дома. Он делал высокий стеллаж для своего многочисленного инструмента.

— Пошли на реку? — сказали мы.

— Пошли. — И мы вышли во двор.

Дед стоял, по-прежнему запрокинув голову, на солнце.

— Дедуля, вам вредно так долго. — Валька увел его с солнцепека и посадил на бревно в тени.

Мне очень нравилось, что Валька и маму и дедушку называет на «вы». Я хотел попробовать дома со своими, но язык не поворачивался. Такой уж я уродился…

— Валь, ты надолго? Надо еще воды с колонки натаскать, — показалась на галерее второго этажа Валькина мать, красивая еще женщина с усталым лицом.

— Я скоро, — обернулся Валька. — Только вы сами не вздумайте. Вы ж после ночной смены, не надрывайтесь.

— Ладно, — откликнулась мать. — Может, дедушку с собой возьмете? Искупается.

Не успел Валька ответить, как дед тут же откликнулся:

— Нечего, нечего… В другой раз. К вечерку. Не видишь, к нему товарищи пришли!..

На ходу снимая рубашки, мы мчались к реке. Если бы не лето с этой замечательной речкой, я просто не знал бы, как здесь жить. И все равно было скучно. Ну, искупаешься… Ну, поваляешься на песке… Рыбалкой, что ли, заняться, как мама? Нет, я не любил рыбачить. И Славка не любил. Валька, тот, знаю, и любил и умел. Щук таскал на живца — ахнешь! Но с собою он нас не брал: «Одному надо. Не с кем разговаривать… А рыбка чуткая!»

Мы пришли к затону — самому широкому месту реки, где была лодочная станция и сколоченная из брусьев вышка для прыжков в воду.

На речке время всегда быстро летит. Мы купались, загорали, снова купались и опять загорали… Ныряли от берега до берега — в самом широком месте река была метров тридцать. Дальше непролазной стеной стоял камыш, перед ним из воды среди распластанных листьев торчали желтые головки кувшинок и белые лилии. А с этого бока берег был голый, здесь к тропинке, змеящейся вдоль обрыва, подступали огуречные огороды.

За камышом на острове виднелась луковка старинной полуразвалившейся часовни. Мы не раз переплывали на остров. Кроме редких рыболовов, там никто не бывал. Стены часовни расписаны автографами вроде «здесь был я, Ваня» и ругательствами. Внутри валялись обломки камней трухлявые доски.

Еще в то лето я облазил весь городок, его окрестности, и больше некуда было пойти, разве что на реку, как я уже говорил. В областном городе, где мы прожили долго, было три театра, два музея, и пусть я в них почти и не ходил, зато знал, что в любой момент могу. А десять кинотеатров, а шумная пристань с пароходиками, а красные чешские трамваи, бесшумно бегающие по шумным улицам, а катки зимой с веселой музыкой и разноцветными лампочками, а бронзовые памятники историческим личностям на больших площадях, а «колесо обозрения» и всевозможные аттракционы в Центральном парке!..

Здесь же я зачастую даже не знал, на что убить свободное время. Странное это выражение: «убить время»… Ведь это — твое время и другого не будет: значит, ты как бы убиваешь самого себя. Но пустое время, ничем не заполненное, «роме учебы, еще хуже — уж пусть оно летит быстрей, жизнь впереди такая длинная и столько в ней будет интересного!

А тут ничего интересного не предвидится, каждый новый день — близнец прошедшего…

Я очнулся от своих мыслей. Славка кому-то кричал:

— Много подцепили?!

Я привстал. Мимо пляжа проплывала плоскодонка. На носу, свесив ноги, восседал Сашка Кравцов. Два его приятеля, разомлев от жары, лениво загребали на «бабайках», и еще какой-то малец рулил на «карно». Так уж тут называлось: на «бабайках» — значит, посредине лодки за двумя веслами в уключинах, а на «карно» — рулят веслом с кормы.

Сашка держал в руке палку с привязанным к ней крючком-тройником. Эта снасть звалась подсекалой. Днем щучата стоят у берега в траве или под листьями кувшинок у камыша. Надо неслышно подъехать к ним, подвести тройник под пузо или лучше под жабры и дернуть. Если

тройник вопьется, щученок твой. Если не получилось, глупый щукарь отходит в сторону и опять стоит. Бывает, и стремглав исчезает в глубине. Тогда ищи нового.

В ответ на Славкин вопрос Сашка важно показал кукан, на котором болталось с полсотни зеленых щурят.

— Надо в маринаде, с томатами потушить, — посоветовал Славка.

— Их бы самих без маринада потушить, — пробурчал Валька. Он считал такую ловлю немыслимой глупостью: ведь из таких вот щурят, величиной чуть больше ладони, вырастают здоровенные щуки, которых он, Валька, любит ловить на пескаря.

По команде Сашки малец на «карно» повернул лодку к берегу. Она ткнулась в песок.

Сашка соскочил на берег и сел рядом с Валькой. Его он уважал и звал Валюхано. Родились и выросли они у этой речки вместе, по соседству. Славку же Сашка в грош не ставил, а меня, как новенького, вообще презирал, считал папенькиным сынком, и тогда в парке дал мне по носу, чтобы я не вздумал задаваться и знал свое место. Он любил командовать и называл себя «хозяином низов», то есть берега от монастыря, где он жил, до бетонного моста. Если бы я не сидел с Валькой за одной партой, мне, вероятней всего, пришлось бы обходить затон стороной, чтобы искупаться. Тем более что ходил Сашка в другую школу, стоящую возле монастыря, и все ребята здесь были у него свои. Он шлялся с компашкой по своим владениям, только и выискивая, на кого бы чужого надраться. А чужими он считал всех, кто не жил на их улочке, громко называющейся Набережной.

— Как дела, Валюхан? — спросил он Вальку. — Да ты не злись! — Он с размаху хлопнул его ладонью по голой спине. — Твоих щук не убудет. Это же я так наподсекал — моему коту Филиппу. Сам знаешь, ничего, кроме рыбы, не жрет, собака!

Здоровенный враль, на сей раз он не врал. Его «столетний» кот по имени Филипп и впрямь ничего не ел, кроме рыбы. Сашка рассказывал: когда Филипп собрался было помирать, отец завел себе спаниеля — охотничью псину. При виде пса умирающий Филипп сразу ожил, взлетел на шкаф и решил жить дальше, назло своему извечному врагу.

— Отзынь, — перевернулся на спину Валька. «Отзынь» на языке Набережной означало «отстань». — Надоел ты со своим Филиппом. Так ты всю рыбу в реке ему в утробу спустишь. Учти, поймаю кота и утоплю как котенка!

— На всякий кис-кис имеется гав-гав, — отмахнулся Сашка. Привычка у него на все случаи жизни так выражаться. — Сначала поймай.

И, не обращая на меня со Славкой никакого внимания, начал хвастаться:

— Кобель нам ох и прыткий попался! Лежит вчера на подоконнике, уши развесил, а по стеклу муха ползет — жужжит, как вертолет. А наш Дик мордой крутит, смотрит. Затем ка-а-ак размахнется и бац лапой по мухе! Муха в лепешку, стекло вдребезги!

Все мы захохотали. Приятели на лодке тоже залились смехом, хоть и видно было: он им уже рассказывал. А малец на «карно» даже ноги задрал, чуть не свалившись в воду вместе с веслом.

— Это что! — продолжал Сашка. — Еще случай… — Тут он впился в нас со Славкой взглядом: — Ну, этот ладно. — Про Славку. — А этот чего? — Про меня. — Мотай отсюда!

— Он со мной, — спокойно произнес Валька.

— Да он всегда с тобой, — перевел на шутку Сашка. — Почти весь год. На одной же парте

сидите. Хоть летом от него отдохни!

Приятели на лодке тоже захохотали, а малец на «карно» вновь задрал ноги, делая вид, что ему невмоготу от смеха. Жаль, и опять не свалился в воду.

— Так вот… — как ни в чем не бывало продолжал Сашка. — Спит наш Дик на подоконнике. А батя лежит на диване у окна, читает…

— Он? Читает?! — неподдельно изумился Валька.

— Телепрограмму, — не моргнув глазом заявил Сашка — А Дик во сне сползает, сползает себе к краю подоконника и как шмякнется плашмя на пол! Вскочил и как залает на отца! — сквозь смех говорил Сашка. — Подумал, что отец ему это нарочно подстроил. А тут подходит к Дику кот Филипп и как бух ему наотмашь пощечину! — совсем вошел в раж Сашка. За хозяина обиделся. Ну, не могу! — Он покатился по песку, хватаясь за живот.

Вернулся:

— Думаешь, все? — Он по-прежнему обращался только к Вальке. — Ночью Дик опять спал на подоконнике. Отец пришел поздно, его не заметил, задернул шторы. Проснулся ночью… воды попить, глядит: на него чья-то черная башка между штор уставилась, глаза горят. «Ой-ей-ей!» — завопил отец, упал с кровати, ногу вывихнул! Что, не веришь? — обиделся Сашка. — Пошли, сам посмотришь — лежит с ногой. Тебе-то хорошо, а он теперь целыми днями дома, меня туда-сюда гоняет.

Приятели снова загоготали, малец снова дрыгнул ногами.

А кот Филипп подходит к Дику и бац его опять лапой по роже? — спросил Валька.

— Откуда знаешь? — прищурился Сашка. — Разве я тебе уже рассказывал?

И пошел такой треп, что я опомнился, когда уже солнце почти садилось.

Вернувшись со Славкой в наш двор, мы увидели у одного из подъездов автофургон и кучку любопытствующих жильцов. Кто-то приехал!.. Два дня назад в нашем доме освободилась квартира. Поговаривали, что эту жилплощадь застолбили для новых преподавателей культпросветучилища. Муж вроде бы пианист, а жена — балерина. Оказалось, не совсем так: он — учитель музыки, а она — учительница хореографии. Учитель и его сын — паренек моего возраста в линялых джинсах — поочередно таскали в дом гармонь, баян, аккордеон, книги, а «балерина» — тоненькая женщина — носила легкие вещи, стопки книжечек, горшочки с цветами… Я не люблю глазеть, как люди переезжают. Наверное, потому, что это похоже на подглядывание в замочную скважину. По вещам ведь можно многое узнать о владельцах.

Поужинал я с папой и мамой, чему они приятно удивились. Сообщил им о новых жильцах. Они уже знали. И ушел к себе в сарай.

Только я включил телевизор, примчался Славка и выпалил:

— Ого-го! Ого-го! — и покрутил головой, не находя слов.

— Что ты ржешь, мой мустанг ретивый? — спросил я, не отрывая глаз от экрана. Шла моя любимая передача «Клуб путешественников».

Славка, придя в себя, рассказал следующее. Поужинал он, слегка подзаправился (представляю себе), и спускается по лестнице, направляясь ко мне. И видит: в подъезд входит наш новый жилец — сын музыканта. На площадке ниже открывается дверь и выходит Нина Захарчева самая красивая девочка в нашем классе.

Снова признаюсь, не только лето с его речкой мирило меня с пребыванием в этом городке!..

Сын музыканта, завидев ее, быстро взбежал по ступенькам и стал перед ней на колени. «Офелия, о нимфа!» — закатил он глаза и воздел руки.

Нина, известная трусиха, тут же бросилась назад, к себе, и забарабанила в дверь.

А он поднялся, усмехнулся и стряхнул пыль с брюк: «Мадемуазель, для паники нет никаких оснований. — И добавил: — Я не француз Деформ, я Дубровский». И, посвистывая, пошел в свою квартиру. Вот те на! Что за птица?..

Когда, исчерпав свои впечатления, Славка исчез, я выключил телевизор и лег на диван, размышляя: «А может, этот новенький немножко того?..»

Незаметно уснул, и снилось мне почему-то солнце, которое светит всем: и мне, и слепому фронтовику — деду Вальки, и такому хулигану, как Сашка, и его кобелю Дику, и коту Филиппу, и красивой девочке Нине, и странному сыну музыканта всем поровну…

Глава 2. СЫН МУЗЫКАНТА

Утро чертило геометрию света и тени по сараю через открытые оконце и дверь.

Внезапно я услышал приближающееся к сараю хихиканье. Ну, слух-то у меня неплохой, а коридор между сараями длинный. Пока дойдут, можно одеться.

Я быстро вскочил, оделся. И ко мне без стука (какая дура будет стучать в открытую дверь!) вошли Нина Захарчева в сиянии своей блистательной красоты и ее подруга Клава Петрова.

Они всегда вдвоем ходят. У них, девчонок, так принято: красивая обычно с некрасивой. И что странно, некрасивая всегда умнее. А возможно, ничего странного тут нет: одно уравновешивает другое. Я не хочу сказать, что Нина намного глупее Клавы… Вероятно, Нина скрывает свой ум: ей, чтобы произвести впечатление, и красоты достаточно, а Клава из кожи вон лезет, чтобы показать, какая она умная. Если бы она не старалась казаться такой умной, то мы, глупые, подружились бы с ней.

Даже хихиканье у них разное: у Нины естественное, от души, а у Клавы, прямо скажу, ненатуральное. Подхихикиванье какое-то… Однажды папа сказал вгорячах маме, я запомнил: «Мужчина — сила, женщина — слабость. Но слабость свою она компенсирует красотой». Папе-то, ясно, повезло: у нас мама красивая, и уж как она компенсирует силу папы своей красотой — каждому сразу видно.

Я еще пока ничего собой не представляю, но, вообще, думаю: лучше, если уж некуда деться, жениться на глупой красавице Нине, чем на ее умной подруге Клаве. Клава же слова не даст сказать — всю жизнь сиди и ее слушай. Спасибо Огромное!

Ведь если разобраться, каждый человек ищет в жизни то, чего ему не хватает. Я вот далеко не глуп, а красоты (тут тоже ум во мне говорит) у меня никакой. Следовательно, Клава мне ну никак не подходит: двое умных — не много ли? А Нина, прямо замираешь, молчит, а глаз от нее оторвать нельзя. Прямо-таки явление природы!.. Как-то я даже посоветовался по поводу этой сомнительной проблемы со Славкой Роевым: «Я женился, скажем, я на Нине Захарчевой. Все за ней ухаживают, место в трамвае предлагают, хоть она и не на костылях.

Ревность страшная, готов всех убить!.. Или вот, женился я на Клаве Петровой. Она хоть и ногу сломает, никто в трамвае не встанет. Зато ревности никакой. Как тут быть: кого выбрать?»

Славка так ответил: «Ты проверь, кто лучше готовит. Ту и выбирай!» Повар…

Но всякие рассуждения могут завести далеко.

Нина и Клава часто заходили ко мне с кассетным магнитофоном, и мы слушали вечерами записи знаменитых в то время «Аббы», «Бони М» и других ансамблей. Черт побери, почему мне не нравится классическая музыка?.. Наверное, я чего-нибудь недопонимаю, но я не чувствую себя современным с ней. Я думаю, что классику надо изучать только для того, чтобы придумать затем что-то новое.

А ведь классика когда-то тоже была современной. И за нее даже преследовали. Я видел фильм «Большой вальс», там Штрауса гоняли за вальс, как беспризорника. Разве я виноват, что, например, древние романсы мне нравятся меньше, чем песня «Белфаст» у «Бони М»? Могу, конечно, соврать — сказать, что нравятся очень-очень. А мне не нравятся…

Пусть меня считают недоразвитым, но я человек в своем времени. Хотя вот песня из «Великой Отечественной», вроде бы несовременная, на меня и сейчас действует:

Вставай, страна огромная,

Вставай на смертный бой…

Может, я такой плаксивый, но у меня слезы наворачиваются. Наверное, исторически эта песня ближе ко мне.

А вот когда я слышу арии из оперы «Иван Сусанин», тоже о защите моей Родины, слезы из моих глаз ни за что не выжмешь! Впрочем, я верю, что здорово, наверное, для тех, кто понимает.

Я полагаю, не надо никому ничего навязывать. Сами разберемся!

Об этом я и говорил однажды Нине и Клаве, когда мы слушали новые записи. Нина только делала круглые глаза, удивляясь тому, что я такой умный, а Клава прищуривалась, показывая тем самым, что глупее меня она никогда никого не видела.

— Посмотрись в зеркало, — буркнул я ей. — У видишь и поглупее.

— Как ты-то догадался? — наигранно изумилась она. — Я же молчала…

— Ума палата, — ответил я ей.

— Палата № 6, — хмыкнула она.

— При чем тут Чехов? — широко улыбнулся я.

Она сразу варежку (рот) разинула:

— Неужели ты Чехова читал?

Вот дуреха. Как же я мог Чехова не читать при моей-то маме-библиотекаре и нашей

библиотеке, на которой весь дом развивается!

Ну, все это в прошлом. Сейчас-то утром ко мне в сарай они вошли какие-то притихшие, словно сейчас зима и их валенком ударили. А ведь минуту назад хихикали.

— Нет, ты слышал? — выпалила Нина, сверкнув изумительно-глупыми, прекрасными глазами.

— Да, ты же не слышал… — сдержанно заметила Клава, мигнув своими маленькими умными глазками.

— Да нет, слышал, слышал, — отмахнулся я. — А о чем? — И сделал дурацкий вид, хорошо понимая, что речь пойдет о сыне музыканта.

С чем-чем, а с интуицией у меня в порядке. Помнится, в прошлом году вызвала математичка меня к доске: «Чижов!» Я, встав из-за парты, отвечаю: «Пара!» «Что?» — удивилась она. Ну, пошел я к доске, пошел, раз зовут, а интуиция меня не подвела: учительница двойку поставила. Вообще, беда с этой интуицией. Наследственное! Как-то папу к начальству вызвали. «У меня интуиция, сказал он взволнованной маме. — Или грудь в крестах, или голова в кустах». И что же? Папе дали орден «Знак Почета».

Может, я иногда и ошибаюсь. Но ведь на ошибках мы учимся. А на наших ошибках — учителя. Иначе они бы все перезабыли.

И еще: я иногда справедлив. Сам знаю: с нами трудно. Но это ж временно.

Валькин слепой дед мне рассказывал, что ему фашисты огнеметом глаза выжгли, зато он целое отделение бойцов спас… Он провел своей сухой, морщинистой рукой по моему лицу и сказал: «Вам я верю*. Я понял, что он верит не только в меня, но и во всех ребят… Так и хочется сделать что-то необыкновенное! Но как, если тебе всего четырнадцать лет и ты лишь перешел в восьмой класс?

Считается, что в жизни всегда есть место подвигу. Мы и сочинение на эту тему в школе писали, и все правильно ответили: конечно, есть. Ну, предположим, место для подвига иногда находится пожар или стихийное бедствие. А совершишь ли его? Я вот слышал, что на этот вопрос все как один семиклассники ответили утвердительно. Привираем мы, наверное. И Сашка Кравцов тоже написал, что в жизни всегда есть место подвигу, а от его прижизненных «подвигов» вся малышня на Набережной, от монастыря до бетонного моста, плачет.

Я уже говорил о том, что меня иногда заносит? Думаешь об одном, говоришь о другом, делаешь третье. Пушкин писал: «Пока сердца для чести живы…» Он-то понимал, что «души прекрасные порывы» нужно посвятить отчизне, людям вообще, именно пока ты молод. А я, пока молод, трусоват.

Ладно.

Приходят, значит, утром они, Нина и Клава, ко мне в летнюю резиденцию. Говорят наперебой: слышал, слышал, слышал?

— Да не знаю, где он, — ответил я.

— Кто он? — растерялись они.

— Слышал звон, — говорю я.

— Да ну тебя, — отмахнулись они. — Ты о новеньком слышал?

Надо же, обо мне небось они так не говорили прошлым летом, когда я сюда приехал.

Быстренько они мне обо всем прокукарекали, о том, что мы уже знаем. О приезде преподавателей Культпросвета и их сыне, тронутом искусством.

Я смотрел на Нину. Она сидела напротив меня и тщетно пыталась натянуть мини-юбку на свои острые коленки. Воображала, что она взрослая и будто сидит не у меня в сарае, а где-нибудь в трамвае. Мне невольно вспомнилось (тоже в трамвае было), как одна женщина хвалилась своей спутнице: «Моя дочка, не поверишь, уже доросла до миниюбки!»

— И что нам теперь делать — ума не приложу, — волновалась Нина и все тянула подол, словно хотела оторвать.

Только я собрался ответить, куда ей приложить свой ум, как вдруг к нам в сарай ворвался Славка Роев с будоражащим криком:

— Идет! Сюда! Сам!

Нина с перепугу закрыла дверь на крючок, Клава а я-то ее умной считал — зашторила оконце.

В дверь вежливо постучали.

— Войдите, если вы не дьявол! — гаркнул я, скинув крючок.

И после томительной паузы… вошел Дьявол. Ростом ниже меня, горбатый, волосы дыбом, с белыми закаченными глазами.

— Вы меня не ждали, а я приперся! — пронзительно завопил он.

Я так и сел на пол, Славка задом полез под топчан, а девчонки, зажмурившись, заверещали и задрыгали руками и ногами.

— Ну, хватит! — прикрикнул «дьявол». — С вами с ума сойдешь. — Он выпрямился, сделал нормальные глаза, пригладил волосы и оказался тем самым сыном музыканта.

— Напугали меня до смерти, — улыбнулся он.

Я встал, делая вид, что споткнулся о чурбачок. Славка вылез из-под топчана, делая вид, что там что-то срочно искал. А Нина и Клава неестественно засмеялись, делая вид, что рассказывали друг другу какую-то страшную историю.

— Давайте знакомиться, — приветливо предложил сын музыканта. — Виктор Королев, — представился он, не протягивая руки, и коротко кивнул головой, как наш разведчик в роли белогвардейского офицера из многосерийного телефильма.

Славка настолько ошалел, что точно так же кивнул. Я взглянул на девочек, ожидая, что они сейчас сделают по меньшей мере реверанс, а по большей — книксен, но они прощебетали.

— Очень приятно.

И показали друг на дружку:

— Нина.

— Клава.

— Привет, — процедил я, не вынимая рук из карманов. — Леонид Чижов. Собственной

персоной.

Так мы познакомились с Витькой Королевым. Сам он раньше в нашей областной «столице» жил, как и я. И даже по соседству: он — на Студенческой, а я — на Энгельса. Но ни разу не встречались. А может, и встречались, не обращали друг на друга внимания. Кто ж знал, что мы здесь встретимся.

— Вообще-то, — небрежно сказал Королев, — я под Москвой родился. «Умремте ж под Москвой», — призывал Лермонтов. В Подмосковье, значит. Но там трудно умереть без прописки.

Первым делом Королев спросил, есть ли в нашем городке хоть какой-нибудь завалявшийся драмкружок.

Никакого драмкружка не было: ни в обеих школах, ни при Доме пионеров, ни даже в Культпросвете, хоть там и преподают драматическое мастерство. Разве что «капустники» на Новый год устраивают — сами себя в лицах высмеивают.

Не повезло Витьке. Он уже давно, с третьего класса, в драмкружке играет. Призвание, говорит.

Мы уже убедились. Конечно, призвание. Вон как нас перешорохал!

— Может, у нас во дворе театр организуем? — предложил он. — Вседворовый передвижной-раздвижной театр имени Центральной площади! — воскликнул он.

Девочки — те сразу согласились. Но нам со Славкой эта затея не светила: способностей нет — позориться только. И мы отказались.

— Жаль, — не стал он настаивать.

— Но мы-то согласны! — заявила Нина.

— А что я с вами одними буду делать? — грустно сказал он. — Сцены у фонтана? На руках вас по очереди носить?

Девочки сконфузились и промямлили насчет того, что фонтана во дворе нет и носить их на руках не надо, а вот играть главные роли — они бы с превеликим удовольствием, но раз так, то и не надо.

— Попал я в дыру… — посочувствовал сам себе Король — так мы его мысленно сразу прозвали. — В деревню! К тетке! В глушь! — с выражением произнес он и вздохнул. — Монолог Фамусова. Но Лизу-то ладно — она Чацкого обманула, а меня за что?

— Думай, голова, думай, — сказал я ему. — Новую корону куплю.

— На фамилию мою намекаешь? — догадался Король. — Да меня всю жизнь Королем дразнят. Я не обижаюсь.

Хотел бы я так обижаться, если бы меня Королем дразнили! А то ведь Чижом прозвали — по фамилии…

Девочки стали Короля утешать, доказывать, что наш городок не такая уж и «дыра». Зимой областная филармония приезжает, в кинотеатре новые фильмы показывают, в парке — танцплощадка, а на базаре — ресторан. Можно подумать, что они каждый вечер ходят в ресторан пиво пить.

— А река какая! — показал большой палец Славка.

Река — да. Вовремя вспомнил.

— А еще, я слышал, — понизил голос Славка, — в нашем монастыре — подземный ход.

— Куда ведет? — встрепенулся Король.

— Неизвестно, — ответил Славка. — Куда-то. Там бабка Маланья повадилась шампиньоны собирать, сутки ее искали…

— Ну, — уставился на него Король.

— Дома нашли. Говорит, блукала-блукала и аж на кладбище вышла. Просили ее показать. А она ни в какую. Страху, говорит, натерпелась, с нами крестная сила!.. Ходили потом люди туда, она издали ход показала. Это ведь она ход случайно обнаружила, щавель в монастырском дворе рвала и провалилась! — рассказывал Славка. — Никому не сказала, ветками ход прикрыла и сама ходила шампиньоны собирать…

Ну, люди сунулись туда — кругом обвалы, завалы. На всякий случаи досками ход забили, чтоб никто не совался. А не то еще заблудится, как бабка… Уж на что Сашка Кравцов отчаянный, оторвал однажды доску — и туда. Через час выскочил как ошпаренный. Там летучие мыши. Вот с такими когтями! — И… затаил дыхание Король. — Дальше что?

— Вновь ход забили.

— Завтра идем, — деловито сказал Король.

— Заметят же и не пустят, — возразил я. Мне эта история о подземном ходе давно в ушах навязла.

— А мы ночью, — усмехнулся Король. — Решено?

Все вздрогнули.

— Берите фонари, свечи, суровых ниток побольше, — продолжал Король.

— А свечи зачем? — шепотом спросила Клава.

— Вдруг фонари погаснут.

— А нитки почему? — вытаращила глаза Нина.

— Чтоб не заблудиться. Нить Ариадны! Слышали

— Не-а… — помотал головой Славка.

— Это древнегреческий миф, — начал Король. — В одном древнегреческом лабиринте жило кровожадное чудовище по имени Минотавр. Герой Тесей решил убить его. Убить-то убил а назад дорогу найти не мог. Но красавица Ариадна — она кажется, внучкой Гелиоса была — привязала Тесею к поясу шелковую нить, когда тот уходил в лабиринт. По этой нити он и вышел обратно. Вот и мы поставим эту красавицу, — посмотрел он на Нину, — у входа с концом нити. А сами в путь!

— Какая же я красавица… — засмущалась Нина.

— Это я к слову, — отмахнулся Король. — Главное — принцип.

Нина заметно расстроилась.

— До завтра. Он не дал нам даже опомниться и ушел.

— Кто тебя за язык дергал? — осудила Клава Славку.

— Откуда ж я знал?.. — промямлил тот.

Да, самое главное (как потом оказалось). Несколько дней назад в наш дом вернулся из армии старый жилец — молодой парень, дзюдоист-разрядник. Парня звали Юрий. Для своих двадцати лет он был маленького роста — с меня, поэтому мы его окрестили Юриком. Возвращению Юрика никто не придал особого значения, кроме его родителей и старшей Нининой

— Светланы, которая раньше училась с ним в одном классе. Но дальнейшие события покажут: Король, случайно познакомившийся с ним — они были соседями, — задумал такое, что вскоре перевернуло нам всю жизнь.

Глава 3. НИТЬ АРИАДНЫ

Мне на ночь отпрашиваться не пришлось: я же в своей летней резиденции обычно ночую — в сарае. Славка — тот отпросился переночевать у меня. А вот девочкам пришлось туго Как ночью из дома уйти?

Их выручил Король — зашел к ним поочередно в гости, обаял родителей изысканными манерами и бархатными интонациями хорошо поставленного голоса. Он уговорил родителей Нины и Клавы отпустить дочек… на ночную рыбалку. «Под вашу личную ответственность», — не сразу согласились родители.

Больше всего родителей, наверное, удивило, что дочери сами-то не очень напрашиваются. Просто и Нине и Клаве было страшно, и они с удовольствием не пошли бы. Но раз они родителей не упрашивали, те согласились их отпустить.

У взрослых своя логика. Чем больше их просишь, тем дольше они не соглашаются. К примеру, точно знаешь, что не пустят тебя сегодня на реку, говоришь при маме будто бы сам себе: «На речку, что ли?.. Нет, не охота, не пойду». Мама сразу: «Да сходи ты на речку! Чего дома сидишь?»

Так и с девочками. Они до того домолчались, что родители их уговаривать стали: «Сходите. Такая романтика! Лес, костер река!» А про персональную ответственность Короля это они так, на всякий случай сказали, чтоб было потом с кого спрашивать, если дочери вдруг утонут.

Я очень удивлялся, зачем Король в такое опасное путешествие девочек потащил?

Он мне разъяснил:

— За вас, за тебя и за Славку, опасаюсь, что вы бояться будете. А девчонки от природы трусливы. Во-первых, на их фоне вы смельчаками себя почувствуете. Во-вторых, стыдно вам будет перед ними трусить, если что случится.

Поздно вечером, неся на плече удочки, Король в сопровождении девочек в лыжных костюмах

— их родители глядели из окон — прошествовали в мой сарай.

Мы провели короткий совет и осмотрели снаряжение. С фонариками получилось не густо: всего один — Витькин. Я добыл три свечи. Нина принесла большой клубок суровых ниток. Клава — десять коробков спичек. А Славка притащил тяжелый рюкзак с продуктами.

— Может, надолго застрянем, — сказал он нам.

Девочки напряженно переглянулись.

— Лопата есть? — спросил меня Король.

— Вот она, — показал я. — Зачем?

— Вдруг обвал и застрянем, — ответил он.

Девочки опять переглянулись и тут же захотели вернуться домой, благо близко было.

Король сумрачно предупредил:

— В таком случае я широко раскрою глаза вашим родителям, какие вы обманщицы. Они вас тогда на все лето из дому не выпустят!

Девочки притихли.

В монастырь мы пришли в полдвенадцатого ночи.

Сквозь голую арматуру соборной луковки светила луна в ее слабом свете трава и лопухи казались будто выреза из картона.

Мы тревожно оглядывались по сторонам.

Славка привел нас точно к забитому досками входу к роль вынул из кармана клещи.

— Посвети, — и дал мне фонарик.

Через несколько томительных минут, показавшихся мне високосным годом, он осторожненько вытащил гвозди и отодвинул две доски в сторону. Из черного, чернее, чем ночь вокруг, проема пахнуло могильным холодом.

Король посветил фонариком внутрь. Метрах в полутора внизу лежала груда битых кирпичей.

— Первыми идут девочки, — сказал он. Умница!

— Нет!.. Ни за что! — задрожали они. — Почему мы, а не вы?

— Если первыми пойдем мы, то вы убежите, — мудро заметил Король.

— Как ты мог подумать? — заныли они. — Мы не такие! Мы смелые! Ты нас плохо знаешь! Скажи ему, Леня.

Я посмотрел на Нину, и мне показалось, что я увидел ее беспомощные, вопросительные глаза. Сердце у меня стучало, как электричка. Странно, что этого никто не слышал.

— Первым пойду я, — глухо сказал я и спустился в проем.

Следом, придерживая за руки, Король спустил девочек. Затем рядом с нами рухнул Славка.

— Оставить вас здесь, что ли? — послышался сверху задумчивый голос Короля. — А вход

опять досками забить?

— Э-э! — испуганно воскликнул Славка.

Король, посвечивая фонариком, легко спрыгнул к нам:

— С юмором у вас… — осудил он. Встал на цыпочки и задвинул доски на прежнее место.

— Хорошо бы заколотить их изнутри, — размышлял он, — чтоб никто не удрал… Да ладно, а то шуму будет много.

Луч фонаря выхватил из тьмы низкий проход, ведущий влево.

— Итак, Ариадна, — обратился Король к Нине, — привязывай куда-нибудь и разматывай свою нить.

Нина привязала конец суровой нитки из клубка к железному пруту, торчащему из стены.

И мы цепочкой, взявшись за руки, осторожно двинулись вслед за Королем в загадочный проход.

— «Куда ты ведешь нас? Не видно ни зги!» — пробормотал я. Завещание все написали? Свой сарай я завещаю горсовету.

Луч фонаря освещал кирпичный свод, стены и земляные кочки под ногами. Кое-где проглядывали известняковые плиты пола. Я замыкал нашу цепочку, держа горячую руку Нины левой рукой (ближе к сердцу), в другой я нес совковую лопату. Так мы шли в неизвестность минут пятнадцать, пока не уперлись в завал.

Король поводил по нему лучом. С одной стороны завал не достиг свода; сквозь отверстие, величиной с хорошую тыкву, тянуло сквознячком.

— Обратной дороги нет, — храбрился Король. Дайте-ка лопату. Я передал ему по цепочке лопату, и Король принялся яростно орудовать, расширяя отверстие. Потом его сменил Славка затем — я. Хорошо, что завал был земляной и кирпичи попадались редко, иначе мы бы и до утра не справились. Лопата наткнулась на что-то твердое. Я подхватил совком и выбросил под ноги своим спутникам… человеческий череп.

— А-а-а! — завопили в один голос девчонки.

— Чт-т-то ч-ч-черепа не-не в-видели? — застучал зубами Славка.

— Одноименный череп усопшего в бозе монаха, — поднял Король.

— Брось, брось! — заверещали девочки.

— Тихо! — прикрикнул Король. — А то вы мне тут всех покойников разбудите.

Наконец мы расширили отверстие настолько, что можно было пролезть. Король ввинтился в эту дыру и исчез. Проем заполыхал светом фонарика.

— Долго я буду ждать? — послышался из-за преграды приглушенный голос Короля.

Мы поочередно пролезли к нему.

Подземный ход шел дальше. Луч фонарика не достигал его конца… В стенах торчали какие-то ржавые крючья с цепями, виднелись глухие ниши. Свод был осклизлый, кое-где с него капала холодная вода…

Часа через два, преодолев еще один завал, мы очутились в довольно просторном зальце. Здесь подземный ход разветвлялся, уходя влево и вправо. Со сводов по-прежнему падали тяжелые капли.

— Бр-р, — поежился Король. — Неуютно жили наши предки.

— Может, вернемся? — робко предложила Нина. Правда, хорошая мысль, а?

— Давайте сначала подзаправимся, тогда и решим, тихо сказал Славка и начал было снимать свой рюкзак. Тяжело нести.

— Спокойно, — заявил Король. — По-научному — спокуха.

— Уже полклубка осталось, — показала Нина. А мы даже компас не взяли.

Король как в воду глядел. Когда я потом весь день спал в сарае, мне все время снились скелеты, играющие в домино. Мне также вспоминался разговор Короля и Нины после того, как мы вышли на остров из подземелья.

— Без толку ходили… — вздыхала Нина,

— Как сказал Сирано де Бержерак, «вдвойне прекрасно то, что бесполезно!» Ходили без толку, а на всю жизнь запомните, — заметил он.

Я спросил у мамы, кто такой Сирано де Бержерак.

Она сказала:

— Героический персонаж из драмы французского классика Ростана.

Пожалуй, Король похож на этого де Бержерака…

Глава 4. СЛОВО — НЕ ВОРОБЕЙ

Мы еще разок попытались ночью пройти подземным ходом, уже без девчонок. Снова начали с монастырского двора, снова проползли по пути сквозь два лаза, проделанных нами в завалах, и… наткнулись на кирпичную стену от пола до самого потолка.

— Недавно поставили, — определил Славка.

Кирпичи и растворные швы даже по цвету отличались от старинной кладки.

— Шерлок Холмс… — усмехнулся Король. — Еще бы не недавно! Мы ж тут всего два дня назад были.

Мы вернулись обратно. И держа одежду над головой, переплывали на островок, где стояла часовня. Оделись и двинулись через другой проход, обнаруженный нами в прошлом путешествии. (Да, на этот раз он был почему-то так замаскирован скошенной травой, что тот, кто не знал, не догадался бы о нем нипочем. Целая копна сена его прикрывала!..)

Мы миновали ту зловещую нишу, где раньше скелеты жизнерадостно играли в домино. Ни скелетов, ни домино теперь не было…

Сплошные загадки.

А вот дверь была. И какая! Новая толстая дверь, надежно посаженная на петли, с врезанным замком, наглухо перекрывала проход.

Мы ее попинали ногами — даже не шелохнулась.

— Тут что-то не так… — бубнил Король, когда мы возвращались обратно. — Может, нас кто-то видел тогда?

— Никто! — клялся Славка. — У меня глаз — алмаз.

— А где нить Ариадны? — спохватился я.

Напрасно водил Король повсюду лучом фонаря. Нить исчезла! Будто ее и не было.

— Вот мы ее вели, вели, а она нас и подвела. Кто-то догадался, что мы здесь бродили, — задумался Король. — Кому-то мы мешаем…

— Ясно кому! Это специально сделали, чтобы здесь никто шлялся, шею себе зря не ломал, — сказал я.

— Может быть… — пробормотал Король. — Я этим займусь, — решительно сказал он. — Я докопаюсь.

Мы выбрались наружу, вновь закрыли вход копной сена и легли на нее.

В ночном небе мигали звезды, луна среди будто бы обожженных краев облачков зияла горящей дырой.

Послышались чьи-то шаги. Король включил фонарик. Перед нами стоял Сашка Кравцов, закрываясь рукой от слепящего луча. Другой рукой он полез в карман, достал фонарик и тоже включил. Какое-то мгновение Король и Сашка слепили друг друга.

Затем разом выключили свои прожекторы.

— Кто тут? — сипло спросил Сашка.

— Рыбак рыбака видит издалека. — Я невольно засмеялся.

— Ленька, что ли?.. — проворчал Сашка, узнав меня по голосу.

— Ну я, — Мы были втроем, и я ничуть его не боялся.

Сашка быстро осветил нас и спрятал фонарик:

— На троих соображаете?

— Закидушки поставили, — быстро ответил Король, боясь, что мы вдруг ляпнем что-нибудь лишнее.

— Здесь мои клёвые места, — с вызовом сказал Сашка. Если мой перемет зацепите, головы отвинчу и ввинтить позабуду!

— Местный мафиози? — спросил меня Король. Он впервые встретился с Сашкой.

— Че-го? — не понял Сашка. — Ты-то что за дикий гусь? Может, тебя из Красной книги вычеркнуть?

— Я говорю: гомо гомини люпус эст? — спокойно продолжал Король. — Человек человеку волк, по латыни.

— Че-го? — опять угрюмо повторил Сашка. — Ты кто такой? Уши прочистить?

— Шел бы ты… — лениво заметил Король, — отсюда. Недоумок.

Сашка потоптался на месте. Он понимал, что силы были неравные. И поэтому, неторопливо уходя, бросил:

— Вас не всегда будет много…

Шаги затихли.

— Что это за пещерная личность? — спросил Король.

Мы ему рассказали о Сашке, честно предупредив о возможных последствиях.

— Она и черта не боялась, но тут попался ей солдат, ответствовал стихами Король. И прошептал: — Надо бы ключи подобрать…

— К Сашке? — брякнул Славка.

— Чудак! К двери. — Подземный ход не давал Королю покоя.

Но вскоре произошел случай, который отодвинул наши подземные изыскания на второй план.

У Нины был день рождения — 14 лет. На полтора месяца старше меня, а воображает так, будто старше года на два. Впрочем, это к делу не относится.

Мы разоделись и пришли к ней вечером с цветами, сорванными напротив райисполкома, на рюмку «Байкала».

— «Коктейль-пати», по-английски, — сказал Король.

В гостях у Светы — старшей Нининой сестры, она заканчивала Культпросвет, — был тот самый Юрик, который недавно вернулся из армии. Мы сидели за праздничным столом, и Юрик всячески любезничал с ней, словно это у нее был день рождения, а не у Нины. «Света, что вам подать?», «Света, а вы не хотите?», «Света, а вот у нас в армии…»

В этот вечер он всех затмил. Даже родители Нины развесили уши, как слоны на водопое, слушая его увлекательные рассказы о боевой и политической подготовке современной пехоты. До армии Юрик имел второй разряд по вольной борьбе, а там получил первый по дзюдо. В секции занимался. Под конец службы даже в спортроту перевели. Собственно, с этим дзюдо у него случайно вышло. Он-то поначалу хотел к самбистам податься, но у них и без него был перебор, вот ему и посоветовали пойти в секцию дзюдо. Правильно говорят: человек больше всего любит то, что у него хорошо получается. Юрик очень полюбил дзюдо.

— Один дзюдоист, — прихлебывал Юрик чай, — весом, скажем, как я, пятьдесят шесть килограммов, может запросто сладить с пятью необученными салагами, весом, скажем, по девяносто килограммов каждый.

— Вас, мужчин, всегда на драку тянет, — с улыбкой заметила Нинина мать.

— Что вы! — он даже отставил чашку. — Дзюдо никому не заказано. И девушки могут заниматься, и, не поверите, пятилетние дети. В Японии несколько миллионов человек этим увлекаются!

— Как интересно, — из вежливости удивлялась мать Нины.

Король многозначительно взглянул на меня. Я ничего не понял.

— Жалко даже, что не смогу больше тренироваться, — пожалел себя Юрик.

— Почему? — спросил Король.

— Не с кем.

— А-а, — посочувствовал Король. — Тренера нет?

— И тренера тоже.

Пока они говорили, Славка выпытывал у матери Нины рецепт торта и советовал ей в будущем добавлять в тесто чуточку корицы.

— А сами вы смогли бы, например, тренировать? — как бы невзначай спрашивал Юрика Король.

— Понятно, смог бы, — улыбался Юрик на его наивность, — не разрядников, конечно. Новичков.

— Ясно, новичков, — кивнул Король. И вдруг в упор спросил: — А нас смогли бы?

— Кого «нас»? — оторопел Юрик.

— Нас, — повторил Король и обвел рукой стол.

— Нет, нас увольте, — засмеялись родители Нины.

А Света сказала:

— Вот если б художественная гимнастика…

Король не сводил с Юрика выжидающих глаз, гипнотизируя, как анаконда съедобную зверюшку.

— Ты серьезно?.. — рассмеялся Юрик в тревожном предчувствии.

— Или слабо? — опустил глаза Король.

— Почему слабо? — вконец растерялся Юрик. — И ничуть не слабо.

Король подмигнул Нине. Она-то сразу его поняла. И захлопала в ладоши:

— Согласны, да? Согласны? — и, не дав ему опомниться, заявила: — Спасибо большое вам, Юра!

— Так и быть, уговорили вы нас, — заулыбался Король. — Только вы построже с нас спрашивайте.

— Мы же, сами понимаете, — тут и я наконец догадался, куда Король гнул, — разболтанные, дворовые, как Му-Му.

Нина толкнула Клаву плечиком. Та поперхнулась чаем и зачастила, будто автомат:

— А то у нас одна улица на уме!

Юрик только глазками моргал.

— А действительно, — тут вступило в действие орудие крупного калибра — Света, — ребята со скуки помирают. Займись ими, Юрик, а?

— Хорошо, — промямлил Юрик, но видно было, что ему «плохо». Влип!

Он назначил нам встречу на следующий день на пляже напротив монастыря и ушел, сославшись на какие-то неотложные дела. Настолько расстроился, что свой чай не допил. Не было забот — навязали на его голову!..

Потом, уже во дворе, Нина недоуменно спросила Короля:

— Ну вам, мальчишкам-то, интересно… Потому я тебя и поддержала. А нам с Клавой твое дзюдо зачем?

— Как ты не понимаешь? — горячо ответил за Короля Славка. — Придешь ли на танцы, или домой поздно возвращаться будешь, хулиганы пристанут, а ты — рраз! — Тут он сделал для наглядности мне подножку, и я шлепнулся в детскую песочницу. — И готово.

Два! — завопил я, в свою очередь сделав подножку

Славке, и тот тоже рухнул в песочницу. (Держись теперь, «мафиози» Сашка!)

— Прекрасно! — восхитилась Клава. — В жизни обязательно пригодится.

Можно подумать, что к ней, с ее-то внешностью, будут приставать на танцах или на улице!.. Хотя могут, если у нее будет сумка с зарплатой.

— Заманчиво, — тряхнула челкой Нина.

— То-то же, — покровительственно сказал Король. — На то и голова, чтобы наперед думать. На всю оставшуюся жизнь. Думаете, зачем я вас в подземный ход водил? Смелость проверял — годимся мы для будущей секции или нет. Я еще тогда задумал Юрика упросить, когда прослышал про его дзюдо.

Нет, чем дольше я знаю Короля, тем больше им восхищаюсь. Смелый, находчивый, волевой!.. И как мы тут без него жили?

Просто прозябали.

Одно мне только не нравится: какими глазами Нина на него смотрит.

Глава 5. МЫ ПРОСВЕЩАЕМСЯ

Первое историческое собрание нашей будущей секции произошло в субботу на берегу реки, там, где песчаная коса за монастырем.

Пришли Витька Королев, Славка Роев, Нина Захарчева, Клава Петрова и я, конечно. Ну и, само собой разумеется, наш тренер Юрик. Вид у него был хмурый. Понятно, поймали его на слове… Тратить на нас время — кому охота.

— Надеюсь, — заметил он, — вам дзюдо нужно не для того, чтобы драться?

— Что вы! — улыбнулся Королев. — Это так вульгарно драться. Мы мечтаем стать настоящими спортсменами. Такими, как вы.

Мы дружно закивали.

Юрик недоверчиво покосился. Королев смотрел на него доверчивыми, чистыми глазами.

Складка на лбу нашего тренера разгладилась. Он сразу подобрел и со слабым протестом отмахнулся:

— Какой я спортсмен… Только два года в армии и занимался. Наверное, забыл все на свете, — и с надеждой взглянул на нас: вдруг мы передумаем и откажемся.

— С нами сразу вспомните, — сказал я. — По себе знаю. Вот я Славку в школе на буксир по математике брал. Сам вроде все забыл, а как начну с ним, дурнем, тут Славка захихикал, — заниматься, враз все вспоминаю.

Я умолк. Мы не сводили умоляющих глаз с Юрика.

— Так… — произнес он. — А где будем тренироваться?

— На песке… пока, — беззаботно ответил Король.

— Пока что? — спросил Юрик.

— Пока подвал в нашем доме не отремонтируем, — сказал Король. Гений! Ловко он про подвал ввернул.

— А разрешат? — усомнился Юрик.

— Ремонтировать никто не запретит, — поддержал Короля Славка, — это ж не разрушать!

— Подвал беру на себя, — с достоинством сказал Король. — Я уже произвел рекогносцировку.

— Ага… — озадачился Юрик и прищурился. — Рекогносцировку, говоришь?

— Ну да. Оценку местности.

— Ладно, — кивнул Юрик. — Вижу, мне от вас никак не избавиться.

— Не избавиться, — посочувствовала ему Нина. И томно продолжила: — Знаете, Юрий Петрович, моя старшая сестра Светлана так вам благодарна, так благодарна, что вы с нами займетесь, просто у меня слов нет. — Она вздохнула.

Юрик расцвел, затем поспешно согнал улыбку с лица, хмыкнул и сказал педагогическим голосом:

— Все, решено. Дебаты закончены, — и внезапно грустно заметил сам себе: — От судьбы не уйдешь…

Славка прыснул. Все строго уставились на него.

Юрик спохватился, встал, нахмурил брови и начал прохаживаться перед нами, заложив руки за спину:

— Немного истории. Истоки дзюдо скрываются, как говорится, в туманной древности. — Его любимое выражение — «как говорится». — Еще древние индийские массажисты, познав тайны массажа, умели не только лечить, но и, как говорится, при желании увечить. Такой вид борьбы, как джиу-джитсу, — мать дзюдо. Упоминание о джиу-джитсу встречается в японских летописях еще в 230 году до новой эры… — Он воодушевился: — Представляете?.. И «джиу» и «дзю» по-японски произносятся в общем-то неразличимо.

И переводятся на русский как «гибкое искусство» или «гибкий путь», «джитсу» — практика, «дзю» — гибкий, а «до» — путь, принцип. Образно «дзюдо» означает «победа умом».

— Это по мне, — тихо сказал Славка.

— Что нам известно об истории дзюдо? — продолжал Юрик. — Нам известно, что средневековый японский врач Акаяма Широбеи побывал в Китае и там в одной из тайных сект изучил боевую игру хакуда. Вернулся, он домой и…

Дальше я расскажу своими словами, а то у Юрика слишком уж все по-научному. Вернулся, значит, этот Акаяма (не jотсюда ли произошло наше русское слово «окаянный») и пошел в сад ноги размять. Была зима. Там у него в саду, как у всякого порядочного японца, одни вишни растут. Сакуры, по-ихнему. Видели японский фильм «Ветка сакуры»?

И вот снег обломал все ветки сакуры, кроме одной, тонкой и гибкой. Облепил ее, сгибает до земли.

«Сейчас и эта сломается», — грустно подумал Акаяма, вместо того чтобы стряхнуть с нее снег.

А ветка сгибалась, сгибалась — снег соскользнул, она выпрямилась!

«Ура! (или «банзай!») — воскликнул Акаяма. — Надо под даться, чтобы победить».

Да, все гениальное просто. По-моему, это напоминает знаменитые истории и про Архимеда («вода, вытесненная телом…»), и про Ньютона, который, вместо того чтобы съесть упавшее яблоко, открыл закон всемирного тяготения. Вот что значит быть внимательным.

Акаяма заперся на три года дома (еду ему, наверное, подсовывала под дверь служанка) и, тренируясь сам с собой, разработал триста рукопашных приемов. Теоретически. Но испытать их было не на ком, разве что на старухе служанке. Но она не соглашалась, конечно. Не дура.

И вот через три года он побрился, оделся во все новое и вышел на базарную площадь.

«Кого хочешь, — кричит, — поборю! Налетай по очереди или все вместе!»

Обиделись на него силачи. Какой-то замухрышка врач, а хорохорится. Кинулись на него, да не тут-то было…

Пока все триста приемов Акаяма не применил, не успокоился. Стон над городом стоял! Кого придушил, кому руки-ноги поломал!

Наверное, после этой битвы он тоже три года своих противников бесплатно лечил. Кто знает! История об этом умалчивает.

Наконец наступил 1860 год. Некий японец Дзигаро Кано решил возродить боевые игры, ну как Пьер де Кубертен олимпийские игры в 1896 году. Поскольку Кано был учителем, то решил, что уродовать людей на играх крайне непедагогично. Вместе с немецким врачом Бельцем (как говорится, под наблюдением врача) он убрал все слишком опасные, смертельные приемы и создал свою систему, которую и назвал «дзюдо».

Так возник новый вид спортивной борьбы.

В 1882 году в Токио Кано открыл первую школу дзюдо, называвшуюся Кодокан. У него занималось всего девять человек. Почти как у нас в недалеком будущем. (Если забежать вперед, у Юрика будет семь учеников.)

Шло время… Маленькая школа Кано превратилась в огромное семиэтажное здание. Здесь на тысяче татами — циновках для борьбы — целыми днями тренируются японцы, как говорится, от мала до велика: от пятилетних молокососов до семидесятилетних старцев. Сейчас в Японии увлекаются дзюдо миллионы и миллионы! По ста с лишним странам распространилась эта японская борьба. (Ничего удивительного, если даже сюда докатилась!)

Наши спортсмены вступили в Международную федерацию и Европейский союз в 1962 году, а Федерация дзюдо СССР основана в 1972 году.

Юрик рассказал нам и о костюме дзюдоиста. Костюм копирует одежду японского крестьянина: короткие брюки и куртка-кимоно, перехваченная матерчатым поясом без пряжки.

Тут Юрик вздохнул:

— Наших костюмов не достанешь. Бывают венгерские. Вот такие. — Он расстегнул сумку и достал свой костюм.

Первыми в него вцепились девочки, Нина и Клава.

— Какой красивый! — запищали они.

— Тридцать два рубля, — подчеркнул Юрик, видимо полагая, что мы ужаснемся цене и, может быть, отвяжемся от него и забудем про всякую секцию.

Его слабую надежду сразу потушила Клава, заявив:

— Сейчас все красивое дорого. Одни только туфли пятьдесят стоят.

— Конечно-конечно… — пробормотал Юрик. — Но ведь еще и достать нужно.

— А сшить нельзя? — поинтересовалась Нина. — А то я всем…

— Нет, — улыбнулся он торжествующе. — Особо прочная ткань!

— Я достану, — спокойно сказал Король. — Съезжу в область и… Короче, костюмы я тоже беру на себя.

Юрик с некоторой неприязнью взглянул на него. И делать нечего, продолжил свой рассказ о дзюдо.

— Да-а… — вздыхал практичный Славка, рассматривая костюм дзюдоиста, и бормотал себе под нос: — Ничего себе, копирует, видишь ли, одежду крестьянина… Вон венгерский сколько стоит! А сколько ж тогда японский?

Но, узнав, что в дзюдо выступают босиком, он приободрился:

— Хоть на обуви сэкономим.

Оказывается, цвет пояса говорит о квалификации борца, о его разряде. У Юрика был коричневый пояс. Юрик занимался дзюдо два года — ходил в секцию при Доме офицеров. Его учитель обладал черным поясом, а значит, мог присваивать ученикам все разряды только до черного пояса.

Юрик этак скромно намекнул, что он однажды пять раз подряд победил в трехминутных схватках и набрал 10 очков. И мог бы, конечно, получить первый «дан». Но… для этого надо заниматься еще года три.

Вообще, с этими разрядами, данами и поясами у японцев с ума сойдешь, пока разберешься. Очень сложная классификация, даже для моей сообразительной головы!

— Нечего вам этим сейчас голову забивать — так и сказал Юрик. — В общем, самым лучшим дзюдоистам повязывают черный пояс.

— Можно я расскажу? — неожиданно предложил Король.

— Ты? — удивился Юрик. — Ну, давай.

Король и пошел рассказывать!

— Разрядов в дзюдо — девятнадцать.

— Почему не двадцать? — спросил Славка.

— Если б было четырнадцать, ты бы спросил, почему не пятнадцать? — в тон ему ответил Король.

— Логично, — согласился Славка.

И Король продолжал свой рассказ:

— Для самого низшего разряда — белый пояс, затем по возрастанию — желтый, оранжевый, зеленый, синий, коричневый…

— Поскольку вы — юноши, то для вас не коричневый, а лиловый, — заметил Юрик, прервав Короля.

— Я согласен, — заулыбался Славка.

— Лиловый очень пошел бы к моему платью, — мечтательно произнесла Нина.

— Еще заработать надо, — вдруг по-мальчишески обиделся Юрик. — Вот мой коричневый приравнивается к юношескому лиловому.

— Извините их, — солидно сказал Король.

Короче, мы узнали, что первые шесть поясов — это для «киу» (новичков). Для нас, значит, если заслужим. Черный пояс присваивается уже обладателю дана.

— Ну, дальше нам насчет этого и знать не надо, — подытожил Король. — А?

— Откуда ты все знаешь? — запоздало удивился Юрик. Этот вопрос у каждого из нас вертелся на языке.

— А городская библиотека на что? Я зря времени не терял!

Вскоре пришла на пляж старшая сестра Нины Света, и Юрик заскакал вокруг нее, как ручной пони. И увлекательной лекции наступил конец.

…Мы возвращались домой, обмениваясь глубочайшими познаниями.

— А вообще, хорошо у них в Японии, — сказал я. — Мебели почти никакой, одни циновки.

Задвинул шкапчики по углам и тренируйся круглосуточно.

— Интересно, куда бы ты своих предков задвинул? — засмеялся Король.

И все засмеялись. Особенно звонко хохотала Нина над его глупой шуткой.

Я сразу потускнел. Тут любой потускнел бы. Мы с ней дружим вроде бы, а тут Король только приехал и уже оттеснил меня на второй план. Женское коварство!

Часть II. КОРОЛЬ, ДЗЮДО И КОМПАНИЯ

Глава 1. КОРОЛЬ И ЖЭК

На следующий день утром Король зашел за мной и очаровал моих родителей своими манерами: «извините», «пожалуйста», «благодарю вас».

— Вот с ним и дружи, — тихо сказала мать, на секунду задержав меня, когда мы уходили.

— Слуга покорный, — ответил я ей. — Извините, мадам, спешу. Целую ручки! — крикнул я от двери.

Мы спускались по лестнице, и Король меня поучал:

— Ничего не дается так легко, как вежливость…

— И ничто не обходится так дорого тому, с кем ты вежлив, — поддакнул я.

Он внимательно посмотрел на меня.

— А ты не глуп, — удивился он.

— Целую ручки, — смутился я.

— Ручки потом будешь целовать, — посерьезнел он. — Дверные, от подвала.

И тут только обратил я внимание на то, как он одет. Несмотря на жару, в костюме, при галстуке. На лацкане пиджака — комсомольский значок.

— Мы идем в ЖЭК, — деловито сообщил он. — Слов на ветер не бросаю. Я буду делегатом, а ты общественностью. Не вздумай нести отсебятину. Говорить буду я, — строго предупредил он. — А ты в нужные моменты повторяй для поддержки только «конечно», «еще бы». Понял?

— Конечно, — сказал я.

— Нет, правда? — озадачился он.

— Еще бы! — сказал я.

Он оценил и похлопал меня по плечу:

— Мы еще не пришли.

— Конечно, — сказал я и смешался под его взглядом. — Конечно — не то, что «конечно», а конечно, что мы еще не пришли, — пробормотал я, потому что на этот раз «конечно» вырвалось у меня просто невольно.

По воскресеньям начальник ЖЭКа Иван Степанович принимал только один час. Слава богу, очереди не было — ненавижу очереди.

Мы подождали, пока Иван Степанович подписал какой-то бабке обширную справку, и хотя дверь была открыта настежь, Король закрыл ее и вежливо постучал.

— Войдите, — удивленно откликнулся начальник.

Мы вошли.

— Здравствуйте. Извините, пожалуйста, что потревожили вас в выходной день, — сказал Король.

— Слушаю вас, — с изумлением насторожился Иван Степанович. Он не привык к такому обращению. Большинство посетителей почему-то всегда скандалили насчет ремонта, справок и прочего.

— Садитесь, — предложил он.

— У нас минутное дело. Но все зависит от присущей вам чуткости и отзывчивости, — подчеркнул Король.

— Конечно, — тут же поддакнул я.

— И понимания насущного момента, — невозмутимо продолжал Король.

— Еще бы! — воскликнул я.

Король недовольно оглянулся на меня. Видимо, я повторял заданные «вещие слова» не вовремя. А откуда тут поймешь, когда это необходимо? Я волновался не знаю как.

Иван Степанович еще больше насторожился:

— Слушаю внимательно.

Очевидно, раньше он слушал всех спустя рукава.

— Я к вам делегатом от широкой комсомольской общественности… — начал Король.

— Общественности! — внезапно вспылил Иван Степанович. — Лучше бы эта общественность во дворе грибки отремонтировала, качели для малышей!

— Мы вам лучше отремонтируем… — подхватил Король, сделав выразительную паузу, — подвал. Под всем домом!

— Подвал? — изумился начальник. — А-а, — догадался он, — для танцев? Ни за что!

— Нет, не для танцев, — сосредоточенно покачал головой Король, — не для танцев, уважаемый Иван Степанович.

И когда он узнал его имя?

— Конечно, — запоздало вставил я и добавил для пущей убедительности: — Еще бы!

— А для чего? — понизил голос начальник. — Для чего подвал-то? — занервничал он. — Подвал — это ПВО. Бомбоубежище, если хотите. Оборонный объект!

— Вот именно. Мы и будем в оборонном объекте заниматься оборонным видом спорта, — улыбнулся Король. — Дзюдо!

— Конечно! — воскликнул я.

Король и мне улыбнулся. Вероятно, тут я попал в подходящий момент. Поэтому я горячо добавил:

— Еще бы! Дзюдо!

— Дзюдо? — взвесил Иван Степанович непривычное слово.

— Ну да! Японский вид борьбы. Вроде самбо. Самооборона без оружия, — разъяснил Король.

Это хорошо, что без оружия, — серьезно заметил начальник. — Без оружия… — беспокойно пробормотал он. — Нет, я против. С оружием или без оружия — против. Вы, значит, без оружия, а мне потом косточки выметать?

— Так у нас же тренер! — развел руками Король. — Юрий Петрович Климов. Между прочим, бывший отличник боевой и политической подготовки. Имеет высокий спортивный разряд — коричневый пояс.

— Коричневый? — с интересом переспросил Иван Степанович и насупился. — Все равно не могу. Это ж подземное сооружение!

— Конечно! — невпопад сказал я.

— Вот видите! — обрадованно показал на меня пальцем начальник. — И общественность ваша понимает.

— Еще бы… — вконец скис я.

Гневно сверкнув на меня глазами, Король сказал:

— Конечно, еще бы не понимает! Общественность понимает, — и тоже указал на меня пальцем, — что вы в преддверии олимпийских игр, в программу которых, кстати, входит и дзюдо, отказываете вашей же общественности в важнейшем мероприятии. Вы, Иван Степанович, удивляюсь, не прислушиваетесь к сигналу снизу!

— Снизу?! — взревел начальник. — А что скажут жильцы сверху, на первом этаже, прислушиваясь к вашему шуму снизу, если я вам подвал выделю, а?

— Ничего жильцы не скажут. Подвал подо мной, — авторитетно заявил Король.

— Конечно! — обрадовался я. И, не удержавшись, брякнул: — Один в вышине.

— Кто один? — опешил начальник.

— Пушкин, — пробормотал я. — Это я так, к слову… Стихи. Подвал… то есть Кавказ подо мною, один в вышине. В общем, под Витькой подвал!

— Он там не один живет, на первом этаже, вы не на Кавказе, — упорствовал Иван Степанович.

Король вынул из бокового кармана пиджака лист бумаги и протянул ему.

— Что это? — оторопел начальник.

— Подписи жильцов первого этажа о единодушном согласии, — спокойно сказал Король. — Может, заверить у нотариуса? Как вы считаете? — словно соучастник, спросил он.

— У… нотариуса?! — поперхнулся Иван Степанович и официальным голосом произнес: —Подписи жильцов заверяются у меня. — Он спохватился. — Совсем запутали, — пожаловался он.

— Конечно, — сказал я.

— Еще бы! — заметил он сам себе.

— А главное, когда захотите, тогда и заберете у нас подвал. Зато отремонтированный, — деланно пожал плечами Король. — Вы же ничем не рискуете.

— Конечно… — задумался начальник.

— Еще бы, — сказал я.

— А как твой отец? — взглянул он на меня.

— Коне… — начал было я. Но Король крепко сжал мне руку — аж пальцы побелели, словно от мороза.

— Его отец «за», — твердо сказал Король со значительным видом.

— Тогда конечно, — вытер пот со лба начальник и накинулся на меня: — «Конечно-конечно»! «Еще бы»… Друг слов не знаешь?

— Конечно, — беспомощно вымолвил я.

— Еще бы, — машинально повторил он. — Тьфу ты, черт! К языку прилипло. Согласен!!! — крикнул он. — Все, досвидания.

— Большое спасибо, — раскланялся Король. — Вы чуткий товарищ.

Когда мы уходили, я обернулся. Иван Степанович глядел нам вслед вытаращенными глазами.

— Да, совсем забыл. Минуточку. — Король вернулся назад, закрыв передо мной дверь.

Из-за двери доносился уверенный голос Короля:

— … клеевую краску… кисти… пульверизатор для побелки… стекла — там две форточки разбиты…

Иван Степанович слабо возражал, понимая, что разбит наголову.

«Конечно! — ликующе воскликнул я про себя. — Еще бы!»

И сейчас только понял, почему Король именно меня взял с собой в виде общественности. Мой же отец был большим начальником! И я лишний раз восхитился прозорливостью Короля.

Глава 2. ПОДВАЛ ПОДО МНОЮ

Насчет подвала еще пришлось потрудиться. Если вы помните, моя мама там держала общественную библиотеку. Я маму уговорил-таки переселиться: теперь на двери нашей квартиры появилась бумажная табличка: «Домовая библиотека». Мама — понимающий человек, отзывчивый, особенно ко мне. Я же у своих родителей один-одинешенек, как перст, то есть палец. Как говорил Фамусов в «Горе от ума», от чего ж не порадеть родному человечку? Я-то лично против «блата», когда он несправедлив, но у нас и говорить об этом нечего. Подвал — для всех.

Ну, с подвалом мы провозились с неделю. Мусора оттуда вынесли гору!.. Белили стены… Мыли бетонный пол… Застекляли форточки оконцев.

Не один раз к нам наведывался сам Иван Степанович и совещался по деловым вопросам не с тренером Юриком, а с Королем. Да и Юрик-то приходил только к вечеру, после работы.

Невольно Король у нас стал самым главным. Чуть что, мы:

— Витя, а мне куда?

— Витя, что делать?

— Витя, погляди, как у меня получается.

Наша секция «реквизировала» дома у своих циновки из передних, все половички и ковровые дорожки. Оказалось, что ЖЭК имеет кое-какие фонды на спортивную работу. Король их исчерпал до дна: у нас появились гимнастический мат, шведская стенка, турник и две гири.

— Нет, мне все-таки голову когда-нибудь оторвут, — ужасался Иван Степанович, глядя на преобразившийся подвал, но видно было, что внутренне восхищался. — Теперь вас отсюда ни за что не вытуришь…

Боясь, что мы вдруг начнем расширять свои владения, он лично забил досками дверь, ведущую во вторую половину подвала — от второго подъезда до третьего.

По вечерам работать было веселее. Приходил Юрик и, вкалывая вместе со всеми, продолжал нас просвещать по теории дзюдо. Запоминали правила схватки и терминологию. Иные названия трудно даже выговорить. Например, «тсурикомогоши» — бросок через бедро.

— А если тсурико не могоши? — поинтересовался, хихикнув, Славка Роев.

— Тогда у противника «иппон», чистая победа, — усмехнулся Юрик.

— А если не случилось этой… чистой, бесспорной победы, — спрашивала Нина, — а ты все же победил?

— За явное преимущество, — объяснял Юрик.

— А конкретно, за что дают «иппон»? — Король все записывал в блокнот.

— За технически правильный бросок из стойки. За болевой прием на локтевой сустав, за удушающий захват. Ну и, конечно, за удержание на спине в течение 30 секунд, — отвечал

Юрик.

— Вот вы все говорите: удушающий захват… — пробормотал Славка. — А вдруг и впрямь, а? Если чувствуешь: дышать нечем!

— Ты должен дважды похлопать противника рукой или крикнуть «стой» — тебя отпустят, — сказал Юрик.

— Попробуй крикни, если прием на удушение, — вздохнул Славка.

Мы превратили подвал в спортзал, но занятия еще не начались. Во-первых, не было костюмов. А во-вторых, мы изучали случаи нарушений, опасные для здоровья. Есть еще такие Удивительные нарушения, как некрасивая поза, или уж совсем Дикие: например, схватить противника зубами за костюм, поставить (грязную?) ногу на (чистое?) лицо. Надо же!.. За все это дается предупреждение — «чуй».

Мы будем тренироваться на завоевание желтого пояса Для этого нам надо освоить: несколько приемов ногами, движений бедром и плечом, приемы уступания, удержания, удушающие… Ну, держись теперь, Сашка Кравцов!

На двери подвала мы написали красной краской романтическое слово «дойо» — зал для борьбы.

Не напрасно я вспомнил Сашку Кравцова… Однажды вечером он заявился к нам в «дойо».

— Глядите, еще один киу пришел! — воскликнул Славка, завидев его в дверях.

— Че-го? Я не Кио, — обиделся Сашка. — Я никому мозги не пудрю. Гляди, ты у меня еще заплачешь горючими слезами. Бензином!

— Что он грозится? — обратился за поддержкой к Королю Славка. — Пришел тут и грозится! Дурень, — осмелев, сказал он Сашке. — «Киу» — новичок по-японски.

— Извините за компанию, — улыбнулся Сашка. — Тогда я тоже хочу «киум» быть. — Он так и сказал «киум».

— Я как староста секции… — начал Король. Наука пошла ему впрок. Если Дзигаро Кано сам себе присвоил звание гроссмейстера, то Король сам себя выбрал старостой.

— Чихать я хотел, что ты староста, — заявил Сашка и вошел внутрь, прямо в башмаках. Мы-то сами ходили босиком, привыкали к будущим жарким схваткам.

— Кыш! — внезапно вскричала Клава, замахнувшись шваброй. Она только что вымыла полы, по строгой очереди.

Кулака бы Сашка не испугался, но мокрой тряпки любой испугается. Поэтому он проворно отскочил обратно к двери и уже оттуда сказал:

— Хотите знать, ваш тренер Юрец — мой братан двоюродный. Одно словечко ему уроню — он вас всех разгонит и будет только меня тренировать! Скушали? Вкусно? — скрестил руки на груди и прислонился к дверному косяку.

Мы переглянулись. Не то чтобы мы напугались — никого из нас Юрик, конечно, не выгонит, — а все же…

Но тут на ступеньках подвала послышались чьи-то громкие шаги, и возник сам Юрик.

— Здорово, братуха, — протянул ему руку Сашка.

— Привет, братик, — поздоровался с ним Юрик. — Тоже хочешь у нас заниматься? Пожалуйста. Как вы, ребята, считаете? — просто так спросил он нас.

Мы молчали. Юрик удивился.

— Что-то случилось?

Неожиданно Король начал размышлять вслух:

— Ясно же, верх наглости — не принять в секцию родственника тренера. Смешно даже…

— В чем дело? — недоумевал Юрик. И, очевидно, хорошо зная Сашку, строго взглянул на него.

— Не знаю. Глядят на меня, как джунглиевы звери, особенно вон та кобра. — Сашка показал на Клаву.

Она поправила свои очки и гневно ответила:

— Сам ты кобёр!

— Но-но-но! — забеспокоился Юрик. — Не ссорьтесь. А ты свои шуточки брось, — повернулся он к Сашке. — Тебя сюда не звали. А раз пришел, веди себя достойно.

— Я-то веду… — пробормотал Сашка. — Извините за компанию. Больше не буду у вас идиотничать… Пардон!

Это нас доконало.

— Пусть башмаки снимает, — подобрела Клава.

Сашка мгновенно сдернул с ног башмаки, не расшнуровывая, вместе с носками.

Ноги были грязные. Очень.

— Иди домой, — приказала Клава.

Сашка скрипнул зубами и выбежал из подвала к колонке на углу Пролетарской и Купеческой.

Пока он бегал ноги мыть, Юрик спросил:

— Вы что-нибудь не поделили? В контрах, да?

— А у вас больше никаких вот таких братьев нет? — поинтересовалась Нина. — Двоюродных, троюродных?

— Нет… Один такой, — ответил Юрик.

— Одного такого выдержим, — сдержанно произнес Король. — Ох, русская земля, когда б таких людей ты не являла миру, заглохла б нива жизни. По-моему, это из Ломоносова, — задумчиво склонил он голову набок, словно прислушиваясь сам к себе.

— Кумовство, — буркнул мне Славка.

— Семейственность, — согласился я.

Сашка притопал на пятках, чтобы не пачкать босые ноги по пути. Пятки вытер носками и выжидающе уставился на нас.

— Видишь ли, браток, — осторожно начал Юрик. — По-моему, они все-таки не хотят тебя брать…

— А зачем же я ноги мыл?! — взвился Сашка.

Все захохотали.

— Явился на готовенькое, — дернула плечиком Клава.

— Ну, хотите, еще раз подвал побелю, — предложил Сашка, хмуро глядя на Юрика. — Братан называется…

— Я-то «за», — смутился он. Извини, я в меньшинстве.

— Без тебя их вообще не было б, — логично заметил Сашка, переминаясь с ноги на ногу на холодном бетонном полу — циновок на весь подвал не хватило. — Я могу из дому палас принести, — искательно улыбнулся он. — Или ковер со стены сыму.

— Мать с тебя голову снимет, — хихикнул Славка. Ему, как и мне, нравилось Сашкино унижение. Что поделаешь, заслужил. Не всегда коту масленица. Тут тебе не на Набережной!

— Принимаем, чего там… — отмахнулся Король. — Решили, да? И тренер просит. Но при одном условии…

— Согласен на два, — поспешно сказал Сашка, — условия.

— Пусть достанет всем… кимоно, ну костюм дзюдоиста, — закончил Король.

Сашка исподлобья посмотрел на брата: мол, что это за «кимоно» такое, не подвох ли какой?

— Правильно! — захлопала в ладоши Нина, как бешеная.

Все закивали. Соломоново решение.

— Ага. Пойди туда, не знаю куда. Принеси то, не знаю что, — проворчал Сашка. — Я вам Иванушка-дурачок?

Но Юрик показал ему свой костюм дзюдоиста, и Сашка успокоился.

— Достану, — пообещал он. — Гоните монету.

— А разве можно ему доверять такие деньги? — вдруг спохватилась Нина. — Тридцать два рубля умножить на пять — это ведь ужас сколько будет!

— Сто шестьдесят рублей будет, — обиделся Сашка. — У меня и побольше не терялось.

— Решено, — одернул всех Король. — Время-то идет.

Мы позанимались, вместе с Сашкой, часа полтора по теории дзюдо и разошлись по домам клянчить у родителей деньги.

Когда мы встретились утром, оказалось, что на такое важное спортивное дело деньги дали всем. Всем, кроме… Короля!

— Мои говорят: прихоть, — сдержанно сообщил он.

Я первый раз видел его таким унылым и неуверенным. Даже не по себе стало.

— Не трухай, — ухмыльнулся Сашка. — Я тебе, так и быть, займу.

— Шутить я и сам умею, — гордо сказал Король.

— Какие же тут шутки, если про деньги речь? — поразился Сашка. — О деньгах не шутят. Денежки — это труд!

— Если не шутишь, благодарю, — с достоинством сказал удивленный Сашкиной щедростью Король. — Постараюсь скорее отдать.

— Отда-ашь, — протянул Сашка. — Куда ты денешься!

Он три раза пересчитал принесенные нами деньги. Сказал «ку-ку» и ушел вперевалочку.

— Плакали наши денежки, — вздохнула Клава.

— Еще не поздно догнать и отобрать, — предложил Славка.

— Не догонишь. Риск — благородное дело, — заявил повеселевший Король.

— Ты-то ничем не рискуешь, — заметила Клава.

— Как тебе не стыдно! — одернула ее Нина.

— Я репутацией своей рискую, — сухо сказал Клаве Король. — Если Сашка деньги зажилит, я свой аккордеон продам и всем верну.

Все смутились.

— Да бросьте вы, — сказал я. — Если что случится, Юрику скажем, тогда и «ку-ку»!

Мы ушли в подвал грызть теорию.

Глава 3. ДОБЫТЧИК САШКА

Сашка ходил с нами на занятия дня четыре. И все успокаивающе помахивал рукой на наши вопросительные взгляды. А на пятый не пришел.

Он пришел на шестой день. С большой сумкой.

— Вот, — гордо показал он на сумку.

Король молча пожал ему руку, а девочки дружно прокричали:

— Ура! Ура!

— Вы уж не сердитесь, — виновато сказал Сашка. — Кимоно я вам не достал. Зато купил каждому по нескольку пар кальсон и рубах. Порвется одна пара — надевай другую! — восторженно продолжал он при гробовом молчании. — Надолго хватит… А пояса из простыни сделаем. Здорово?

— Кальсоны-то хоть с тесемками? — грозно спросил Король.

— С тесемками, — обрадованно кивнул Сашка. — Не волнуйся, с тела не спадут. А ширинка на пуговицах. Белых кальсон, правда, не было, и я взял для девочек розовые, а мальчикам

синие.

— Ах, синие! — простонал Славка, который, как и мы все, не любил разгуливать по подвалу в кальсонах, даже синих.

— Ну да, как бантики на младенцах в колясках: у девочек розовые, у мальчиков синие. Чтоб не спутать, — невинно объяснил Сашка.

— Понятно. Чтобы меня вот с ним, обормотом, не спу тать? — изо всех сил сдерживаясь, показала на Славку Нина.

— Я тут при чем? — вскрикнул обиженный Славка.

— Еще и недовольны! — возмутился Сашка. — Я старался, два часа без билета трясся, чтобы деньги сэкономить. И то еле-еле достал. Сейчас все дефицит! Да вы послушайте…

— Послушаем, послушаем… — многообещающе сказал Король.

— Нам теперь терять нечего, — протянул Славка.

— Кроме кальсон, — добавил я.

Мы сели на циновки, и Сашка начал свой рассказ.

Вначале он поехал на толкучку. Послонялся там. Никто про такое слово и не слышал — «кимоно». Вот диски там из-под полы продают потрясающие за потрясающую до слез цену. Как говорится, «я не сплю, я не ем, я коплю на «Бони М». Есть, правда, гибкие пластинки — пленки, их делают из рентгеновских снимков. Те сравнительно по дешевке идут: рубля за два. Одно неприятно: на такой пластинке видны ребра, колени, всякие тазобедренные суставы. Но уже некоторые ловкачи научились окрашивать эти пленки в разные цвета, так что и ребер не видно.

— Ближе к сути, чудовище, — мрачно сказал Король.

Ну, не нашел Сашка кимоно на толкучке и поехал дальше. Три раза его контролеры гоняли…

Наконец поймали, загнали в угол тамбура. Сашка им во всем признался: едет, мол, из колонии, денег нет, справку потерял, а в области его ждет не дождется единственная родная душа — прабабушка, три дня он не ел, к ней спешит… Контролеры посовещались между собой. Тут же оштрафовали какого-то безбилетного дядю, и этот штраф дали Сашке на дорогу. А когда они ушли посочувствовав, тот дядя свои денежки у него отнял.

В вагонах — все равно скучно ехать — Сашка у людей поспрашивал: где эти кимоно купить? Никто, как назло, не знал. А если кто и знал, не признавался.

— Ты бы еще у машиниста спросил, — съязвила Клава.

И у машиниста Сашка спрашивал. Машинист как раз и помог. У него на базе сноха работала. К ней он и направил Сашку с запиской. Написал: «Посодействуй».

Она посодействовала.

— И выдала кальсоны, — залился нервным смехом Славка.

— И выдала… — уныло кивнул Сашка и вдруг звонко вскричал: — И выдала кимоно!

Он вскочил, расстегнул сумку и вывалил на циновки новенькие белоснежные костюмы дзюдоистов.

Сначала все мы оторопели, затем, схватившись за руки, пустились в пляс вокруг Сашки.

Так во время пляски с индейскими воплями и застал нас Юрик, вернувшийся с работы.

— Венгерские! — восхитился он, только взглянув на кимоно.

Костюмы всем оказались впору — недаром Сашка брал у каждого из нас точные размеры.

Все было просто.

Это сейчас выглядит просто, когда мы уже при костюмах. А Сашке-то пришлось потрудиться. Четыре дня он названивал междугородным с телеграфа по разным спортивным магазинам в область. И наконец наткнулся на один, куда должны были костюмы завезти. Срочно поехал. А их уже раскупили: там, в области, целых три секции дзюдо для подростков!

Что делать?

Сашка, не теряя присутствия боевого духа, поехал на спорт-базу и там-таки выбил костюмчики.

Зачем он на «толчок» заезжал?

Очень обыкновенно. Купил три гибкие пластинки «Абба». Их он и подарил экспедиторше на спортбазе. Такая видная из себя девица, в джинсах. «Приезжайте еще», — на прощание говорила.

Интересно, что было бы, если бы мы не приняли Сашку в секцию! Или, как заметил Король, что было бы, если бы он не поставил Сашке Это условие — добыть костюмы?

Теперь-то мы живем! Можно тренироваться. Как говорится, переходить от теории к практике.

Сашка настолько возгордился, что потребовал, чтобы его назначили старостой. Затея у него не выгорела. Хоть мы и не выбирали Короля, а он сам себя выбрал старостой, мы встали за него горой. Конечно, здорово, что Сашка достал костюмы, но, если бы не Король, не видать бы нам ни секции, ни спортзала в подвале. Вот и пришлось Сашке снять вопрос о старосте с повестки дня.

После разучивания стойки дзюдоиста Сашка отозвал Короля в сторону и о чем-то таинственно шептался.

Интересно о чем? Узнай попробуй.

Я как-то привык считать Короля своим другом. Ревность у меня, что ли, появилась? Разве можно ревновать друга? Это слово «ревность» больше подходит к дружбе между мальчиком и девочкой. Что ж выходит? Нину я ревную к Королю, а Короля — к Сашке? Муть прямо-таки…

Я не выдержал и «равнодушно» спросил у Короля, чего Сашка от него хочет.

— Я уже не помню, — уклончиво ответил он. — Чепуху какую-то говорил… — и внезапно спросил: — Тебе доверять можно?

— А как ты думаешь? — оскорбился я.

— Думаю, можно, — не сразу ответил он.

— А спрашиваешь… — еще больше обиделся я.

— Товарищу своему можешь помочь? — вновь таинственно спросил Король.

— В лепешку расшибусь! — горячо заверил его я. — Обязательно! Железно! Могила!

— Я так и думал, — кивнул он. — Придет время — скажу тебе.

И больше он мне ни гу-гу, как я у него ни выпытывал.

Странный человек. Если он доверяет мне, то зачем спрашивать? Если же не доверяет, то опять же спрашивать незачем. Нет, тут без Сашки не обошлось. А Сашка — тип себе на уме. Это он юлой вертелся, всех задабривал, чтобы только в секцию попасть. «Известный прохиндей», как сказала бы моя покойная бабушка.

Что предпринять?

Ждать…

Глава 4. ЗАГАДОЧНЫЕ ПОЕЗДКИ КОРОЛЯ

Закрывая дверь своей квартиры, я услышал доносившийся снизу разговор Короля с его отцом.

— Да нет у меня денег, — недовольно говорил Королев-старший. — Мы тебя предупреждали: прежде чем занимать, подумай.

— И не занимай?.. Как же я за кимоно рассчитаюсь? — уныло отозвался Король.

— Твое дело, — отрезал отец. — Мы не миллионеры. Один переезд сюда в копеечку обошелся. Даже аванс еще не получали. Пусть твой кредитор подождет.

— Он не хочет ждать. Может, мой аккордеон продадим?..

Голоса затихли. Вот тебе и Сашка! Таким добряком прикинулся: могу заня-я-ять… А теперь, оказалось, уже долг требует. Нашел-таки, как Королю отомстить.

Я выбежал во двор. Король сидел на скамейке у подъезда грустный, как рыцарь печального образа.

— Привет.

— Привет. — Я сел рядом. Я не мог ему помочь. Попросить у своих родителей взаймы для Короля, чтобы он отдал деньги Сашке? Глупо. У Короля ведь свои родители имеются.

Король вдруг решительно встал и пошел к воротам. Я побрел за ним.

Он сердито оглянулся:

— Вечером на тренировке встретимся.

Как говорится, отшил меня. Но я не отставал:

— Ты вчера обещал мне что-то рассказать… Что, а? — пристал я к нему.

— Ничего я не обещал! — вспыхнул Король.

— Ну как же… — начал я.

— Я просто спросил: можно ли на тебя положиться? И все, — сказал Король.

— Я же тебе ответил, что можно! — воскликнул я.

— А я тебе сказал: придет время — узнаешь. Гуд бай, — Король обернулся. — Ты не обижайся только. — И подмигнул. — Каждому овощу свой срок.

Я подождал, пока он скрылся за углом дома, и потопал следом. Решил проследить за ним. Не знал даже, что у меня такие шпионские способности. Из меня, наверное, вышел бы хороший сыщик.

Следуя за Королем, я прятался за спинами толстых прохожих, за деревьями, за доисторическими афишными тумбами…

Ага! Так я и предчувствовал: Король зашел в дом к Сашке. Не зря они вчера о чем-то шептались…

Я спрятался за густым кустом акации и выжидал.

Вскоре Король вышел вместе с Сашкой. В руке у Сашки был модный черный кейс с металлической окантовкой. Они остановились прямо перед кустом, за которым я прятался.

— Я уже тебя выручил, — настаивал Сашка.

— Откуда я знал, что ты так быстро долг потребуешь? — угрюмо сказал Король.

— Я и сам не знал, — оправдывался Сашка. — Так получилось. Непредвиденные обстоятельства. Я же сам у соседей для тебя занял, а они теперь требуют: «Гони монету назад». Разве я виноват? Да ты не горюй, простое дело! Сегодня я тебе покажу, как и что. Ну, а в другие дни ты уж сам старайся, а? С каждой получаешь полтинник. Тебе и надо всего-то загнать шестьдесят четыре штуки. Как раз получится тридцать два рубля, и мы в расчете.

Тридцать два рубля — цена костюма дзюдоиста. А что такое эти «шестьдесят четыре штуки»? И кому Король их должен «загнать», продать то есть?..

— Была не была, — напряженно помолчав, вяло согласился Король. — А если поймают?

— Чудак человек, — ласково попенял Сашка. — Ты же несовершеннолетний! Ты же сам за себя не отвечаешь. Ну, скажешь: почем купил, по том и продаю. Эти надоели, хочу купить новые.

— А где ты их столько набрал? — спросил Король.

— Там же покупал. Постепенно и накопились. Раньше я брал по рубль пятьдесят, а теперь идут по два. Ты не подумай, я себе ничего не выгадываю. Просто хочу тебя выручить, да и себя тоже. Я ведь у соседей занимал! — сердился Сашка. — Ты же не хочешь друга подвести?

— Пошли, — обреченно сказал Король, — друг…

Я незаметно проследовал за ними до самой станции.

Они купили билеты на пригородный. Протягивая мелочь в окошко, Сашка громко попросил:

— Два до Узловой и обратно.

На Узловой размещалась толкучка. Для меня что-то начинало проясняться…

Я заметил, в какой они сели вагон, купил билет и втиснулся в следующий вагон электрички, надеясь, что не потеряю их из виду, раз мне известно, где они выходят.

Минут через двадцать, ощупывая помятые ребра, я вместе с людским потоком вылетел на платформу в Узловой.

Напрасно я рыскал глазами: Короля и Сашки нигде не было видно.

Я подчинился течению толпы, и оно вскоре внесло меня в ворота толкучки. Над фанерной аркой ворот было написано большими буквами: «Продажа подержанных вещей с рук». На большом пустыре, огороженном зеленым забором, толклись сотни людей. Над головами проплывали пиджаки, пальто и шапки, надетые на палки. Один дядька нес целое огородное чучело: в кепке, пиджаке и штанах.

Кое-где тянулись дощатые ряды с навесами — там торговали посудой, старыми журналами, замками, инструментом, вениками, мочалками, семенами, цветами…

— А где продают пластинки? — спросил я у дядьки с «чучелом».

— Вон там, в конце, — махнул он рукой.

Мимо проплыла бабка с картонным объявлением, пришпиленным булавками к кофте на спине: «Дешево отдам оренбургский пуховый платок».

— Ни разу не лицованные брюки! — хрипло выкрикивал усатый мужчина.

На складном стульчике среди очумелой сутолоки сидел молодой человек с табличкой: «Имеются сыромятные намордники (для собак)».

На толкучке я был первый раз, хоть и слышал о ней много. Я уже говорил о том, что она раньше находилась в областном центре. Затем ее стали гнать все дальше и дальше, пока не переместили сюда. Толкучка мне напомнила всевозможные «развалы» и «привозы» из кинофильмов о гражданской войне и нэпе.

Около музыкального ряда тоже людно. Здесь торговали старыми пластинками Апрелевского завода и какой-то заграничной фирмы «Колумбия». Хрипло звучали допотопные патефоны голосами Шульженко, Бернеса, Утесова, громыхали чарльстоны, фокстроты, буги-вуги…

На заборе было написано мелом: «Спекуляция пластинками строго запрещена!»

Здесь-то я и увидел вновь Сашку с Королем. Почему меня понесло именно сюда? Я вспомнил, как Сашка рассказывал о «пленках» с модными записями, которые на толкучке идут каждая за два рубля. Я понял: Сашка заставлял Короля продавать свои гибкие пластинки, чтобы вернуть долг.

Ни Сашка, ни Король меня не замечали, в такой кутерьме мудрено заметить.

Сашка шептался с покупателями, отводил их в сторону, за туалет, и они возвращались оттуда осчастливленные, с музыкальными рентгеновскими снимками и отощавшим кошельком.

Король ходил за Сашкой как привязанный — обучался.

Больше мне тут делать было нечего. Если я сейчас подойду к Королю, застав его за этим занятием, мы навеки станем врагами. Не от хорошей жизни он сюда приперся…

Поймал его Сашка на крючок. Я не очень верил в то, что Сашка хочет выручить Короля. Не тот он человек, Сашка, чтобы кому-то помогать. Он везде ищет выгоду. Весь в своего дядьку. Сашкин дядька из «Фотографии», что на нашем базаре, я слышал, на мотоцикле по деревням ездит, «щелкает» колхозников без всяких квитанций, а денежки прикарманивает полностью, ухарь-купец.

Жалко мне Короля, ох жалко. Одна надежда, Король с Сашкой быстро расквитается, тогда мы серьезно и поговорим. Сейчас же я ничем ему помочь не могу… Так размышлял я, возвращаясь домой на электричке.

Вечером на тренировке, когда мы разучивали подножки и подсечки, я поглядывал то на Короля, то на Сашку. Их лица ничего особенного не выражали. Они увлеченно тренировались, и только я знал их тайну.

На следующий день Король уехал электричкой один. Понятно куда.

Так продолжалось и в следующие субботу с воскресеньем. Король вел так называемую двойную жизнь: днем торговал, вечером тренировался.

А в понедельник, перед тем как перейти к броскам через бедро, Король при всех спокойно вынул из кошелька деньги и отдал их Сашке.

— За мной должок был. Спасибо. Пересчитай, — посоветовал он.

— Верю, — Сашка, не считая, спрятал деньги.

У меня могильный камень с души свалился. Молодец Король, что при свидетелях долг отдал. Если б он рассчитался с глазу на глаз, доказывай потом, что вернул. Сашка вполне мог заявить: ничего не помню, не было такого.

После тренировки Сашка куда-то исчез, а мы — Король, девочки, Славка и я — пошли в парк.

Парк у нас хороший. Густой, заросший, почти не культурный. Культурных точек было только две: танцплощадка за колючей проволокой и открытое кафе-мороженое.

— Угощаю всех мороженым! — вдруг сказал Король.

— Разбогател? — не выдержал я. — Откуда дровишки?

— Выиграл в спортлото пятьдесят рублей, — соврал он. — Тридцать два отдал, восемнадцать осталось.

— Везет же, — поверила Нина.

— Нет, правда? — удивилась Клава.

А Славка облизнулся, как бегемот:

— Пломбир с орехами?

— С чем хочешь, — важно сказал Король. — Лопайте от пуза.

Я хотел отказаться, честный такой, понимая, откуда у Короля деньги, якобы выигранные в спортлото, но не решился. Начнутся расспросы: отчего да почему? И нашелся-таки: сказал, что просто так с ними посижу, горло болит.

Все же мне пришлось выпить два фруктовых коктейля: на «горло» они повлиять не могут. А Славка, Нина и Клава умяли, жутко сказать, по килограмму мороженого каждый: по двадцать

шариков в вазочках.

Король сиял. Сам он осилил полтора килограмма.

На новую тренировку пришли только мы с Сашкой. Остальные спортсмены лежали дома: горло у них болело. От судьбы не скроешься: дурные деньги впрок не идут.

Я был зол на Сашку и на тренировке провел ему такой бросок через плечо, что он еле встал.

Забыл сообщить: мы не только разучивали приемы. Словно ненормальные, мы занимались специальной зарядкой: отжимались от пола, приседали, бегали до реки и обратно, и снова до реки, плавали до посинения, подтягивались на турнике, висели на шведской стенке…

— Приемы приемами, — подчеркивал Юрик, — но дзюдоист должен быть выносливым, как верблюд, быстрым, как скакун, ловким, как обезьяна, сильным, как слон, гибким, как змея…

Зоопарк, да и только!

Зато на аппетит никто теперь не жаловался. Уминали все подчистую, что родители на стол ни подадут, и даже просили добавки. Но никто из нас не поправлялся: Славка — тот даже похудел, нагрузка большая.

Я все никак не решался поговорить с Королем.

Он вновь стал уезжать по воскресным дням на толкучку с Сашкой. Затянуло его!

Ну как с ним поговорить? Не мог же я признаться, что следил за ним.

Безвыходное положение…

— Помнишь, — как-то сказал я Королю, — ты просил тебе в чем-то помочь?

— Все обошлось, — улыбнулся в ответ Король. — Благодарю за пристальное внимание.

Он заметно отошел от нас и все теснее сближался с Сашкой. У них возникли особые отношения, как у Англии с Америкой.

Даже девчонки и Славка это заметили. Но я не мог с ними посоветоваться: Славка — тугодум, а у девчонок языки длиннее кос, которые они сейчас не носят по моде.

Глава 5. РАЗМЫШЛЯЮ И НЕ ДЕЙСТВУЮ

Когда мы жаловались на тренировках, что устали, Юрик говаривал:

— Японские дзюдоисты тренируются по четыре часа в день, причем подряд, без перерывов, не уходя с татами, а против них выпускают новых, свежих партнеров.

— Я на их месте сразу бы сдох, — чистосердечно признался Славка. В последнее время он стал стройным, подтянутым, как Д’Артаньян. Прямо не узнать. Куда только живот делся!

— Тренировки съели, — отвечал Славка. Занятия пошли ему явно на пользу.

Приближались олимпийские игры…

Юрик твердо решил поехать в Москву.

— Возьму на неделю отпуск без содержания и махну. Уж как-нибудь, а на состязания по дзюдо обязательно попаду. Костьми лягу на пороге Дворца спорта в Лужниках.

Мы ему страшно завидовали. О поездке на олимпиаду мы и не мечтали. Одна дорога, с пересадкой, 600 километров; проезд туда и назад, даже в общем вагоне, рублей тридцать пять стоит. Да и в самой Москве надо где-то и на что-то жить. А билеты на дзюдо — Юрик узнавал — по 7 рублей. В день два состязания — утром и вечером — 14 рублей. Умножить на неделю соревнований дзюдоистов — 98 рублей!

— Минимум сотни в полторы ему поездочка влетит, — подсчитал Сашка.

Родители нас успокаивали:

— По телевизору все увидите.

Увы… Не все, конечно, но кое-что и правда увидим. Одно утешение.

Сашка сообщил Юрику новость:

— Говорят, в Москву на время олимпиады въезд ограниченный. Только москвичей пускать будут, которые из отпуска едут или еще откуда.

— Ничего, — не унывал Юрик. — Вы меня пошлете контейнером в багажном вагоне на адрес моей тетки. Только дырки провертеть не забудьте, а то задохнусь.

Хорошенький был бы вид у его тетки, когда она получила бы своего племянника Юрика в контейнере с доставкой на дом. Он выскочил бы из ящика с цирковым криком «ап!», как черт из коробочки, и тетка тут же отдала бы концы, освободив ему свою московскую жилплощадь, как вслух себе представил Сашка Кравцов.

Но, шути не шути, Юрик обязательно в Москву попадет. Он человек настойчивый. Не в таких переделках бывал. А мы останемся куковать у телевизора. Хорошо хоть, что наш городок первую программу Центрального телевидения принимает. Но ходят слухи, что в основном спортивные соревнования будут показывать по четвертой программе. У нас же ее нет.

— Да вы не волнуйтесь, — успокаивал Юрик. — Не обидят. Покажут по видеозаписи.

Везет же москвичам. Олимпиада к ним прямо домой пожаловала. Все у них под боком, куда хочешь иди. Какая несправедливость!

Когда мне было всего три года и меня переводили из одного детского сада в другой, то дали такую письменную характеристику: «Не умеет сморкаться и держать ложку». В другой характеристике — я переводился из школы в области сюда, в район, — написали: «Не умеет сосредоточенно работать над домашними заданиями». Теперь же можно в новой характеристике смело подчеркнуть: «Не умеет ездить на олимпийские игры».

Кое-какой шанс, конечно, есть когда-нибудь побывать на олимпиаде. Если Пьер де Кубертен возродил Игры в 1896 году и они добрались до Москвы только через 84 года, то во второй раз они будут у нас еще через столько же лет, не раньше. Мне тогда стукнет 98 лет. Вот тогда и поеду: никто не остановит. За такой срок и денег скоплю — рублей двести!

Я преподнес эти строго математические выкладки родителям, и отец сказал:

— Очень хорошо!

— Что я в 98 лет на новую Московскую олимпиаду поеду? — грустно усмехнулся я.

— Что до 98 лет доживешь, — весело ответил он.

Тренировки продолжались: захваты, броски, подножки…

У нас начались, говоря по-японски, «сохичейко» — июльские тренировки, которые в Японии продолжаются тридцать дней.

— Максимум эффективности при минимуме усилий, — повторял Юрик. — Старайтесь использовать в схватке силу противника.

— Как это? — удивлялся Славка.

— Представь себе: противник использовал свою силу на прием против тебя, а ты нарочно поддался. Он же сам полетит вверх тормашками!

Интересно, что у японцев дзюдо не просто вид борьбы, а целая философия жизни, восходящая к буддизму: мол, «я и весь мир слиты в единое тело». Дзюдо как бы учит гармонии духа и тела, воспитывает добродетельные черты характера, совершенствует человеческую натуру…

Мне это не совсем понятно. Точно так же любой вид спорта совершенствует человека. Настоящий спортсмен ведь никогда не обидит слабого. При чем тут именно дзюдо?

И еще: как же быть с одним из главных правил дзюдоиста: «Даже во время тренировочной схватки ты должен видеть в противнике врага»? Где же гармония?..

Врага в противнике я видел только тогда, когда у меня была схватка с Сашкой. Ни к Славке, ни к Королю я враждебных чувств не испытывал, даже если они проводили против меня удачный прием. Может быть, поэтому из меня перспективного дзюдоиста и не получится.

Но ведь спортом занимаются не только ради немыслимых рекордов и сокрушительных побед. Узнать себя, свои возможности, стать из «дохляка» сильным и быстрым — тоже неплохо. И характер закаляется. Отвыкаешь ныть при любой неудаче.

А разве не пригодится в жизни такой принцип дзюдо, как: «невозможно защищаться, если одновременно не атаковать»?

У моего отца этот принцип годами отрабатывался. Если ему звонит начальство и снимает стружку за медленную модернизацию завода, он сразу начинает: «А трубы вы поставили? А где обещанное оборудование?..»

Вот так-то, уважаемые читатели.

Мы тренировались по-европейски. Если уставали, то отдыхали. А в Японии тренируются до изнеможения, пока не свалятся.

И все равно девчонки жаловались на нагрузку.

— Мы от природы более гибкие по сравнению с мужчинами, — утверждали они. — Нам бы нагрузку поменьше, а приемов показать побольше.

— Дряблым мышцам никакие приемы не помогут, — утверждал Юрик. — А гибкость тоже развивать надо.

Любопытно, что, пока в дзюдо не ввели весовые категории, обычно побеждали спортсмены весом больше ста килограммов. Да… Какую же силу надо было иметь, чтобы такую тушу —

центнер! — бросить?

И самое распространенное заблуждение — это, что слабый человек, владеющий приемами дзюдо, может запросто победить сильных соперников.

Жалко, что мы не могли провести командные соревнования. Одна только команда в городе — наша.

Самых больших успехов у нас достиг Король.

Любо-дорого было посмотреть, как он по системе «айкито» крутится вокруг Славки, создавая перед ним как бы пустоту, чтобы внезапно провести решающий прием. Ну прямо-таки внук Риссикано — сына знаменитого Дзигаро Кано.

Трудно рассказывать обо всем, что мы изучили: приемы на руки, на шею, движения бедром, плечом, руками и другие болевые приемы — до шести позиций…

У меня лучше всего получался бросок с подхватом под одну или две ноги. Возьмешься правой рукой за отворот, левой за костюм под локтем противника и — бац! Меня, правда, тоже «бацали», особенно Король.

Мы-то, ясно, включая и Юрика, были в наилегчайшем весе — до 60 килограммов. Он говорил: по его мнению, самый лучший вес — полусредний. Идеальный, можно сказать, — 75. Вот еще в 1961 году на третьем первенстве мира в Париже японец Кога весом в 75 килограммов победил негра весом в 105!

Ничего, и мы с возрастом станем по весу идеальными.

…Я так думаю: здорово нам повезло. Прослышав о нашем «дойо», к нам приходили десятки пацанов, умоляя их принять.

Юрик был неумолим и отказывал наотрез. Он принял в секцию еще только Свету — старшую сестру Нины. Надумала наконец. Нина ей все уши прожужжала.

Света не могла нас, разумеется, нагнать. И Юрик занимался с ней индивидуально, по особой программе. Она была способная и быстро вошла во вкус. Костюм ей Юрик самолично достал.

Но что обиднее всего, на олимпиаду он уехал с ней. Занимается она дзюдо без году неделя, а туда же!..

Своим заместителем он оставил Короля, передав ему учебник по дзюдо и все полномочия.

С этих пор Короля было не узнать. Он сразу превратился в диктатора. За ошибки и малейшие пререкания он стал удалять виноватых из «дойо».

Ну, я понимаю, на соревнованиях нельзя ошибаться и спорить с судьей. А при чем тут тренировки? На то они и тренировки, чтобы ошибаться и исправлять ошибки, и поспорить можно, чтобы лучше все уяснить.

Тем более что он не судья и не настоящий тренер даже, а такой же, как и мы, «киу», если на то пошло.

Я чувствовал, что его замашки к добру не приведут.

Назревал скандал.

Часть III. ПРЕСТУПНАЯ ГРУППА

Глава 1. ЗАБАСТОВКА

Мы проводили «рандори» — свободные упражнения в условиях реальной схватки. Совершенствовали приемы, движения…

— Вяло работаешь, — прикрикнул Король на Славку. — Я тобой недоволен. Как сонная муха!

— Я книжку интересную читал до двух ночи, — честно признался Славка. — Наверное, не выспался, — виновато улыбнулся он.

— Иди и проспись, — бросил Король.

— Как?.. — растерялся Славка.

— Молча, — хихикнул Сашка.

Король строго глянул на него, и тот принял сосредоточенный вид идиота, размышляющего над тем, где находится «Крыша Европы», а попросту — Альпы.

— Кому говорю? — Король указал Славке на дверь.

Мы смотрели, как Славка молча переодевается.

— Витя, ты не прав… — начала было Клава.

— Вслед за ним захотела? — усмехнулся Король.

— Захотела, — упрямо задрала подбородок Клава и тоже пошла переодеваться, за ширму для девочек.

— Ну-ну… — протянул Король. — Кто еще недоволен?

— Я, — сказала Нина и ушла к Клаве.

Король растерялся:

— Вы что, всерьез?

— А ты всерьез? — высунула голову из-за ширмы Нина. — Или у тебя шутки такие грубые?

— Запиши им прогул, — вновь засмеялся Сашка.

— Что ж… Остаемся втроем, — значительно проговорил Король.

— Вдвоем, — уточнил я, тоже уходя.

— Леня, и ты?.. — как-то беспомощно спросил Король. Наверно, так спрашивал Цезарь своего друга Брута, когда тот занес над ним кинжал: «И ты, Брут?..»

Я ему так и ответил:

— Ты далеко не Цезарь, а я не Брут.

— При чем тут Цезарь? — постарался взять себя в руки Король.

— Не строй из себя диктатора, — обернулся я.

— Да что вы, ребята… — бормотал расстроенный Славка. — Оставайтесь. Я ведь, правда, не выспался. Не надо из-за меня.

Девочки вышли из-за ширмы.

— Не воображай, — одернула его Нина. — Мы не из-за тебя.

— А из-за него, — ткнула пальцем в сторону Короля разгневанная Клава. — Тоже мне тренер нашелся! Мы еще подумаем и из старост тебя погоним… — она не могла найти слов от возмущения, — каленой метлой!

Вот сморозила! Метлой-то понятно. Но каленой? Про такую я первый раз слышал. Горящими прутьями, что ли?.. Я невольно прыснул.

— А ты не смейся! — досталось от Клавы и мне.

— Она правильно говорит, — поддержала подругу Нина.

— Да это я про метлу, — замялся я. — Уж лучше шпицрутенами. Или в багинеты взять.

— В какие еще… багеты? — опешил Сашка.

— В штыки, — объяснил ему Король. — Не понимаешь? Они хотят меня высечь розгами, вымести метлой за порог, а там взять в штыки!.. Да только не выйдет у вас, «киушники», ничего. Забыли, на кого Юрик секцию оставил? Уговаривать не собираюсь. Разболтались тут без Юрика.

— Юрик себя так не вел… — тихо сказал Славка.

Мне было стыдно смотреть на зарвавшегося Короля.

Мы ушли. Молча добрели до самой речки.

— А завтра 19 июля, — вдруг сказала Клава. — Открытие олимпиады… Как там Юрик и Света?

— Он-то пробьется, — ответил Славка. — Не таковский.

— И Свету проведет обязательно, — кивнула Нина. — Все! — Она села на песок. — Объявляем Королю забастовку!

— Может, не нужно?.. — не сразу вымолвил Славка.

— Нужно, — отрезала Клава.

— Нужно, — повторил я.

И с этого дня мы ранними утрами, когда никого на реке еще нет, стали сами тренироваться на пляже.

А Король с Сашкой, как фон-бароны, занимались одни в нашем зале.

Однако не долго музыка играла, как в песне поется. И виновником дальнейших событий оказался я сам. Не знаю, к лучшему, к худшему?..

Мать обычно говорит: «Все, что жизнь ни делает, все к лучшему». Сомнительно… А как же тогда быть с войнами? Их в жизни хватает.

Или же это пословица относится только к обычной жизни? И в обычной ведь бывают всякие несчастные случаи…

Нет, братцы, жизнь неуправляема. Допустим, и управляема, но лишь в каких-то частностях. Например, мы переехали в маленький город, значит, ни под трамвай не можем попасть, ни под троллейбус по причине их абсолютного отсутствия. Зато резко возросли шансы хотя бы утонуть: в большом городе каждый день на реку не набегаешься. Если исключить войны, несчастные случаи и очень стихийные бедствия, то к повседневной жизни больше подходит пословица «Каждый человек кузнец своего счастья».

И несчастья, добавил бы я. На себе проверено, на опыте. Вы спросите: откуда у меня-то опыт? Я читал, что ребенок уже за первый год своей жизни получает более пятидесяти Процентов всей информации, которую он может получить за всю дальнейшую жизнь, об окружающем мире.

…Свои несчастья я кую с необыкновенным успехом. В этом виноваты мои застенчивость и избыток фантазии.

После одной из тренировок на пляже я тайком от Славки и Клавы сунул Нине записку, прошептав:

— Просили передать.

Она заговорщицки кивнула.

Записка была от меня самого: «Приди к кинотеатру в 17.40. Пойдем в кино на 18 ч.» Без подписи.

Просто так пригласить Нину в кино я постеснялся. И подумал, что с запиской выйдет оригинальнее. Вот она удивится, что я сам ей написал, сам ей передал и сам ее встречу! Вместе потом посмеемся.

Билеты я купил заранее и нарочно опоздал на пять минут — пусть поволнуется, пусть погадает, кто это ей написал.

Я стоял в скверике и наблюдал: Нина нервно прохаживалась у входа в кинотеатр возле рекламы фильма «Сыщик».

Наконец я направился к ней, предвкушая ее удивление.

Но тут она вдруг сбежала по ступенькам к Королю, который, как назло, проходил мимо.

— Долго я тебя буду ждать? — высокомерно сказала она ему.

— Ждать? — изумился он.

Я подошел, и мы с ним сухо кивнули друг другу.

— Билеты купил? — спросила Короля Нина.

— Сейчас, — растерянно сказал он и зашагал к кассе.

— Хорошо, что и ты здесь, — горячо зашептала мне на ухо Нина. — А то потом перед нашими не оправдаешься. Знаешь, он мне записку передал… Фу ты! — спохватилась она. Так нервничала, что забыла: записку-то я ей дал. — Он тебе ничего не говорил, когда мне записку передавал?

— Ничего, — честно ответил я.

— Ну поглядим…

— Картину? — глупо спросил я.

— Поглядим, что он мне скажет. Ты только сам в кино не вздумай с нами пойти, а то он еще стесняться будет, — и Нина отодвинулась от меня, потому что Король уже возвращался с билетами.

— А ты? — «равнодушно» спросил он меня.

— У него зубы болят, — ответила за меня Нина (умеет зубы заговаривать).

— Не зубы, а зуб! — вскипел я. — И не у меня, а на него. — Я просверлил его взглядом и ушел, даже не оглядываясь, чтобы вдруг не увидеть горящую дыру, оставшуюся от моего прощального взгляда на груди Короля.

Билеты я хотел разорвать на мелкие клочки. Затем передумал, вернулся и продал опаздывающим на сеанс. Я не миллионер, у меня нет таких бешеных денег, как у Короля или Саньки.

Все две серии я просидел на ступеньках своего подъезда. По моим расчетам, они должны были уже вернуться…

Я плюнул, сходил домой поужинать, пожелал родителям спокойной ночи и ушел в сарай, гордо предвкушая бессонницу от разбитого сердца.

Я благополучно задремал, погружаясь в сон, когда в дверь застучали.

— Открыто, — привстал я, не зажигая свет.

В сарай вошла Нина.

— Извини, я на минутку. Уже поздно, — затараторила она. Голос у нее, уныло отметил я, был веселый.

— Я сплю.

— Он, видите ли, спит, а я за всех старайся? — возмутилась Нина. И давай рассказывать: — Я с ним целый час после кино ходила…

— Два с половиной, — уточнил я, взглянув на светящийся циферблат своих часов.

— Неважно, — отмахнулась Нина. — Я ему все о нем высказала. И знаешь, он не такой уж неисправимый. Извинился и просил нас вновь приходить на занятия! — выпалила она. — Нина — молодчина, — в рифму похвалила она сама себя. — А?

— Записку-то я написал, — вдруг признался я, благо было темно и мы не могли видеть лиц друг друга.

Наступило молчание.

— Ты, да? — Нина деланно рассмеялась. — А я-то… — Она не договорила и, уходя, сказала: — Уж этого я от тебя никак не ожидала.

— Постой, — остановил я ее. — Просто мне хотелось с тобой посоветоваться, — вдохновенно врал я, — обсудить, что и как. А видишь, все и так прекрасно вышло. — Я сразу духом воспрянул, узнав, что у них была сугубо деловая встреча. — Нет, ты и врямь Нина — молодчина.

— А ты — дурак, — заклеймила она меня и, мелькнув силуэтом на фоне двора, усердно хлопнула дверью сарая.

Моя настольная лампа от сотрясения включилась сама по себе, и я увидел в зеркале на стене свое глупое лицо.

Я прошлепал босиком к двери, распахнул и крикнул на весь двор:

— Полуночница! — словно маленький мальчишка.

Очень я разозлился на некоего Леонида Чижова, который не умеет держать язык за зубами.

Теперь-то я точно провел бессонную ночь, кляня себя со всех амвонов, самобичуя и разделывая под орех…

Глава 2. ОЛИМПИАДА

Заснул я только под утро, и мне приснился жуткий сон. Я вроде бы уже старый — мне тридцать один год. Женат на Нине, а она десять лет подряд каждый вечер ходит с Королем в кино! А он стал известным тренером по дзюдо. И она все время уговаривает его (лет десять), чтобы он тренировал ее мужа, меня! Брр… Хорошенькая перспектива.

Утром мне тоже поспать не дали. Приперся Славка и нахально разбудил:

— Ты тут дрыхнешь, а по телеку в утренней программе дзюдо показывали с олимпиады: соревнования в полутяжелом весе.

Я ничего не писал о том, как мы смотрели передачи: об открытии олимпийских игр, о первых соревнованиях — все вы и так, без меня, видели. Чего повторяться? Мы-то сами с нетерпением ожидали 27 июля, когда должны были начаться состязания по дзюдо. И надо же, проспал!

— Наш грузин Тенгиз Хубулури выиграл у Лоренца из ГДР, — частил Славка, заглядывая в блокнотик, — и у кубинца Торнеса. Хубулури в борьбе с кубинцем получил «коку». Бельгиец Ван де Валле победил венгра Сепеши, а болгарин Атанасов проиграл бразильцу Виржилью. Бразилец получил «иппон»!

«Иппон», как я уже говорил, — чистая победа, «кока» — низшая оценка.

— И знаешь, — продолжал Славка, — я, кажется, нашего Юрика высмотрел в первом ряду среди зрителей во Дворце спорта!

— У меня новость похлестче, — сказал я Славке. — Тебя Король простил.

— Врешь? — просиял Славка.

— А ты его простил? — Мне не понравилась Славкина радость. Я думал, что Славка обидится на «прощение».

— Давно… — улыбнулся Славка.

— Тюфяк ты, Славка.

— Я не тюфяк. Просто я не могу долго злиться, — потупился он. — У меня мамин характер.

— Во-во, маменькин сынок!

— Не тетин же, — простодушно сострил Славка. — Давно пора мириться нам всем. Юрик приедет, а у нас тут какая-то Куликовская битва. Глядишь, и откажется от нас, — взволнованно рассуждал он. — Зачем мы ему, если друг с другом на ножах?

По большому счету Славка был прав. Лучше плохой мир, чем хорошая ссора. И если уж Король извинился, как сказала вчера Нина, нам не к лицу хорохориться.

Обижаться ведь можно до бесконечности. Знаю. Был у меня в третьем классе дружок Мишка. Однажды мы возвращались из школы, и я своим портфелем выбил портфель у него из руки. Мишка гордо пошел дальше, а портфель остался валяться на снегу. Я тоже поднимать его не стал. Так мы и шли почти до самого дома, испытывая взаимную выдержку. Я все-таки не выдержал и унесся за портфелем. Слава богу, тот лежал на прежнем месте. И хотя я портфель вернул и даже извинился, Мишка заявил: «Никогда тебе не прощу». Через неделю не выдержал он и предложил мириться. Теперь я ему сказал, что никогда ему не прощу его слов. Затем еще через неделю предложил ему обо всем позабыть я. А он мне: «Ни за что не забуду, как ты отказался мириться».

Мы «забывали обо всем» целых полгода.

Потому я и говорю, что мириться можно до бесконечности и до умопомрачения, пока совсем не рассоришься.

…Снова, будто ни в чем не бывало, мы начали тренироваться в «дойо». А по утрам и вечерам смотрели у меня в сарае телевизор: все соревнования, какие показывали.

Мы ликовали, когда первую золотую медаль в весе до 78 килограммов завоевал наш спортсмен: Шота Хабарели стал олимпийским чемпионом, одержав пять побед, в том числе над чемпионом Европы из ГДР Хайнке и — в решающей схватке — над кубинцем Феррером.

Очень болели мы и за Емижа, который, к сожалению, получил «бронзу», а золотая медаль досталась французу Рею. Тут нам было обиднее всего: ведь это состязания в «нашем», наилегчайшем, весе!

Зато уж Николай Солодухин в весовой категории до 65 килограммов не подвел, стал олимпийским чемпионом. Сам он был родом из какой-то деревни в Курской области (а мы-то все-таки жили в городе), впервые увидел татами в Курске, занимался самбо и только затем, уже в институте, перешел в дзюдо. Значит, у нас не все потеряно, не поздно мы занялись спортом. И рост у него подходящий — всего метр шестьдесят четыре!

Сколько было интересных моментов! Особенно мне запомнилось, как француз Рей, имея «коку», выигрывал у кубинца Родригеса. «Матэ», — сказал арбитр, и борцы вернулись на середину татами. Электронное табло показывало, что до конца схватки осталась всего одна секунда. Кубинец бросился к французу, как тигр, а Рей… отбежал в сторону, словно испугавшись, что за эту секунду может что-то случиться. Мой телевизор сотрясался от хохота

Дворца спорта.

Когда телекамера скользила по рядам зрителей, мы тщательно высматривали Юрика и Свету. Иногда нам казалось, что мы их вроде бы видим. Такой галдеж поднимался:

— Вот они! В третьем ряду!

— Нет, в шестом!

— Разуй глаза, в третьем!

В эти дни мы жили олимпиадой. Но одно меня по-прежнему угнетало: я все еще никак не мог решиться поговорить по душам с Королем. А обстановка накалялась…

Глава 3. ТАИНСТВЕННАЯ МАСТЕРСКАЯ

Я все время размышлял: неужели я такой уж трус, если боюсь поговорить с Королем? Наверное, и в подземный ход тогда пошел только потому, что с нами был Король, который ничего не боится.

И я решил доказать сам себе, что не совсем пропащий. Твердо решил: поздно вечером пройду подземным ходом один с острова от часовни по тому незнакомому нам ответвлению, куда мы так и не попали из-за той запертой двери. Либо я ее сворочу, либо подберу ключи, как опытный взломщик. Надо же себя как-то проверить, испытать!

Кроме того, меня увлекал туда и зуд любопытства.

Думаете, в «Тимуре и его команде» хулиган Фигура с компанией лазили за яблоками в чужие сады из жадности? Ничего подобного, у них свои собственные сады были. Самое обыкновенное стремление испытать опасность, нервы пощекотать. Запретный плод же сладок — всем известно.

Лично я не знаю ни одного пацана, который не совершал бы набеги на соседские яблони. Чувствуешь себя как на фронте: сердце в пятки уходит, а лезешь.

Так и меня тянуло в подземный ход. И страшно, и в висках стучит, и руки-ноги дрожат, а тянет словно магнитом.

Всяких старых ключей я набрал видимо-невидимо. И наступил тот почти роковой час — сами увидите.

В одну распрекрасную ночь, придерживая одежду, связанную ремнем, на голове и загребая другой рукой, я переплыл под покровом темноты на островок с часовней.

Оделся. Сковырнул в сторону копну сена, прикрывавшую вход, и углубился в подземелье, светя заблаговременно купленным фонариком. Никакой «нити Ариадны» я с собой не брал, а взял простой кусок мела, чтобы отмечать крестиками путь на стенах.

Дверь стояла на месте и по-прежнему была заперта. Напрасно я подбирал к замку ключи — ни один не подходил…

Я уже хотел повернуть обратно, но вдруг вспомнил про свой перочинный ножик. Без всякой

надежды я просунул лезвие под язычок замка, поднажал, еще и еще… Лезвие хрустнуло, и одновременно щелкнул замок. Удалось!

Я осторожно отворил запищавшую дверь, в глубине души проклиная себя, что вспомнил про ножик. Если б не вспомнил, то шел бы уже себе домой.

Теперь отступать было глупо. Что желал, то и получил. На ловца и зверь бежит, как собака Баскервилей на Шерлока Холмса.

Фонарик осветил знакомый «зал», где мы уже были и где подземный ход разветвляется на две дороги.

Я постоял немного, успокаиваясь, и двинулся в неизвестность, не забывая ставить мелом крестики на стене.

Тот же свод над головой, те же стены… То сухая земля, то вязкая, мокрая глина под ногами.

«После четырехдневного изнурительного пути, полного нечеловеческих лишений и смертельных опасностей, проваливаясь в бездонные трещины и чудом спасаясь, я пересекал зубастые от сталактитов и сталагмитов пещеры, похожие на огромные раскрытые пасти, трижды переплывал подземные озера, был атакован стаей летучих мышей, цеплявшихся когтями за лицо и волосы, и все-таки остался жив благодаря своей железной воле» — так хотелось бы мне описать свое подземное путешествие, но ничего этого не было, хотя страху я натерпелся не меньше, чем если бы так и было на самом деле. Идти одному неизвестно куда под давящим сводом между осклизлых, заплесневелых стен — прогулочка не из приятных.

Летучую мышь я видел всего одну: она мгновенно пронеслась мимо меня — даже рассмотреть не успел. А может, то была какая-нибудь заблудившаяся птица…

И еще я увидел крысу — ее глаза сверкали красными бусинками в свете фонаря. Она медленно, чувствуя себя хозяйкой подземелья, перешла мне дорогу и юркнула в дырку в стене.

Крыса — не черная кошка, и, немного поколебавшись, я пошел дальше.

Судя по моим часам, я находился под землей уже минут пятьдесят. Ход заметно пошел кверху. Через десять минут он снова раздвоился.

Левое ответвление вело в тупик с такой же стеной из нового кирпича, как и та, что мы встретили, когда ходили в подземелье во второй раз без девочек.

Другой рукав подземного хода привел меня к каменным ступенькам, ведущим куда-то вверх.

Черт побери, я чуть не повернул обратно, сытый своим приключением по горло!

Я поднялся по ступенькам — над головой оказался ржавый люк. Мне оставалось только дернуть за кольцо, что я и сделал. Люк, внезапно открывшись, проломил бы мне голову, если бы я не успел отскочить вниз.

Пахнуло свежим воздухом и цветами. Я вылез, и свет фонарика уперся в кладбищенский крест!

Я лихорадочно поводил фонариком из стороны в сторону: кругом теснились кресты, высокие и низенькие, большие и маленькие, деревянные, железные и каменные — целая чаща крестов.

Завопил бы я с перепугу во все горло, да побоялся, что сбегутся все мертвецы поиграть со мной в жмурки. Только жмуриков мне и не хватало.

На фоне начавшего светлеть неба вырисовывалась пятиглавая церквушка. У меня немного отлегло на сердце: я ее узнал. Выходит, очутился пока еще не на том свете, а на знакомом мне кладбище — за базаром. Куда занесло!

Выбирая лучом дорогу и трясясь от страха, я нашел тропку и тихонько зашагал к церкви.

Почему я выключил фонарик, подойдя к ней, — не знаю. Наверное, сработало какое-то особое чувство. Интуиция, по-научному. Или подсознание, что еще научней.

Дверь в сторожке напротив церкви распахнулась, и вышел человек.

— Завтра зайду, — сказал он кому-то, и я узнал, замерев на месте, Сашкин голос.

— Через подземный ход приходи прямо в мастерскую, — отозвался из сторожки неизвестный мне голос мужчины.

— Ладно. — И дверь закрылась.

Сашкины шаги удалились в сторону кладбищенской ограды, проскрипела калитка, врезанная в высокие ворота, за которыми мелькнул уголок улицы с одиноким фонарем.

Я подождал, пока Сашка уйдет подальше, прошмыгнул в калитку и так дунул прочь кривыми улочками, что опомнился только у себя в сарае. Моей скорости позавидовали бы лучшие олимпийские бегуны. Расстояние в километр я промчался, по-моему, секунды за три!

Сашка… Сторож… Какая-то мастерская… Подземный ход… Кладбище… Все смешалось в моей бедной голове.

И все-таки я был собой доволен. Назови меня после этого трусом!.. Безусловно, я не трус, а храбрейший из самых смелых. Но больше меня в подземный ход калачом не заманишь. Хватит!

Я посмотрел в зеркало: не поседел ли случайно? Мне бы пошла благородная седина много пережившего и повидавшего человека.

Никакой седины не было.

Как покажут дальнейшие события, зря я зарекался не ходить больше в подземелье.

Глава 4. «ТОРИ» И «УКЕ»

Как закончились олимпийские соревнования по дзюдо, вам давно известно, дорогой читатель. Но вы, конечно, не в курсе того, как они аукнулись в нашем городке.

Яркие события, закончившись, обычно имеют свое какое-то непредусмотренное продолжение. Например, после фильма «Фантомас», как писалось в газетах, участились поджоги. Пацаны ходили с каменными лицами и смеялись чуть раздвинув губы: «х-х-х…»

Когда, приехав из Москвы, Юрик со Светой ночью возвращались домой с поезда, четверо

местных хулиганов в подпитии привязались к нему и хотели показать ему «олимпийский бокс».

У Юрика тоже было много впечатлений от олимпиады: троих он расшвырял, как сенбернар котят, а четвертого и сама Света загнала на высокое дерево. Он оттуда попросил прощения, почему-то умоляя не спиливать дерево.

«Спилю!» — пригрозила Света. Хулиган запричитал, что у него дома ребенок. «Скажи ребенку дома спасибо», — сжалилась Света.

…На вечере воспоминаний, состоявшемся в нашем «дойо», Юрик со Светой рассказывали о своих олимпийских похождениях. Они побывали почти на всех состязаниях по дзюдо, а Свете еще удалось дважды попасть на гимнастику.

В Москву действительно въезд был ограниченный, и билеты на поезд им не продали.

Но Юрик ведь не вчера родился! В Москву они добрались на «перекладных». Сначала поездом, потом на попутных машинах, затем пригородной электричкой…

Труднее было с билетами на соревнования. Однако если уж на интересный фильм, идущий в нашем городке в единственном кинотеатре, все же можно достать билеты с рук, то во Дворец спорта, вмещающий двенадцать тысяч человек, и подавно. Всегда бывают опоздавшие или заболевшие…

Вдобавок Юрик созвонился со своими друзьями-москвичами, и они ему тоже помогли с билетами. Армейская дружба! Сам погибай, а товарища выручай — первая заповедь пехотинца, что на практике означает: сам не ходи на соревнования, а другу свой билет отдай.

Эти парни не бросили дзюдо и теперь занимались в спорт-обществе «Динамо». Обещали даже вызвать Юрика на свои сборы.

Глядишь, вдруг покажется он тренеру перспективным, хватай судьбу за хвост!..

Я-то лично уверен, что у Юрика большое будущее: он еще молодой, просто у нас здесь ему негде развернуться, разве что у станции при встречах с хулиганами.

Юрику просто необходимо переехать в большой город, чтобы не зарывать свой талант в землю, то есть в наш подвал. Нам, конечно, хуже станет, но нельзя же быть эгоистами.

И потом, у нас вся жизнь впереди — наверстаем, а ему надо спешить, наступая самому себе на пятки, двадцать два — не четырнадцать, как нам, соплякам.

— А вы смотрели предварительные соревнования в пятницу, первого августа? — спросил Юрик. — В категории до 60 килограммов?

— Не показывали, — ответил за всех Сашка. — Только финальные видели до 60 кэгэ.

— Жаль, — покачал головой Юрик. — Ведь и я выступал.

Мы чуть не обмерли: не может быть!

— Соревнования с десяти утра, — начал Юрик, — во Дворце спорта. Ну, вы видели: помост специальный. Выходит на татами Спиру (Кипр), а его противник Крицкий (Московская область) выйти не может — внезапная травма. Срочно ищут замену, иначе засчитают нам поражение!..

Мы завороженно смотрели на Юрика.

— А ни одного нашего дзюдоиста с подходящим весом, как назло, нет. А вес-то мой! Бегу в служебную комнату к тренерам сборной: «Выставляйте меня, раз такое дело». «Нам не до шуток!» — оборвали меня. «Какие ж тут шутки!» — говорю. Срочно показываю свой классификационный билет с разрядом. «Что ж ты стоишь?» — накинулись на меня. Один раздевает, другой кимоно надевает… Бегу на помост. По радио объявили о замене. Ну, киприанец не против. Проделали мы с ним ритуал приветствий. «Хаджиме!» — скомандовал судья. Спиру сразу же атакует, он — «тори», атакующий дзюдоист, а я — «уке», атакуемый. Спиру выполняет вдруг захват руками за ноги, с действиями ногами против моих ног и туловища. Падаю…

Мы ахнули.

— Удержать меня на спине тридцать секунд он не может, пытается принудить сдаться то болевым, то удушающим приемом. Вывернулся я на живот. Спиру на мне, верхом. Провожу зацеп ногой его ноги…

— Ну? — подался вперед Сашка.

— Вращение! Рывок! Толчок! Зацеп! Подсад! Подбив! «Мельница» — бросок через плечо с захватом бедра и руки. Теперь я «тори». Потом снова «уке». Контратакую с поворотом боком, затем с поворотом спиной. И… — Юрик замолчал.

— И?.. — ужасным голосом спросил Сашка.

— «Иппон» — победа! — вскричал Юрик. — Ура-а!

— Кому «иппон»-то? — вылупил глаза Сашка. — Вам, да?

— Спиру, — вздохнул Юрик. — Он англичанина Холлидея победил, а не меня. Не было ни Крицкого никакого, ни меня.

— Ой, и заливать вы горазды, — опомнился Сашка и захохотал. Мы тоже захохотали.

— У тебя разыгрывать научился, — улыбнулся Юрик. — Помнишь, как ты кальсоны доставал?

— Ну, мне до вас далеко… — шмыгнул носом Сашка.

Глава 5. МЕНЯ ЗАМАНИВАЮТ

Король сложил свои полномочия, и вновь начались тренировки с Юриком.

Он привез из Москвы кем-то переведенную и отпечатанную на специальной фотомашине книгу «Дзюдо Кодокан», с сериями рисунков и объяснениями к двумстам приемам. Та еще книга! Ему ее друзья-москвичи подарили.

Какие красивые названия у иных приемов: «риу-зетсу» — снег, лежащий на иве; «юки-оре» — ветка, сломанная снегом; «ива-нами» — скала, омываемая волнами.

Насмотрелся там Юрик, на Олимпиаде, и нам передышки не давал: опять подножки,

подсечки, зацепы, движения бедром и плечом, захваты и толчки руками, приемы «сутеми» — уступания…

Разучивали и «ката» — это вроде показательного выступления, когда ты выполняешь упражнения, броски и даже удары ногами и руками, будто бы сражаясь с тенью.

— Необходимо предвосхищать прием противника, — вбивал нам в голову Юрик, — проводить атаку или контратаку на долю секунды раньше. Если противник сильный, с ним надо попытаться разделаться как можно скорей, иначе «задавит», не выдержишь вдруг навязанный им темп. Если же схватка на равных, нужно действовать предельно осторожно.

— А если он слабее? — спрашивал Славка.

— Тогда надо пробовать приемы, которые сам плохо усвоил.

— Тогда он победит! — удивлялся Славка.

— Я же о тренировках говорю, — тоже удивлялся Юрик его тупости.

… Приближался сентябрь, скоро в школу.

Серьезный разговор у нас с Королем все-таки произошел. Он заявился ко мне в сарай после очередной тренировки и сказал:

— Жаль, у тебя нет стереофонического проигрывателя. Я такие диски достал — югославские, перепечатка со «штатских»!

— Другим самоделки продаешь, а на выручку фирму покупаешь? — Сам не понимаю, как у меня с языка сорвалось.

Король остался невозмутимым, как статуя Командора:

— Сорока на хвосте принесла?

— Я на толкучке был и видел. — Отступать было некуда.

Король чуть шевельнул бровью:

— А чего ты там на толкучке не видел?

— Отец просил ему пластинку Утесова достать, — вывернулся я. — Вот и увидел. Нехорошо, Витя. Нехорошо, — повторил я.

— Глядите, какой свидетель! — нарочито изумился он.

— Ну, доносить на тебя не собираюсь, — сказал я. — Хоть вы с Сашкой и мелкие спекулянты.

— Спекулирует тот, кто покупает дешево, а перепродает дорого. А допустим, если человек сам что-то сделал и затем продает? Тогда как?

— Кустарь-одиночка? — переспросил я. — Ты что, пластинки делаешь?

Король понял, что совершил промах.

— Я сказал, допустим… — Он отвернулся.

— Допустим, — кивнул я. — И что?

— А то! Люди спасибо говорят. Мы их выручаем: такие записи днем с огнем не сыщешь. Усёк?

— И блатных словечек уже у Сашки поднабрался, — сказал я.

— Скажи, завидуешь, — сел напротив меня Король. — Мы зарабатываем деньги, а у тебя кукиш сквозь карман светится.

— У меня не кукиш, — ответил я. — У меня в кармане вошь на аркане. Зато своя. Чужого не беру.

— Не горячись. Хочешь, в компанию возьму? — внезапно предложил он.

— С Сашкой?

— Не только… — загадочно произнес он.

Я подумал: «Неплохо бы поглядеть, что за компания такая. А там видно будет».

Для конспирации я поломался немного, затем вроде бы нехотя согласился.

— Другое дело, — успокоился Король. — Ваньку валяет, а сам на мороженое у родителей клянчит. Только не говори никому: не поймут, как и ты сам вначале. И запомни: ничего бесчестного ты не делаешь. Один мой знакомый говорил: рынок пустоты не терпит. Ну, откажемся мы. Другие станут пластинки продавать. Если бы «Мелодия» выпускала современные записи большим тиражом, нам вообще бы не о чем было спорить.

С этим я согласен. Надо выпускать то, что люди хотят купить. Вон в нашем обувном навалом обуви, а я себе два месяца кроссовки достать не могу.

Даже отец возмущался: «Переплатить некому!»

Сами, сами спекулянтов плодим, как мух на гнилье…

Что это за «знакомый» у Короля? Уж не тот ли тип, который ночью на кладбище с Сашкой разговаривал?

— Когда начнем? — деловито встал я.

Королю понравилась моя прыть, он покровительственно похлопал меня по плечу.

— Скоро. Я еще должен посоветоваться кое с кем. Считай, моя рекомендация тебе обеспечена. Только, чур, молчок. Могила герцога Букингема! — вновь предупредил он.

И я понял, что, кроме денег, ему нравится сама эта игра в таинственность и опасность.

— Когда скоро? — заныл я, будто в нетерпении. — В прошлый раз ты тоже говорил «скоро»…

— Дважды не обману, — улыбнулся Король. — В прошлый раз я сам себя выручил и отдал деньги Сашке. А в этот мне никакой помощи не надо, я тебе предложил по-дружески.

Такой друг тебя до тюрьмы доведет и будет считать, что облагодетельствовал. Выискал себе романтику! И меня вовлекает. Так ему спокойней будет: не он один. Сашка, тот не в счет: он отпетым считается.

Слово «отпетый», вероятно, религиозного происхождения: покойника в церкви отпевали певчие. Терять ему, отпетому, значит, нечего, даже самой жизни.

Попозже Король снова зашел ко мне в сарай и сообщил:

— Я тебе как другу признаюсь: Сашка против. Он почему-то не доверяет.

— Уговори, — настаивал я.

— Попробую, — замялся Король.

— Лучше я сам. Пошли к Сашке, — предложил я.

— Да он сейчас… не дома, — вновь замялся Король.

— Веди в «не дома», — упорствовал я.

— Пожалуй… — задумался Король. — Поставим их перед фактом…

— Ставь!

— Да, так лучше будет, — решился Король. — Честное слово даешь?

— Даю. Честное слово! — В чем давал я честное слово, он, конечно, и не подозревал. Надо же, честное слово спрашивал ради нечестных дел.

… И мы опять очутились в подземном ходе, переплыв на тот же островок, где стояла часовня.

Ту дверь с замком Король важно отпер собственным ключом. Здесь он чувствовал себя как дома. Признаться, с Королем вновь было не страшно идти подземельем.

— А люк открыт? — машинально спросил я его, когда мы подошли к ступенькам, ведущим на кладбище.

— Откуда знаешь? — остановился он.

— Про что?

— Про люк?

— Так… в кинофильмах в каждом подземном ходе — люк на люке, — нашелся я. — Так уж принято.

— Традицию не нарушаем, — снова заважничал Король.

Мы поднялись по ступенькам, и он открыл люк.

Попав на кладбище, я спросил самым жутким голосом:

— Уж не на кладбище ли мы? Ой, как страшно! — и изобразил сильную дрожь всем телом.

— Не трусь, — озабоченно сказал Король.

Ему, видимо, не давала покоя мысль: что скажут «те» за его самовольство? Привел меня без спроса в самое логово!

Мы подошли к сторожке, где одиноко светилось зашторенное оконце.

Король трижды постучал по стеклу условленным стуком. Немного погодя открылась дверь.

— Виктор? Входи, — пригласил мужской голос.

— Я не один, — напряженно сказал Король.

— Кто там с тобой? — с беспокойством спросил незнакомец.

— Товарищ. Я о нем Сашке говорил, — подойдя к незнакомцу, громко зашептал Король.

— Пусть здесь подождет, — оборвал незнакомец. И они скрылись за дверью.

Я ждал. По шторам мелькали тени, глухо и неотчетливо бубнили голоса. Затем смолкли.

Дверь снова открылась.

— Заходи, — сказал незнакомец.

Пройдя вслед за ним через темную переднюю, я очутился в освещенной комнате. За круглым старинным столом перед электрическим самоваром сидели и пили чай Сашка, Король и Сашкин дядька из «Фотографии» на базаре.

Мой спутник оказался худощавым, невысоким мужчиной лет сорока пяти с быстрыми серыми глазами и редкими волосами, зачесанными назад. Он приветливо улыбался мне, гостеприимным жестом приглашая за стол:

— Милости прошу к нашему шалашу. И поздний гость — радость в доме.

Я сел за стол. Сашкин дядька налил мне чаю.

— Он все знает? — быстро взглянул на Короля хозяин.

— Не все, конечно… — сдержанно ответил Король. — Я ему в принципе объяснил.

— И ладушки. — Хозяин закурил едкую сигарету «Памир».

— Ты с ним повежливей, Федотыч. Сын директора сахзавода, — подал голос Сашка. — Как-никак…

— Директор тоже на зарплате, — заблеял противным смешком Сашкин дядька.

— Что-нибудь купить надумал? — поглядывая на меня, дымил хозяин Федотыч.

— Надумал. — Я глотнул чаю.

— Велосипед?

— «Жигули».

Все засмеялись, кроме Федотыча.

— Напрасно, — обернулся он к компании. — Лет до восемнадцати накопит, если стараться будет. — Он ласково спросил: — Будешь стараться?

— Чего тут такого? Подумаешь, пластинки! — Затем я притворился испуганным: — А никто не узнает?

— Человек сам себе не враг. Кто ж узнает, если ты сам об этом болтать не станешь? — приглядывался ко мне Федотыч.

— Могила герцога Букингема! — воскликнул я, повторив Витькины слова.

— Вот-вот, — согласился Федотыч. — Это на которого миледи пуританина натравила? Видал

фильмишко. Здесь, — он перешел на шепот, — под землей и другие ходы имеются. Со временем все покажу. А покамест ключ от той двери заслужи, как они, — и показал на Короля и Сашку. — Доверие оправдать надо.

— Постараюсь. А где кровью расписываться? — спросил я.

— Какой кровью? — опешил Федотыч.

— Не читали разве? Всегда кровью расписываются, вступая в тайные общества! — горячо сказал я.

— Дочитался… — захихикал Сашка.

— Псих, — определил Сашкин дядька.

А Король хмуро поглядел на меня:

— Не дури.

— Что вы на парня напали? — благодушно произнес Федотыч. — Сам таким был… Романтика! — И резко сказал: — Никакого тут общества нету. А тайна есть. Только собаки язык наружу вывешивают, а человек держит его за зубами. — Он загасил сигарету о спичечный коробок. — Теперь по домам. Попили чайку — и баиньки. Связь будешь держать с Виктором, — добавил он мне на прощание.

Мы с Королем и Сашкой вышли, Сашкин дядька остался с хозяином.

Домой мы возвращались наземным путем, вроде бы как закадычные друзья, три мушкетера.

— Я думал, ты размазня, — признался мне Сашка.

— С маслом, — сказал я.

— Что с маслом?

— Каша такая. Размазня с маслом. Любишь?

— Я люблю, когда о деле серьезно говорят, — насупился Сашка. — А не размазывают.

— Да где дело-то? Всех и делов — чаю попили, — разочарованно заметил я.

— Будет дело, — пообещал Сашка.

— Леня, не прикидывайся дурачком, — посоветовал Король.

— Мне прикидываться не надо, — и я гордо скрестил на груди руки.

— Шут гороховый, — невольно улыбнулся Король.

— Чао! — сказал нам Сашка. Ему было с нами не по пути.

— Досталось мне от Федотыча… — Король проводил меня до сарая.

— Он тебе не доверяет? Хорош гусь!

— Я же тебя прямо к нему привел, — защищал Король Федотыча.

— А-а, конспирация. Как в шпионских фильмах? Связной должен знать только связного и ни при каких обстоятельствах не выводить на резидента, — отчеканил я.

— Дались тебе шпионы да тайные общества, — раздраженно пнул Король ногой пустую консервную банку. — Элементарная предосторожность.

— Значит, понимаете, что преступники, — поддел я его.

— Ну, знаешь! — возмутился он.

— Шучу, — беззаботно сказал я. — Какие мы преступники? Обыкновенные мелкие спекулянты.

— Ну, знаешь! — повторил Король.

— Ничего страшного. Попадемся — нагреем родителей, как несовершеннолетние, на крупный штраф либо отсидим несколько лет в подростковой колонии — романтично! — широко улыбнулся я. — Там и секцию дзюдо организуем.

— Ты что, от природы клоун? — пришел в себя Король. — Врожденное?

— Благоприобретенное. Не беспокойся, попадаются только идиоты, — заверил я его, — кретины, дебилы и олигофрены… А мы не из того управления.

— С тобой не соскучишься. — Король крепко пожал мне руку.

— Со мной — да. — Я сжал ему руку еще крепче. — Это уж точно. Гуд найт, ваше величество! И пусть вам приснится выпуклый образ Сашкиного дядьки и незабвенные черты Федотыча. Кстати, а кто он? — небрежно спросил я.

— Сторож на кладбище, — ответил Король. Мой легкомысленный тон ему явно не нравился. — Кто ж еще!

— А я-то думал, он полномочный представитель ансамбля «Абба» в Советском Союзе. Миль пардон, мой Король, — раскланялся я с ним. — А он, случайно, не сводный брат того негра, у которого болезнь Паркинсона — трясучка, по-нашему, — из группы «Бони М»? Видал по телевизору их выступление?

— Может, ты с нами… передумал? — нахмурился Король.

— Читайте на ночь журнал «Крокодил», — посоветовал я. — Может, тогда к вам юмор вернется. А главное — береги нервы. Передачки нам обоим Славка будет носить: он хорошо готовит.

— Черт! — нервно сказал Король. — На тебя невозможно злиться.

— Вот и не злись. А где мы станем пластинки брать? Сашкины вы, наверное, уже все перетаскали на толкучку?

— А за это ты не волнуйся, — посоветовал Король. — Сколько захочешь, столько и получишь. По потребностям.

— Мне бы еще и твои способности.

— Не умеешь — научим. Не хочешь — заставим.

— Только без угроз. Я волонтер-доброволец.

— Спи спокойно, Диоген, и не морочь себе извилины серого вещества. — Король заспешил к дому. — Со мной не пропадешь!

Часть IV. МЫ И ФЕДОТЫЧ

Глава 1. ТЕ ЖЕ И ЮРИК

Как-то неудачно все у меня складывается. Ведь мы могли бы стать настоящими друзьями с Королем. Он единственный парень, к которому меня потянуло, у нас с ним много общего, как говорится, в наших достоинствах. Зато недостатки у нас разные.

Точнее, все, что во мне есть плохого, у него в квадратной степени: самолюбие, гордость непомерная, пижонство.

Положа руку на свое честное сердце, могу признаться: все хорошее в нем тоже посильнее, чем у меня, — обаяние, смелость, находчивость, уверенность, неоспоримые качества вожака, актерский талант, наконец.

Может быть, у каждой яркой личности черты характера должны быть в каком-то равновесии? Одно сдерживает другое? Если увидишь очень сильную черту, не сомневайся, что есть и очень слабая, диаметрально противоположная? Я читал где-то, что сентиментальные люди зачастую бывают крайне жестокими: могут проливать слезы над бездомной собачкой и не помогать человеку в беде.

Но тогда, выходит, все предопределено с рождения и человек ни в чем не виноват?

Не думаю. Преодолевать себя больше мужества требуется, чем, например, из просто смелого стать еще более смелым. Лично мне нравятся трусы, внезапно, в трудную минуту, ставшие храбрыми, а не храбрые, ставшие трусами или даже пусть и оставшиеся такими же храбрыми. И еще, наверное, поэтому мне нравятся слабаки, которые годами идут к силе, до изнеможения занимаясь с гантелями, а не просто силачи от природы. Вероятно, встреть я абсолютно совершенного человека во всех отношениях, вскоре бы в нем разочаровался. Ему ведь расти некуда, он достиг потолка…

Такой человек, видимо, был бы большущим занудой и обязательно принялся бы поучать других, как стать таким, как он. Ведь если тебе самому уже некуда стремиться, ты можешь только учить других. Кстати, и в спорте. Станет спортсмен, скажем, олимпийским чемпионом, достигнет ослепительных высот и переходит в тренеры. Понятно, я его за это нискилыи, не осуждаю. Жизнь так уж устроена: не можешь сам, учи других на своем опыте, если он, к счастью, есть.

Извините, отвлекся я от наших баранов, как сказал бы пастух… Не стали мы настоящими, закадычными друзьями с Витькой.

Нет, слово «закадычные» неуместно. Пожалуй, оно сродни слову «собутыльники», они встречаются лишь для того, чтобы «за кадык» залить. Сколько же слов мы говорим, не зная их истинного значения! Моя покойная бабушка говаривала: «Выпала мне такая планида». Планета, значит. Наверное, это выражение было «научным» термином у древних астрологов, гадающих по звездам.

Мне тоже выпала кое-какая планида. Мы провели состязания по дзюдо на абсолютного победителя: среди «мужчин» и среди «женщин».

Схватки начались по жеребьевке. Моим противником оказался Славка, Витькиным — Сашка.

Я одержал верх над Славкой, Король — над Сашкой.

Затем я победил Сашку, а Король — Славку.

Потом мы схватились с Королем. И как я ни старался, он внезапно применил бросок с захватом подколенного сгиба двумя руками, и я проиграл, хоть и умудрился упасть на живот. Король сразу же применил удушающий прием, и мне пришлось хрипло взмолиться: «Маита» (сдаюсь).

Среди «женщин» на первое место вышла Клава. Следовательно, Нина «завоевала» второе место, как и я. Девчонок-то у нас только двое! Света не в счет. Если уж мы «уке», то она «уке» вдвойне. Да и весовые категории разные. Одно дело тренироваться, другое — соревнования, и в схватках Света не участвовала.

Король возгордился и стал приставать к самому Юрику, вызывая его на поединок. Чтобы не обижать своей явной победой старосту, наш тренер отказался:

— Не хочу подрывать твой заслуженный авторитет.

— А свой? — хитро спросил Король.

— Свой — тем более, — засмеялся Юрик. — Вдруг ты победишь!

Прошло уже два с половиной месяца, 75 дней, как организовали секцию: с 1 июня по 15 августа.

Мы отметили наш скромный юбилей в парке, в том самом кафе-мороженом, где Король когда-то сорил деньгами.

На этот раз, отчетливо помня, что обжорство, даже мороженым, приводит к болезни, Нина, Клава и Сашка жадничать не стали. Посидели скромно: по две порции мороженого и по бутылке «Байкала» на человеко-единицу.

Юрик хотел за всех заплатить, но Нина настояла на складчине.

Я знал, что Король при деньгах, но со своими прежними купеческими замашками он выступать не стал. Во-первых, смешно, среди нас двое взрослых людей, получающих зарплату. Во-вторых, Юрик вдруг спросит: «Наследство получил?» — выкручивайся тогда.

Ну а другой богач, Сашка, — известный скупердяй, он и свою-то долю на краешке стола отсчитывал и пересчитывал по копеечке.

Позже, в сарае, Король сообщил мне задание: завтра утром мы едем втроем, с Сашкой, на толкучку.

Едем так едем, мне нужно войти в доверие к Федотычу. А для этого надо было проявить себя, чтобы комар носа не подточил.

У меня были далеко идущие планы. Помните, ночью на кладбище Федотыч сказал Сашке: «Приходи в мастерскую»?

Я догадался, что за мастерская! Там он наверняка свои гибкие пластинки печет как блины. Мне бы только до мастерской добраться… Простейшая логика подсказывала: если

уничтожить причину, то и следствия не будет. Чем тогда торговать?

О следствии-то я думал, о последствиях, увы, не задумывался.

Ранним утром, когда в назначенный час Король и Сашка зашли за мной, я уже был одет и примерял перед зеркалом два красочных объявления на картонках, соединенных веревочками и перекинутых через плечи. Одно на спину: «Продам взрослого сиамского кота», другое на грудь: «Куплю моложавого спаниеля. С короткими ушами не беспокоиться».

Король и Сашка остолбенели, увидев мои объявления. Я важно поворачивался к ним то грудью, то спиной, как манекенщица, чтобы оценили.

— Каково? — важно сказал я.

Сашка заржал.

— Не видел никого глупее себя? — с иронией спросил его Король.

— Не видел, — со смехом выдавил Сашка.

— Зачем это тебе? — устало сказал мне Король. Я ему надоел своими фокусами.

Для маскировки, — серьезно ответил я. — Пусть все думают, что я совсем по другому делу на толкучку пришел.

— Для маскировки… — снова заржал Сашка. — Да тебя сразу заприметят.

— Снимай, пугало огородное, — приказал Король.

И я нехотя расстался с объявлениями, ворча:

— Много вы понимаете… Там столько людей, еще и не с такими плакатами. Один дядька сыромятные намордники предлагал, в скобках — «для собак».

Король только головой покачал:

— Раньше ты мне казался умнее.

— Первое впечатление обманчиво, — возразил я.

На станции мы взяли билеты, и я спросил:

— А что мы в такую рань?

— Пока милиция спит, — хохотнул Сашка, многозначительно похлопав по своему кейсу.

На толкучку мы прибыли в шесть утра, она уже бурлила.

Мы пробрались в музыкальный ряд. Король был прав: покупатели нас сами искали.

Поучившись у Сашки и Короля, я толкнул за каких-то полчаса восемь пластинок, по два рубля каждую. Мне еще и спасибо говорили. Особенно шли нарасхват записи ансамблей «Роллинг Стоунз», «Битлз», ну, само собой, «Абба» и «Бони М».

Я отвел очередного покупателя за газетный киоск, вручил ему пару пластинок из Сашкиного кейса, спрятал деньги, поднял голову и… за длинным парнем, который отошел, передо мной открылся наш Юрик.

— Мне сказали, тут пластинки… — зачастил он и осекся, уставившись на меня.

— Сашка попросил, — промямлил я. Он свою фонотеку распродает, но по той же цене, по какой и купил, — поспешно заверил я Юрика, глядя над его плечом на Короля и Сашку, подпирающих забор.

— Эй! — позвал я их.

Юрик обернулся. Они подошли на ватных ногах.

— Я сказал, что ты со своими пластинками расстаешься, торопливо проговорил я Сашке, — за ту же цену, что и покупал.

— Ага, — закивал Сашка. — За ту же!

— А мы ему помогаем, — подхватил Король, он стесняется. Одному ему тут год отираться.

— Да-да… — озабоченно произнес Юрик. — Света просила что-нибудь ультрасовременное достать. Везет же мне! Что же вы раньше молчали?

— Откуда ж мы знали, что вам нужно? — приободрился Сашка, выхватив у меня кейс. — Вам я бесплатно.

— Нет, нет, нет, — запротестовал Юрик. — Ты когда-то тратился, а я… Почем?

— По рублю, — сбавил цену Сашка.

— Дешево, — удивился Юрик, отобрав себе из нашего обширного ассортимента пять пластинок и весело сказал: Спасибо. Выручили. Вечером не опаздывайте.

И заторопился на ближайшую электричку.

— Пронесло, — с облегчением вздохнул Король. Правильно говорят азиатские философы, что только гора с горой не встречается.

— Ты зачем нас позвал? — напустился на меня Сашка.

— Растерялся, — честно ответил я.

— Он растерялся… — передразнил Сашка. Из-за тебя пять рублей потеряли! Вычтем из твоего гонорара.

— Нечестно, — взял под защиту мои интересы Король. — Любой из нас мог на его месте оказаться.

— Если бы я со своими плакатами пришел, такого бы не случилось, — обиженно заметил я.

— Юрик слепой? — раскричался Сашка. — Он же увидел бы, что ты не сиамских котов продаешь!

— Кто продает сиамского кота? — сразу же подскочил к нам взъерошенный мужичок. — Самец? Самка мне не нужна. Она без самца диким криком орет! За сколько? — Он нам рта не давал разинуть. — А какой окрас? Молодой? Чистокровный или помесь?

— Помесь! — гневно выпалил Сашка.

— И даром не нужен, — отмахнулся мужичок, растворился в толпе и мгновенно вернулся. — А собаками не интересуетесь?

Могу предложить щенка водолаза или молодого спаниеля хотите? ’

У меня чуть челюсть не отвалилась.

А Сашка прямо-таки взбеленился:

— Вы что, сговорились? Не нужен нам твой молодой! — заорал он на мужичка. — Нам нужен моложавый, — умненько вставил я.

Сашка схватился за голову.

— Такой породы не знаю, — озадачился мужичок и вновь исчез.

Король хмыкнул:

— Сумасшедший дом.

В это утро мы продали пятьдесят пластинок. Я «заработал» шесть рублей за вычетом убытков от Юрика, разделенных на троих. Дальше оставаться было нельзя: мы уже примелькались на толкучке.

— Такими темпами ты не скоро на «Жигули» накопишь, — выговаривал мне в электричке Сашка за нерасторопность.

— Я не волшебник, я только учусь, — сказал я, насупившись, будто бы от обиды.

— Ладно. Для начала ничего, — подобрел он. — Аппетит приходит с едой.

Хотя бы показали, как вы пластинки делаете… — искательно улыбнулся я ему.

— Любознательный какой, — покосился на меня Сашка.

— Не доверяете? — бубнил я. — Ведь теперь связан же с вашей шайкой одной веревочкой.

Сашка чуть не подпрыгнул на лавке:

— Шайкой?

— Не придирайся к словам. Пусть не с шайкой, а с фирмой «Федотыч и К», — смягчил я свое выражение. — Не чурка с глазами, чтобы не понимать: такое количество пластинок не из фондов Эрмитажа.

Король и Сашка переглянулись.

— «-Не спеши, — пропел Сашка, — еще не спето столько песен…»

— «Еще звенит в гитаре каждая струна», — кивнул я. — Ну?

— Увидишь, увидишь, — пробурчал Сашка. Сказал же, не спеши.

— Что ж, подождем. Нам не привыкать.

Я и правда поспешный человек, особенно в дзюдо. Тороплюсь все время, поэтому Король у меня и выигрывает. Он еще быстрее, чем я, соображает. Сашка-то мне проигрывает схватки из-за своего врожденного тугодумства — не умеет вперед даже на ход рассчитывать. Зато денежки считать умеет этого у него не отнимешь. Ему бы в банке работать!

Но как говорила моя бабушка, «дурак дураком, а хитрый». Не хочет меня к мастерской подпускать. А может, сам Федотыч пока не разрешил? Скорее всего, разжигает мое любопытство, водит на веревочке, на коротком поводке. Заслужи, мол, доверие.

Интересный тип. Я заметил у него в прошлый раз на кисти руки наколку — кинжальчик, перевитый змеей. Очень символический рисунок, лучше не придумаешь. Острый он и ядовитый, Федотыч. Как только Король не видит?.. Может, и видит, да глаза закрывает, плывет себе по течению, благо сверху не дождь, а деньги капают.

Недаром древние говорили, что человека надо проверять богатством, тюрьмой и войной. Испытание «богатством» Король не выдержал, а до тюрьмы, видать, не так уж и далеко…

Глава 2. ВЫХОЖУ НА ОБЪЕКТ!

Люблю утром поваляться в постели. Особенно когда надо срочно куда-то идти. А когда никуда не надо спешить, то и подавно. Я отдернул занавеску с оконца и опять плюхнулся на диван. Лежал и раздумывал.

Король и Сашка ни о чем не подозревают, Федотыч ко мне относится вроде бы неплохо, первый экзамен на толкучке я выдержал.

Теперь бы мне шашечку динамита — и в ту мастерскую. На худой конец сойдет и топор — тамагавк по-индейски.

Где она, эта проклятая мастерская? Подайте ее сюда немедленно, пока я полон сил после затяжного здорового сна! Живо все «раскурочу», что по-русски означает: пыль пойдет по закоулочкам!

В сарай ввалился Славка:

— Вставай. Айда на реку, дрыхало.

— Выйдь на реку, чей стон раздается!.. — вскочил я.

Сейчас сбегаю домой пошамаю, а ты здесь посиди посторожи вверенные тебе заприходованные матценности на случай самовоспламенения, утруски и очень окислительных процессов.

— У тебя случайно голова не болит? — спросил Славка.

— Болит. — У меня голова что-то побаливала.

— От брехни, — с удовлетворением сказал Славка.

Я побежал завтракать, обкатывая по мозговым извилинам внезапно родившуюся идею.

Родители собирались в турпоход. Отец взял неделю в счет отпуска. Лето кончается, а осенью пойдет потоком с полей сахарная свекла — успевай поворачиваться.

На радость родителям, я умял пять котлет — почему родители радуются, когда их отпрыски много едят? — и все размышлял над своей внезапной гипотезой, то есть научным предположением. В моем случае можно даже сказать — предвидением.

Хорошие мысли всегда приходят по утрам, когда тело еще не так стеснено одеждой. Зимой, например, мне вообще ничего путного в голову не приходит. Взять хотя бы древних римлян: наденут легкие сандалики, завернутся в тонкую простыню (в хитон, по-итальянски) и думают,

думают… А загнать бы их за Полярный круг, напялить на них унты и медвежью доху — много бы они вам надумали.

Все началось с пустяка, со Славкиного вопроса: болит ли у меня голова. Ясно, болит, раз я попал в такую компанию. И в сердцах чертыхнулся про себя: пусть уж лучше головы болят у Федотыча, Сашкиного дядьки, Сашки и Короля!

От этого пожелания оставалось сделать только один шаг до моей идеи, гипотезы и предвидения. Что, если…

Все великие открытия совершаются с этого предположения: что, если… Так был изобретен пароход, локомотив, самолет, спутник и расческа. Пытливые умы всегда задавались вопросом «что, если…».

А то! Дед Пихто!

Привел же меня Король без разрешения «крестного отца музыкальной мафии» Федотыча в сторожку. Почему бы и мне кого-нибудь не привести?

Я привожу Славку: тоже, мол, хочет поправить дефицит платежного баланса.

Славка приводит Нину: ей, дескать, надо свести концы с концами после покупки к осени польского плаща, тем более с капюшоном.

Нина, та приводит Клаву, чтобы она могла завести себе сберкнижку, которую спит и видит всю свою сознательную жизнь, ведь из всех тайн на свете она любит только тайну вклада, желательно крупного.

Клава приводит Свету — известную меломанку, мечтающую об импортных дисках, как известно кусающихся в цене, по дешевке.

Света приводит Юрика, заявляющего, что на одну зарплату не проживешь!

Ошарашенный Федотыч тут же прикрывает свою лавочку и… укорачивает мой язык спецножницами для резки кровельного железа и колючей проволоки.

Жаль. Хорошая была идея.

…Я пожелал родителям счастливого пути, выслушал наставления на неделю, внимательно осмотрел харчи, заготовленные для меня впрок в холодильнике на время длительного отсутствия предков, получил пять рублей на хлеб, молоко и другие мелкие расходы, смахнул воображаемые слезы разлуки, затем затрясся от глухих рыданий, чем потряс родителей (мать уже хотела было отказаться от турпохода), и вернулся в сарай.

Славка уже изнывал от ожидания. По привычке он спросил, что именно я заглотил на завтрак.

— Изволил откушать скромно, — сообщил я. — Легкий стрелковый завтрак в Версале: спаржа, холодный цыпленок, три бутерброда с красной икрой, чашка черепахового бульона, сыр-бри, бокал игристого шампанского и три головки молодого чеснока.

— Фу! — поморщился он. — Отвернись и не дыши.

— Котлеты без чеснока не бывают. Без него, запомни, только торт «Сказка», — справедливо заметил я. — Должен и сам знать.

— Я знаю, — сказал он. — Но не в таких же количествах!

— Никто не запретит питаться красиво, — ответил я. — Резко возросший уровень жизни обязывает. Пять котлет дома метанул, как одну.

— Мне бы твой аппетит, — позавидовал Славка. — Я только две мисочки борща съел, а второе осилить не мог.

Знаю я его мисочки — емкостью с котел для целой пионерской дружины.

— Бедняжка, — пожалел я его. — Второе-то тебе зачем?

— Большой расход энергии, — сказал Славка. — И гигиена питания подчеркивает, что завтрак должен быть солидным. Завтрак съешь сам, слышал?.. Это вот плотно ужинать вредно: страшные сны замучают.

…Мы пришли на пляж. Возле часовни, на том берегу, Сашка показывал своим приятелям приемчики.

Я невольно подумал: «Почему он их не привлек к бизнесу?»

И сам себе ответил: малолетки еще, только пятый класс закончили. Такие могут подвести нежданно-негаданно. На них полагаться нельзя в серьезном деле. По себе знаю, каким лопухом был в пятом классе.

Неожиданно я вспомнил о Вальке Портнове. Господи! Сто лет его не видел. С ним-то свободно можно было посоветоваться: он парень серьезный.

«Обстоятельный, — сказала бы покойная бабушка. — Работящий. Будущей жене подарок». И как я о нем забыл? Далее в секцию его не позвали. Наверное, обиделся смертельно?

— Зайдем к Вальке? — сказал я Славке.

Славка его тоже сто лет не видел.

Выяснилось, Валька на нас и не думал обижаться. Просто ему было некогда. Он затеял полную реставрацию деревянной галереи на втором этаже. Ему даже слепой дед помогал: придерживал бруски, которые Валька отшлифовывал на самодельном верстаке во дворе.

— Привет, — устало поздоровался с нами он, смахивая стружки с головы. — Вконец ухандокался. Некогда даже рыбу половить. Осень на носу, дожди пойдут…

Рыболов он был замечательный. Сядет на свою лодчонку, пустит впереди нее кружки с пескарями и сплавляется себе вниз по течению вдоль лопушков у бережка. По пять щук за утро брал! Иногда и на судачка фартило. Или заякорится напротив дома на быстряке и давай плотву таскать — только успевай наживлять распаренную пшеницу. Талант-самородок, гений.

— Чего ж ты нас на помощь не позвал? — удивлялся Славка, глядя на ремонтные работы.

— А у вас что, два сезона каникул? — скептически сказал Валька. — Достаточно, что я один гроблюсь, — и он с удовлетворением оглядел дело рук своих.

Галерея уже была почти готова, кое-где он ее застеклил, превратил в большую веранду.

— Клёво! — похвалил его работу Славка.

— Как дзюдо? — с завистью спросил Валька.

— Мы тебя еще научим, когда освободишься, — пообещал я ему. — Наверстаешь.

— Осенью, осенью, — пробормотал Валька, намекая на известный анекдот: «летом, летом». В этом анекдоте человек в пиджачишке, подбитом ветром, встречается жестокой зимой с приятелем в шубе. Приятель пристает к нему с расспросами про житье-бытье, а тот поспешно отвечает: «Летом, летом».

— Без понта, — заявил я, что на мальчишеском жаргоне означало: не обманываю.

Может быть, это словечко к нам из Древней Греции докатилось. Греки называли Черное море, кажется, Понтом: обманчивым, переменчивым, коварным. Недаром оно и сейчас называется Черным, а не Голубым, каким на первый взгляд кажется.

До обеда мы помогали Вальке, потом Славка затрусил домой. Биологические часы, которые находятся у него наверняка в желудке, подали ему обеденный сигнал точного времени. Насчет еды Славка придерживался железного распорядка. Даже в малолетстве во время землетрясения в Ташкенте (они с отцом ездили туда на экскурсию), когда их завалило в шашлычной, он не пропустил обед и смолотил шесть шашлыков. Сам его отец любил об этом рассказывать, восхищаясь самообладанием сына.

Валька объявил перерыв, разогрел деду обед, сервировал ему стол на свежем воздухе — нам есть не хотелось, — и мы пошли искупнуться, смыть трудовой пот и остудить мои мозоли. К Вальке мозоли не приставали — ладони у него были тверже камня.

К моему взволнованному рассказу Валька отнесся на удивление спокойно:

— Тебе больше всех нужно?

— Надо же Витьку спасать… — растерялся я.

— Кто тебе сказал? Он сам, как ты говоришь, не хочет.

— Потом благодарить будет, — вконец смешался я.

— Откуда ты знаешь? Идеалист ты, Леня, — определил меня Валька. — Всех стрижешь под свою гребенку. Мне бы твои заботы… Лучше не связывайся. Видать, этот Федотыч — еще тот Федот! «Все образуется», — говорил граф Лев Толстой.

Но мою затею отыскать и разгромить мастерскую Валька одобрил.

— Представляю себе их вытянутые рожи, — засмеялся он. — Не забудь меня пригласить на премьеру. Я такие хохмы люблю. Бегать жаловаться им не придется.

Я сразу воспрянул духом. С таким союзником, как Валька, море по колено!

— Не теряй времени. Действуй, сын мой, — по-отечески напутствовал он меня. — Черные стрелки уже проходят циферблат.

— В темном подвале жулики сидят, — в тон ему откликнулся я, обернувшись уже издали.

Он вдруг остервенело замахал рубашкой и оглушительно засвистел. С ним случаются такие взрывы энтузиазма.

Помнится, весной у соседа была свадьба, и Валька встречал ее, приплясывая у ворот, и пронзительно дудел на детской дудочке, потешая всех. А на деле сам потешался.

…По пути домой я встретил местного гения со странной фамилией Котодавченко. Ему было лет под пятьдесят, но он всячески молодился: носил гриву волос, в которых зияло пятнышко

разраставшейся лысины, цеплял на пиджак значок «Ну, погоди!» и щеголял в вытертых джинсах. День и ночь он сочинял афоризмы и отсылал их в «Крокодил», иные из них, к его удивлению, печатали. Он жил рядом с Валькой и любил приставать ко всем мало-мальски знакомым с просьбой оценить его шедевры по пятибалльной системе.

И сейчас он меня не упустил:

— Послушай-ка новенькое. — Достал из кармана свернутую трубкой школьную тетрадь без обложки, развернул и зачитал: — «Когда трамваи ищут новых путей, они сходят с рельсов». Как?

— На три с плюсом, — не оценил я.

Он обрадовался:

— Это Эмиль Кроткий сочинил. Я на вас, дураках, проверяю. Послушай мой: «Кибернетик — это инженер нечеловеческих душ».

— Четверка, — попытался я его задобрить, чтобы увернуться из расставленных сетей.

— Погоди, — резко схватил он меня за руку, и я чуть было не применил приемчик. — «Живи хоть в подвале, лишь бы чердак работал!» А? Голова — понял?

— Пятерка! — завопил я, не найдя лучшего способа отвязаться.

— «Ив темноте подземелья засияет солнце», — выстрелил он мне вдогонку еще одним афоризмом.

«Пророческий афоризм, — подумал я. — Все у меня выйдет удачно. На пятерку с плюсом, по системе Котодавченко».

И все же пришлось во второй раз съездить на толкучку, чтобы снова предстать пред светлые очи Федотыча.

Я превзошел сам себя, продав двадцать пластинок. Такой рекорд необходимо было поощрить, и Сашка, видимо по приказу свыше, пригласил меня ночью на чаепитие в кладбищенскую сторожку.

Напрасно я выдул там шесть стаканов чаю: мастерскую мне так и не показали.

— В следующий раз не зовите, — капризно заявил я, расставаясь с гостеприимным хозяином. — Ночью я иногда сплю, а не надуваю свой мочевой пузырь. Он у меня один.

— Он хотел взглянуть на… — нерешительно сказал Король.

Федотыч глянул на него, и тот умолк.

— Романтики, — Федотыч дружелюбно взъерошил мне волосы. — Ведь от своих у нас секретов нет? — спросил он компанию.

— Нет, — прогудел Сашкин дядька. — Свой парень. И язычок острый.

— Оттачиваю на друзьях, — кивнул я в сторону Короля и Сашки. — Держу порох сухим.

— Говоришь много, — попенял Федотыч.

— Зато много делаю, — намекнул я на те пластинки, которые продал на толкучке. — Еще как следует не развернулся. Одни цветочки.

— А ягодки потом… Придется тебе показать, — сказал Федотыч. — Общественность, как я вижу, «за». Но уже поздно. — Он ненатурально зевнул. — Завтра приходи, ангел мой.

— В последний раз, — предупредил я его. — Обиженный и оскорбленный, он уходил в свою берлогу коротать долгую ночь в одиночестве, которое нарушал лишь скрип запечного сверчка, вызывающего на свидание свою сверчиху.

Сашкин дядька часто-часто заморгал бегемотовыми глазками.

А Федотыч разразился неправдоподобным смехом:

— Учись и ты, старик, красиво выражать свои убогие мысли, — посоветовал он фотографу.

— Дурное дело не хитрое, — отмахнулся тот и выспренно произнес: — Вернувшись домой, он искупался в ванночке для проявителя, закрепился в другой и, фотоувеличив себя во весь рост, не поместился на собственной кровати, что привело к разлитию желчи и побагровению носа с волосатой бородавкой, доставшейся ему в наследство от неизвестных предков, ранее проживавших без прописки под Сен-Жерменским мостом, что напротив известного заведения с громким названием «Фоли-Бержер». Не спал он тоже всю ночь: гудели клаксоны «бьюиков» загулявших шалопаев и одинокий ветеран битвы при Сомме стучал деревянной ногой по брусчатке предместья. Пришлось закрыть окно, — окончил свою тираду Сашкин дядя, не такой уж кретин, как могло показаться с виду такому идиоту, как я.

Своим последним «пришлось закрыть окно» он меня доконал, убив наповал и не сняв с меня тапочки.

Уже не выпендриваясь, я пожелал спокойной ночи и скромно удалился с Королем и Сашкой.

— Что, слопал? — торжествовал Сашка. — У него библиотека — закачаешься. Вся на макулатуру.

— Закачавшись, он рухнул, как поверженный бурей дуб, придавив бездомного кота, — пробормотал я. — И еще кого-то.

— Именно придавил. Именно дуб! — восхищался Сашка дядькой.

— А ты чего молчал, как король на именинах? — остановил я Витьку.

— Успеется… Тебе же обещали: завтра.

— Червонец заработал сегодня и не рыпайся, — процедил Сашка. — Не мальчик, а прямо киножурнал «Хочу все знать».

— По нам другой киножурнал плачет — «Фитиль», — не остался я в долгу.

— Смотри, как бы тебе фитиль не вставили, если будешь лезть на рожон, — предупредил Сашка.

— Надоели вы мне, — громко зевнул я, щепотью перекрестив рот. — Ох, грехи наши тяжкие.

Мы свернули за угол, и нас внезапно остановил, простите, милиционер.

— Чего по ночам шляетесь? — вежливо спросил он.

— Мы полуночники, — прикинувшись, сказал ему Король. — Лунатики-полуночники.

— Небось за яблоками лазали, — «догадался» дежурный.

— Вещдоки отсутствуют, — похлопал меня по животу Сашка. — Мы их съели.

— А запили шестью стаканами чаю без сахара. На кладбище, — ввернул я.

— Геть по домам. Одна нога здесь, другая там! — заявил милиционер.

— А туловище осталось одиноко лежать посредине мостовой в серебристом свете луны, — посочувствовал я нам, «безногим».

И мы побежали прочь.

А милиционер нежно проверещал вслед свистком, чтобы прибавить нам скорость.

…В сарай я зашел только для виду. Выждал чуть и помчался к Вальке — советоваться. Он мне говорил, что спит на веранде.

Я разбудил Вальку и кратко обрисовал создавшееся положение.

— Спи, — недовольно сказал он, накрылся одеялом с головой и глухо добавил оттуда: — Завтра приходи.

Делать нечего, я побрел обратно. И недалеко от нашего двора увидал того же милиционера.

Вытянув руки вперед, как заправский лунатик, я с остекленевшим взглядом, стараясь не моргнуть, двинулся к нему навстречу. Я шел неумолимо прямо на него.

Он испуганно посторонился и кошачьим шагом двинулся за мной по пятам.

Я подошел к своему сараю. Не опуская левую руку, нашарил правой ключ в кармане, отворил дверь, подошел к дивану, сделал по-военному четкий разворот, чуть не задев руками вошедшего следом дежурного, рухнул на постель и захрапел.

Милиционер потоптался, мягко вышел и осторожно закрыл за собой дверь, чтобы меня не донимала яркая луна.

— Бедный ребенок, — донесся из-за двери его задумчивый голос.

Ничего себе «бедный»! Сегодня этот «ребенок» ни за что ни про что десятку ограбастал.

Преступный тип, а не лунатик.

У меня был знакомый лунатик. Хлебом не корми, дай походить по крышам. Его даже коты за своего признавали. Идет он, лунатик, по крыше, а они, коты, за ним гуськом, как за лидером. Родителям приходилось своего непутевого на ночь в комнате закрывать, а на окне решетку ставить.

После этого он зачах и чуть не умер. В санатории для лунатиков его лечили электричеством. От лунатизма-то он избавился, но потом облысел.

С лунатиками шутки плохи, доложу я вам. Вот потому-то я и придуривался при встрече с милиционером.

Глава 3. РИСОВАННЫЕ КИРПИЧИ

Надежда, что Федотыч покажет свою тайную мастерскую, уже только чуть теплилась во мне. Я понял его планы. Он может морочить мне голову бесконечно, считая, что разжигает мое любопытство и тем самым привязывает к себе. Это становилось, как я уже говорил, словно бы будущей наградой за труды, стимулом. Попасть в эту «святая святых» дано, мол, не каждому.

Мне почему-то все время вспоминалось то, что он сказал тогда Сашке у входа в сторожку, когда я, выйдя через люк из подземного хода, попал на кладбище. Он сказал что-то вроде «приходи подземным ходом прямо в мастерскую». Значит… Значит, в мастерскую можно пройти из подземелья, минуя сторожку?

Утром я поделился своими соображениями с Валькой.

— Плохо смотрел, — упрекнул он меня.

— Не пойму, — размышлял я, вспоминая. — Слева был тупик, перекрытый стенкой, справа ступеньки к люку. Никаких других ходов…

— Вместе сходим, — проговорил Валька, — если тебе сегодня не покажут.

После тренировки я небрежно предложил Сашке и Королю:

— Пошли к Федотычу.

— Разбежался, — отказался Сашка. — Он не приглашал.

— Откуда знаешь? Ты его видел? Он же вчера звал, — возразил я.

— Заходил я к дядьке. Экскурсия откладывается на неопределенный срок, — отрезал Сашка.

Руки у меня были теперь, что называется, развязаны. Вступал в действие план, намеченный с Валькой. Я поспешил к нему.

— Не уверен, сможем ли ту дверь открыть, — сомневался я. — Тогда-то мне повезло — ножиком удалось.

— А инструмент на что? — потряс Валька увесистым звякающим чемоданчиком. — Дело мастера боится.

В том, что он мастер, я не сомневался.

Еще он мне похвастался фонарем. Такие я видел лишь у кондукторов поездов. Не фонарь — прожектор.

— Может, и ружье возьмем? — кивнул я на двустволку, висящую на ковре в Валькиной комнате, — память об отце, скитавшемся неизвестно где по нашей необъятной отчизне.

— Угу, — рассеянно произнес Валька. — Предпочитаешь пулемет Дегтярева или базуку? Сойдемся на рогатке?

— Мало ли что, — неопределенно молвил я. — Опасность подстерегала их на каждом шагу, но им, вооруженным до зубов, сам черт был родным братом, а ведьма — сестрой. Они…

— Аут, — прервал мои восклицания Валька. — Извини, в больших дозах я тебя выносить не могу.

— Недержание речи, — промямлил я. — Какой Цицерон пропадает!

— Если бы Цицерон пообщался с тобой полдня, он попросил бы изолировать его в одиночке. Лет… на пять, — прикинул срок Валька.

Он неожиданно наметил путь — через кладбище, а не с острова из часовни. Так сказать, доказательство теоремы от обратного.

Валька — человек практичный. И считает всякую романтику, которой заразил нас Король, чепухой и бредом, не стоящим выеденного яйца. Яйцо-то хоть можно съесть!

Я однажды давал ему почитать А. Грина, и Валька потом обозвал его романтические произведения сказочками. Вальку можно понять: он с малолетства вкалывает. «Я городской деревенский житель, — говорит он. — За водой сходи, дрова наколи, уголь загрузи, кабанчика накорми, навоз за ним убери, за курами последи. Все удобства — во дворе. И трудодни не записывают. Та еще романтика!»

— Знаешь, Валюхан, — заметил я. — Они с жиру бесятся, а если бы вот ты занимался бизнесом на музыкальном фронте, я слова бы не сказал.

— Да мне просто некогда, — усмехнулся он. — И потом я торгашей не перевариваю.

Отец мой как-то матери говорил, что не переваривает продавцов, таксистов и официантов.

«По одному нахалу обо всех судишь? — возразила ему она- Среди них много достойных людей». «Наверняка много» согласился отец. — Уж такой я невезучий: мне они почти не попадались. Я за свою жизнь столько «жалобных книг» исписал — потолще «Трех мушкетеров» получилось бы. И слово-то какое противное: «жалоба»! Значит, они из меня жалобщика делают? Зачем им «книги» такие даны? Значит, заранее знают их натуру. Удивляюсь, что еще «челобитных книг» или каких-нибудь там «плаче-вопиющих ведомостей» нет!»

Юрик нам рассказывал, что во время олимпиады в Москве торговлю вели сотни студенческих отрядов. Молодые продавцы, всегда с улыбкой, никакого обсчета, никакого недовеса. И «жалобная книга» на виду, а не у директора магазина дома под подушкой. Не поверите: за всю олимпиаду во всей Москве, где работали студенты, ни одной жалобы не появилось. Так что торговец торговцу — рознь.

Мы с Валькой не спеша дошли до кладбища, обогнули его с тыла, перелезли через ограду и прокрались к лазу подземного хода. Тихонько открыли люк, спустились по ступенькам.

Валька включил свой прожектор. Стало светло, как в операционной.

— Этот ход куда ведет? — спросил он.

— На остров.

— А этот? — свернул вправо Валька.

— Сам видишь, в тупик.

Мощный луч уперся в самую стенку из нового кирпича, перегораживающую проход.

— Там по пути других ходов не было? — поинтересовался Валька.

— Один только. Во двор монастыря ведет. Он тоже теперь новой стеной перекрыт… И сыро. Вода с потолка капает.

— Ну, для любой мастерской сырость — смертельна. У меня даже в погребе сухо. — Валька внимательно обводил лучом фонаря тупик.

Подошел к самой стенке. Его черный силуэт выделялся на ней, охваченный круговым сиянием от фонаря.

— Может, выстучать стену? — приблизился я к нему.

— Незачем, — с удовлетворением ответил он. — Гляди.

В кладке едва заметно выделялось что-то похожее на полукруглую дверцу, тоже сложенную из кирпича.

— Кирпичи-то на дверце нарисованы! — воскликнул Валька и поцарапал по ней ногтем. — Фанера, раскрашенная под кирпич. Ничего себе!

Он достал из чемоданчика остро отточенную стамеску и, вставив ее в зазор между фанерой и кирпичами, открыл дверь. Луч фонаря ворвался в просторное помещение.

С другой стороны на фанерной двери была ручка, мы вошли и закрыли ее за собой.

Вот она, мастерская! Загадочный станок в углу, записывающий механизм со специальным рекордером, стеллажи, на которых стопками лежали гибкие пластинки, куча рентгеновских снимков, длинный дощатый стол, три табуретки, обшарпанная чугунная ванна, над ней на полках стояли мешочки с какими-то химикалиями и пустое ведро, безабажурная лампа под потолком и плечистый шкаф, поставленный наискось в углу.

— Обстоятельно устроились! — восхитился Валька. — Подпольный филиал Апрелевского завода, дочернее предприятие фирмы «Мелодия».

С потолка донесся какой-то скрип, затем скрежет: очевидно, над нами передвигали что-то тяжелое.

Валька тут же выключил фонарь. Мы метнулись было к фанерной дверце, но за ней послышался хруст чьих-то шагов.

— Скорее, — прошипел Валька, схватив меня за руку.

В минуту опасности все действия, направленные к спасению, становятся автоматическими.

Хорошо, что шкаф был пустой, — нам удалось мгновенно его отодвинуть. Мы протиснулись за шкаф и притаились.

Лампа вспыхнула. Затем на потолке откинулся квадрат дверки, вниз опустилась лестница, появились ноги, спина и затылок Федотыча. Почти одновременно открылась фанерная дверь, и вошли друг за дружкой Король и Сашка.

— Тайная вечеря, — чуть слышно прошептал мне на ухо

Валька. Он любил живопись и собирал репродукции старых мастеров. — Библейский сюжет.

К счастью, «вечеря» продолжалась недолго. Федотыч вручил Королю и Сашке по новой партии пластинок.

— Тонировать сегодня не будем? — спросил Сашка.

— Пока есть, — ответил Федотыч. — Исходный материал подготовить треба.

Окрашивать рентгеновские снимки будете? — подал голос Король.

— Буду, — вновь заговорил Федотыч. — Полудка в ванне облупилась, черт бы ее унес!.. Ничего, как-нибудь, — сказал он сам себе.

Я напряг слух: дальше разговор вдруг зашел обо мне.

— Ленька выражает недовольство, — сообщил Король. — Намекает в подтексте, что с нами не на равных.

— Мечтает побывать на производстве, — хохотнул Сашка.

— Вы ребята надежные, смелые, — польстил им Федотыч. А он… Подождем месяц-другой. Ну, бывайте.

Скрипнула фанерная дверь — «надежные, смелые ребята» ушли с товаром.

«Неужели мы здесь до утра просидим?» — подумал я. От неудобной позы затекло все тело.

Словно испытывая нашу удачу, Федотыч полез по лестнице вверх и исчез, оставив люк открытым.

— Живо! — скомандовал Валька. Мы, обдирая пуговицы, выбрались из-за шкафа, стремглав пересекли мастерскую и отдышались только за дверцей, в подземном ходе.

— Надо было все разгромить, — говорил я по пути домой. — Р-раз — и готово!

— Если ты имеешь двустволку, то не забывай, что ты не единственный такой на свете, — изрек Валька.

— Думаешь? — засомневался я.

— От хорошей порции дроби в зад никто не застрахован.

— Слушай, уступи свой афоризм Котодавченко, — посоветовал я.

— У него и так половина моих, — признался Валька.

Нам вновь встретился — мне, во всяком случае, вновь — тот же дежурный милиционер. Я хотел опять прикинуться лунатиком и то же самое посоветовать Вальке, но ему помешал бы чемоданчик вытянуть руки, да и подходящий момент я упустил.

— Мальчик, а мальчик, — сочувственно сказал мне милиционер, когда мы с независимым видом, как рабочие после второй смены, проходили мимо. — Ведь ты лунатик.

— Враки, — спокойно откликнулся я.

Он хотел еще что-то сказать, но передумал. Себе дороже.

— Чего он?.. — удивился Валька.

Я ему рассказал.

— Родители не отпустят. Ты лучше скажи, что теперь делать будем?

— Авось придумаем, — обнадежил Валька. Цели намечены, тернистый путь известен. Дело за малым: пришел, увидел, разгромил!

Я проводил его до самого дома. Блестела в очень лунном свете река, роща застыла высоким

забором на том берегу. Вдали светились фонари на мосту, отражаясь своими яркими головами в воде. Где-то в монастыре одиноко взбрехивал пес. Тихо было вокруг и пустынно до того, что ты сам казался себе сиротой.

У Валькиных ворот стоял слепой дед.

— Чего не спишь? — смутившись, буркнул Валька.

— За тебя волнуюсь, — просто сказал дед.

Хорошо, когда за кого-нибудь кто-то волнуется. За меня вот никто не волнуется. Мои далеко, в турпоходе, и вернутся лишь через два дня. Нет-нет, они там за меня тоже волнуются. Может, даже больше, именно потому, что они далеко.

Я возвращался домой тихой, сонной улочкой. Из колонки звучно падали редкие капли. Пусть я не лунатик, но давно стал полуночником — это уж точно. Отзвук шагов бежал впереди меня, как верная собака.

Глава 4. ПОЕЗДКА И В ПРОШЛОЕ И В БУДУЩЕЕ

В субботу, 23 августа, на толкучку мне идти не пришлось, как, впрочем, и Королю с Сашкой.

Юрик прочитал в областной газете репортаж о секции дзюдо при Доме офицеров. И решил нас туда свозить:

— Посмотрите, как говорится, воочию.

Правда, там занимались не подростки, а молодые солдаты и офицеры. Но тем более интересно не на новичков поглядеть.

Конечно же мы смотрели передачи о дзюдо с олимпийских игр. Да ведь одно дело, например, увидеть спектакль по телевизору, совсем другое — самому побывать в театре и увидеть актеров живьем. Так и с дзюдо.

Никого в секции Юрик не знал, однако твердо надеялся, что нас не погонят. И мы поехали на электричке.

— Федотыч нам прогул не простит, — злорадно шепнул я Королю, услышав, что объявили Узловую..

— Уважительная причина, — с досадой на мою интонацию сказал Король.

— Уважительных причин бывает только две: болезнь или смерть, как говорит наш физик в школе, усмехнулся я.

— Мы к Федотычу не нанимались, — заявил Король.

— А я думал, нанимались, раз он нам платит.

На этот весомый аргумент Король не нашелся, что сказать.

Когда объявили новую станцию, Юрик неожиданно вспомнил про Москву.

— Во время олимпиады каждую станцию в метро объявляли дважды: на русском и на английском. И самое смешное, что по-английски так же, как по-русски, только с акцентом: «Пиарк культьюры», — вытянув губы трубочкой, произнес он. — «Льэрмонтовскайа», «Виодный стадъэон»!..

Мы расхохотались.

— Вы понимайт, чтьо йа скаузал? — спросил он нас.

— Ми фас понимайт, — сквозь общий смех напыщенно ответил Сашка. Йа боуваль ф Маузкфе и жиль окьолё мюотро «Реичной фоксаль».

— Сашка, ты гений, — захлопала в ладоши Нина. — У тебя огромные способности к английскому языку. А как же называлась станция «Юго-Западная», где мой дядя живет? — обернулась она к Юрику.

Он опять сложил губы трубочкой:

— Майн зе доорс, нэкст стоп — двери закрываются, следующая остановка… перевел он, — «Йуго Съападнайа»!

— Ой, умру, — чуть не каталась по лавке Клава. — Уморили. Ха-ха-ха!

— Это не я уморил, — вытер слезы Юрик, — а дикторы в метро.

Посыпались всякие анекдоты и были, дорога пролетела быстро.

Мы вышли на привокзальную площадь и двинулись по улице Мира к Дому офицеров.

С волнением узнавал я памятные места, словно блудный сын, вернувшийся на родину. Петровский сквер с памятником Петру I, почему-то указывающему чугунной рукой на небоскреб Управления железной дороги, а не на реку (теперь там широко раскинулось водохранилище), где он строил свой флот.

Очевидно, такие же чувства привязанности к городу, в котором прожил столько лет, обуревали и Короля. Он все время толкал меня локтем:

— Гляди, гляди, все большие тополя спилили и посадили маленькие каштаны.

— Университет! — воскликнула Нина, увидев вывеску на фронтоне красного кирпичного дома.

— Старое здание, — снисходительно сказали ей мы с Королем. А новое построили на месте Митрофановского монастыря.

В этот момент я любил Короля точно так же, как после первого знакомства с ним. Впрочем, я наверняка не переставал его любить, иначе зачем бы я за него боролся?..

Нас с ним радовало все новое: низкие светильники, поставленные на подстриженных газонах, плитки тротуаров и старые знакомые: памятник Победы с вечным огнем у подножия, мемориальная доска Кольцову на здании Строительно-монтажного техникума…

А помнишь?..», «А помнишь?..» — перебивали мы с Королем друг друга.

Я, как сейчас, вспомнил: когда открыли эту мемориальную доску Кольцову у входа в техникум — бывшую духовную семинарию, — взволнованная событием девушка сказала на митинге в микрофон: «Мы все рады, что в нашем монтажном техникуме учился великий поэт Кольцов!»

В секции нашу группу встретили дружелюбно и сказали, что мы пришли слишком рано: тренировка дзюдоистов начнется через два часа.

Все, кроме Короля и меня, отправились в кинотеатр «Пролетарий» на новый фильм «Пять вечеров». Мы же решили побродить по городу, пообещав Юрику не опаздывать.

Сначала я повел Короля в мой двор, на угол Энгельса и Комиссаржевской. Во дворе по-прежнему стояло множество сараев, в ногу с веком превращенных в гаражи. Я даже встретил знакомого пацана, не из друзей. Он проехал мимо на велосипеде, крикнув:

— Что-то тебя уже месяц, наверное, не видно!

А ведь я здесь уже год не жил.

Я показал Королю свои прежние окна на третьем этаже, и мы направились на Студенческую, где раньше обитал Король, и полюбовались на его окна. Он потащил меня к своему другу, но никого дома не оказалось. Мы бродили по городу, вспоминая разные разности, и чуть не опоздали в Дом офицеров, Наши уже волновались за нас.

После двухчасовой тренировки настоящих дзюдоистов, которую мы наблюдали с балкончика в спортивном зале, мы возвращались в наш городок притихшие и подавленные. Нам до них далеко. Как работают! Нет, как работают!

Даже сам Юрик расстроился, глядя, как мы расстроились.

— Обормоты вы этакие, — ругал он нас, утешая. Они уже больше года занимаются. Им же по восемнадцать-двадцать лет. Лучше представьте, какими вы в этом возрасте будете.

Действительно, что унывать? Нам всего по четырнадцать. Как же мы об этом забыли? Все впереди.

— Но ничего, ведь все впереди, лишь бы болтался хвост позади! — громко продекламировал я Киплинга. У меня есть довоенное издание «Маугли», и там перед каждой главой замечательные стихи. Это строки из песни обезьян «Бандар- Лога».

И я продолжил:

— Мчимся мы цепью, отваги полны, в свете завистливом бледной луны. Правда, завидны вам наши прыжки? Правда б, хотелось вам лишней руки? Но ничего, ведь все впереди, лишь бы болтался хвост позади!

Словно о нас и о дзюдо написано: про «лишнюю руку» и про эти «прыжки».

Все приободрились, повеселели, начались новые стихи и всякие байки, и мы не заметили, как вернулись домой.

Пусть здесь и дома пониже, и асфальт, так сказать, пожиже, но мы-то прежние. Мы дышим, живем, растем, и впереди у нас запас прочности на много-много лет. А что жить мы будем вечно — в этом никто — не сомневался. Даже давно уже взрослый Юрик!

Глава 5. ОПЕРАЦИЯ ОТКЛАДЫВАЕТСЯ

Перед началом тренировки — Юрик еще не пришел — Король разглагольствовал:

— Все олимпиады бесполезны, потому и прекрасны. А праздник оттого и праздником называется, что люди не работают, а отдыхают. Будни — работа, праздник — отдых. Так и олимпиада — отдых и развлечение.

— Только не для спортсменов, — сказал я.

— Ну, для спортсменов тоже праздник. Они четыре года его ждали, работали, словно слоны. Теперь надо показать, чего ты достиг, выложиться до конца — и отмучился. Я же говорю, практической пользы никакой! Все эти результаты: на долю секунды быстрее, чем раньше, на сантиметр выше, на полкилограмма больше — ничего человечеству на дают. Сами рекорды пошли на крохотные частицы измерений. Если бы не было электроники, в иных случаях трудно даже узнать бы кто победил. В будущем единицей измерения вполне может стать миллионная доля секунды и миллиграмма. Спорт достиг своего потолка. Многие рекорды устанавливаются за счет совершенствования спортивных снарядов и снаряжения: супервелосипеды, суперобувь, фибергласовые шесты, все большая обтекаемость яхт, синтетические паруса, спортановые покрытия беговых дорожек, микроклимат в залах…

— Чего ж ты тогда спортом занимаешься, если он бесполезен/ — прервала его Нина.

Чтобы развиться физически, а не для рекордов.

— В чем-то ты, может, и прав, — сказала Клава. — Только ты главное забыл: все чемпионаты Европы, мира, а уж олимпиады в особенности, сближают людей разных стран.

— Открыла! — удивился Король. — В газете прочитала? А я о чем? Я с самого начала сказал, что олимпиада — праздник. I де ж людям сближаться, как не на празднике? Не на работе же. Люди разных стран в одном цеху или учреждении работать пока не могут.

— А СЭВ, ООН, ЮНЕСКО? — поддел его Славка.

Он бы ответил с присущим ему блеском, повергнув в прах своих докучливых оппонентов, да помешали срочные текущие дела. сказал Король, увидев входящего в зал Юрика

И я невольно подумал: ведь я ему, Витьке, подражаю во всем, даже в манере разговаривать. Вот откуда взялись у меня всякие клоунские штучки-дрючки, замысловатые рассуждения от третьего лица. У меня вообще развита подражательность.

Кому я только в жизни не подражал! Литературным и киногероям, друзьям-товарищам, папе с мамой и покойной бабушке, к месту и не к месту ссылаясь на них.

В третьем классе я даже подражал соседу по парте в почерке: так тесно лепил букву к буковке, что без лупы прочесть невозможно.

Зря я полагал, что у меня нет актерских способностей. Все актерское мастерство идет от подражания. Перевоплощение ведь разновидность подражания. Я и в секцию нашу, наверное, пошел, чтобы от Короля не отставать. Таким уж я уродился: ничто хорошее мне не чуждо. Сам себя не похвалишь — от других не дождешься.

…Как обычно, мы сделали разминку и начали тренировку.

— Забыл? Такой прием запрещен, — предупредил Юрик Короля за произвольный начальный захват моей ноги. Можно захватывать только поднятую ногу.

И мне потом досталось от Юрика: длительный захват за пояс тоже запрещен.

После вчерашнего посещения Дома офицеров Юрик стал вдвое строже: Славку отчитал за недостаточно выпрямленную стойку и неподстриженные ногти.

А Нине с Клавой строго внушил:

— Если в борьбе лежа нижний борец обхватывает ногами ногу держащего противника, то удержание не считается.

Свету Юрик похвалил:

— У тебя «сутеми» неплохо. Молодец.

«Сутеми» — это приемы уступания.

Закончив тренировку, мы перешли к успокоительным упражнениям.

Когда мы успокоились, меня снова взбудоражили: в дверях появились загорелые отец и мать. Я отца не сразу признал, он был с усами и бородкой. Собственно, я его узнал лишь потому, что он стоял рядом с мамой.

— Мы вернулись! — воскликнули они.

Мать бросилась меня обнимать и целовать, а я, используя движения «сутеми», увиливал от объятий и поцелуев, однако не переходя в контратаку.

Я понимаю, что родители соскучились, сам соскучился, но нельзя же при всех тискать и лобызать меня, как маленького. Вот у отца — выдержка. Судя по глазам, он тоже был не прочь заключить меня в смертельные объятия, но сдерживался и расспрашивал Юрика про завод.

Затем мама наконец перестала меня тормошить, похвасталась, что они поймали в походе «щуку с бревно», дала мне секунду переодеться и повела домой за руку.

Я обернулся и скорчил всем рожу: ничего, мол, не поделаешь.

Дома я битый час слушал их рассказы о походе, которым сам Мюнхгаузен позавидовал бы. И под тропический ливень они попали, и чуть не утонули на болоте, и папа браконьера поймал.

— Самый большой браконьер — твой сахзавод, — заметил я отцу.

Он смутился:

— Очистные доведем до конца — вода в реке будет как слеза.

— Пока она слезами браконьеров полнится, — поддакнула мне мама. — Хорошо, хоть вы отходы ниже города спускаете…

— Соловья баснями не кормят. — Я капризно застучал ложкой по столу. — Где дом полной чашей? Где изба, которая красна не углами, а пирогами? Где восточное гостеприимство, той, дастархан и наша русская скатерть-самобранка?

— Ой! всплеснула руками мама. — Ты же целую неделю голодал. Я же все по пути купила. — Она притащила из передней пузатую сумку с продуктами и принялась жарить- парить, вытурив нас, мужчин, из кухни.

Отец убежал на завод. И я поел за двоих. Мама глядела на меня, радуясь и огорчаясь моему аппетиту:

— Одни мощи остались. Не волнуйся, больше мы никуда не поедем, и спать ты будешь здесь, в своей комнате, чтобы холодильник был все время у тебя под рукой.

Я чуть не подавился.

— Летний сезон еще не кончился, — возразил я, парируя угрозу лишиться возможности ночевать в сарае. Тогда операция, задуманная мною с Валькой, сорвется. Из дома ночью труднее уйти. — До первого сентября еще четыре дня, я могу и в своей летней резиденции пожить.

— Живи, — согласилась она. — Совсем от дома отбился. А как твои успехи?

Я кратко доложил:

— Сногсшибательные!

— Смотри, — беспокойно предупредила она меня, — если тебе шею сломают, в школе отстанешь.

— Если мне сломают шею… — важно начал было я.

— Да ну тебя, — засмеялась она и вновь стала озабоченной. — Я имела в виду ногу.

— Буду ходить в школу на костылях. Учителя из жалости повысят отметки, как инвалиду спортивного фронта.

— Соскучилась я по твоему трепу, — искренне призналась мать. — Ну, скажи что-нибудь еще, — попросила она. — Я твой голос начала забывать.

Можно подумать, что они уезжали лет на десять!

Воодушевленный пожеланиями трудящихся, я выдал тираду:

— Звезды благоприятствовали ему. Рожденный под знаком «Стрельца», в багровом плаще утренней зари и леопардовой шапке-ушанке, он был похож на поэта лорда Байрона и писателя Лордкипанидзе одновременно. Все девушки, женщины бальзаковского возраста, все гризетки, субретки, матроны, мегеры, грымзы и мымры не сводили с него восхищенного взгляда. Всё! — закончил я.

— Надеюсь, меня ты не относишь к этим грымзам и мымрам? — улыбаясь, спросила мать. — Я всего лишь женщина бальзаковского возраста.

— А это сколько? — Я не знал.

— Сорок. Почти сорок… — взгрустнула она.

— Ты у меня самая молодая, — похвалил я ее. — Мы с папой присвоим тебе высокое звание Гризетки. А гризеткам, почитай Дюма, больше семнадцати лет не бывает. «Где мои семнадцать лет? На Большом Каретном!» — запел я.

— Ну тебя, — повторила она. — Ты лучше ответь: где твои семнадцать бед?

— Здесь, — я стукнул себя по груди. — У него было только одно сердце, да и то отдано многолюдной семье.

— Решено, — подтвердила мать. — Отдадим тебя после школы на факультет журналистики. Так и быть, беги. Тебя, наверное, ребята ждут, — отпустила меня она.

Я чмокнул ее в щеку и унесся на быстрых парусах к Вальке.

Увы! Напрасно гремели литавры и полыхала медь. Валька лежал больной.

— Утром два пакета холодного молока из погреба выдул, — хрипло сказал он.

— Жадность никого до добра не доводила, — уныло проворчал я. — Придется мне одному.

— Не вздумай, — встрепенулся Валька. — Вдвоем нашли, вдвоем и пойдем. Отвечай потом за тебя.

— Я осторожно.

— Ни шагу, — обиделся он. — Иначе я на тебе крест поставлю.

— Учти, крест только попы ставят на тех, кто дьяволом одержим, — просветил я его.

— Ты и одержим дьяволом, — слабо рассмеялся он.

— Ладно, не пойду, — успокоил я. — Тебе вредно волноваться.

— А ты не волнуй, — примирительно произнес он. — Ты мне температуру сбивай, а не наращивай.

— Побольше молчи в тряпочку, тебе говорить нельзя. — Я подоткнул ему одеяло и посидел возле него, пока он не заснул.

Тихо пришел слепой дед.

— Если вы мне его не поставите на ноги дня за два, я вам этого не прощу, — грозным шепотом сказал я деду.

— Простишь. — Он безошибочно дернул меня за чуб.

Конечно, прощу. Я такой.

Глава 6. УГРОЗА

На обратном пути меня окликнул из окна Сашка:

— Зайди.

Раньше у него мне бывать не приходилось. Неплохо он устроился — позавидовать можно. Стереофонический магнитофон с колонками и тюнером, приемник, проигрыватель, застекленные полки с дисками. На стенах огромные фотографии ансамблей «Ху», «Битлз», «Роллинг Стоунз», «Абба» — очевидно, дядькиной работы.

Сашка был не один в своем вигваме — угловой комнатке. В кресле восседал Король со стереонаушниками и притоптывал в такт только ему слышной музыки носком башмака. Сашка выключил проигрыватель, и Король снял наушники.

— Отличная вещь. А, это ты?.. — увидал он меня.

— Присаживайся, — Сашка показал мне на тахту. — Разговор есть.

Я сел:

— Продолжайте ваши показания.

Король поморщился, а Сашка небрежно сказал:

— Федотыч сегодня приглашает. Сбор у часовни в 12.00 ночи.

— Я не пойду, — откинулся я на подушку.

— Как? — оторопел Сашка.

— Чего я там не видел? Опять чаи гонять? Передайте, что я завязал. — Мне теперь и впрямь там было делать нечего. Все, что надо, мы уже разведали с Валькой.

— Рискуешь, — протянул Сашка. — На неприятность нарываешься.

— Например? — спросил я.

— Например, расскажет твоему отцу, чем ты на толкучке занимаешься, — помолчав, ответил Сашка.

— Не станет, — возразил я.

— Почему?

— Ясно же почему, — ответил за меня Король. — Тогда ему придется и про себя рассказать. Не городи чепуху! — Он встал и пересел ко мне. — Ты же меня подводишь: я за тебя поручился.

Я пожал плечами:

— Болтать не собираюсь. А хозяин мне, как вам, не нужен. Ну а деньги могу вернуть, хоть я их и сам заработал. Пусть пользуется. Не люблю, когда меня за нос водят.

— Мы с ним сегодня же поговорим, — смешался Король.

— Не сегодня, а завтра. Новый день с двенадцати ночи начинается, — поправил я его. — И, честно говоря, надоело. Каникулы кончаются, пора за труды праведные.

— Струсил? — воскликнул Сашка.

— Хотя бы… Вон, наткнулись же однажды на Юрика. Не хватало еще своих родителей там встретить или когонибудь из учителей! — прикинулся я трусом. — Я с этим решил покончить, что и вам, мои дорогие, советую от всей широкой души.

— Трус, — повторил Сашка и напал на Короля: — Все ты… Привел! Я тебя предупреждал, отговаривал.

Король высокомерно поглядел на него:

— Если у тебя есть фонтан, заткни его, дай отдохнуть и фонтану. Про Кузьму Пруткова слышал?

— Не-а…

— Оно и видно. Не выступай, ты не на сцене, а мы не в зале. Не хочет он — не надо. Сказал

же Ленька, что не проболтается. И я ему верю.

— Верю всякому зверю, — пробормотал, стушевавшись, Сашка.

— Вы тут выясняйте отношения, а я пошел. Гудбайте, камрадос! — И я направился к двери. На пороге обернулся и с чувством произнес: — Больше всего на свете он любил независимость и поэтому уехал на Таити, где женился на толстой полинезийке, заболел слоновой болезнью и умер. После этого критики признали его гением.

— Ко-го? — опешил Сашка. Он никак не мог привыкнуть к моим выступлениям.

— Поля Гогена. — Я закрыл за собой дверь. Проходя под окном, привстал на цыпочки и сказал сквозь занавеску в комнату: — Тот самый Гоген, которому Ван Гог подарил собственное ухо, когда у него сломались японские стереонаушники.

— Кретин! — высунулся в окно Сашка с такой прытью, что мы столкнулись лбами.

Потирая будущую шишку на лбу, я пришел в свой сарай. Вот уж кто кретин — Сашка. Ни Гогена не знает, ни Ван Гога. Я читал замечательную книгу Стоуна «Жажда жизни» о великом французском художнике постимпрессионисте Ван Гоге. В минуту душевной депрессии он действительно отрезал бритвой свое ухо и подарил своему другу, не менее великому художнику Гогену. Сейчас такие друзья перевелись — в лучшем случае книжку или завалящую пластинку подарят. Но они же не гении, их можно извинить. Я с удовольствием подарил бы Сашке хвост, если б он у меня был, чтобы… чтобы он сметал им пыль со своих дисков.

Вел я себя у Сашки смело и ни капли не сомневался: Федотычу будет доложено.

Ночью мне приснилось, как Федотыч, подперев дверь сарая бревнышками, облил крышу бензином и сжег меня живьем, заметая следы…

Я проснулся. Лицо горело, на стене лежали красные отсветы от направленной на меня настольной лампы, которую я забыл выключить.

Скорей бы выздоравливал Валька. Сделаем дело, и я смогу спать спокойно у себя дома, через стену от папы и мамы. У Ж' они меня в обиду не дадут. Если Федотыч такой обормот, чтобы и наш дом поджечь, они сначала спасут меня, а уж потом цветной телевизор.

И ходить теперь надо посередине улицы, избегая кирпичей, «случайно» падающих с крыш, как было с Шерлоком Холмсом, объявившим войну коварному профессору Мориарти.

Я выключил свет, снова заснул и проснулся опять — на сей раз вроде бы от запаха дыма. Неужто взаправду горю или мне это вновь почудилось?..

Я привстал. Напротив меня кто-то сидел, покуривая. Разгорающийся от затяжек огонек выявлял из темноты толстые губы Федотыча. Мы молчали. Дыхание у меня остановилось. «Снится», — мелькнула мысль.

Внезапно снящийся мне, как я считал, Федотыч больно ущипнул меня за ногу. Я вскрикнул.

— Нет, я не снюсь, — словно угадал он. — Крючок у тебя на двери слабенький — гвоздиком можно скинуть.

Я даже слова вымолвить не мог.

— Дружки твои напели бог весть чего, — продолжал Федотыч. — Решил сам проверить. Врут?

— Врут, — выдавил я.

— О чем врут? — спросил он.

— Не знаю… — слабо ответил я.

— А говоришь, врут… Так и будем считать, что врут. Договорились?

— Договорились, — выдохнул я.

— Это и хотелось от тебя услышать. Ты парень сообразительный. Такое взаимопонимание всегда приятно, — спокойно курил Федотыч.

Я нащупал кнопку лампы и включил ее, а то в темноте меня прямо оторопь брала.

Федотыч моргнул от света и приветливо улыбнулся:

— Не страшно одному?

— Кого бояться? — Но дрожащий голос выдавал меня.

— Считай теперь, некого. — Федотыч огляделся. — У тебя здесь неплохо.

— Кто мой сарай показал?

— Какая разница? Ну, Витя… Ну, Саша… Я и сам в шнурок не сморкаюсь. Не все ли равно?

— Пожалуй, да, — осторожно согласился я.

И оттого, что он говорил так спокойно, обыденно, как бы невзначай, меня охватил ужас.

— Ну, бывай! — Он встал. — Я не первый день живу. И никто от меня вот так запросто не уходил, пока сам не разрешу. Приятных сновидений.

— Приятных… — осмелел я, видя, что он собрался уходить. — После вашего визита бабочки на зеленом лугу не приснятся.

— Да… Бабочек не гарантирую, — засмеялся он. — Не бери себе много в голову. Живи, как живется… А я ведь знаю, о чем ты думаешь. — Снова сел.

— Парапсихология? — криво улыбнулся я.

— Я не паровоз. Просто психология, без всякого пара, — неуклюже сострил он. — А думаешь ты вот о чем: уйдет сейчас этот тип — бегом домой признаваться. Не спорь! — Он предупреждающе поднял ладонь. — Родители «ах», «ох» — и в милицию! Вообще-то здесь два варианта. Первый: накажут и промолчат — испугаются. Сын такого известного человека — позор на весь город. Второй вариант: милиция, приходят ко мне. А я ничего не знаю, первый раз слышу! Заходил он ко мне два раза с товарищами, чай пили, умоляли меня подземный ход показать… Романтики! На свою голову приключений ищут. Так ведь? Пластинок никаких я тебе не давал, ты их у Сашки брал… Примутся Сашку и Витьку тормошить. Они же не темные придурки. Сашка заявит: ну было, мол, помогали собственную фонотеку распродавать. За ту же цену, за какую купил там же, на толкучке. Вот тебе и замкнутый круг: ни себе, ни людям. А я, естественно, зло затаю кое на кого. Весь расклад, как в картах.

— Железная логика, — похвалил я. — Да только вы ошиблись: я и не думал бежать признаваться.

— Это я на тот случай, что вдруг надумаешь. Всегда на пять ходов вперед смотри. — И Федотыч ушел.

Я и смотрел вперед на пять ходов. Он не заметил, что я тайком включил магнитофон и записал наш разговор. Переключатель свисал на шнуре за подушкой, микрофон стоял между книжками да полке, а крышка магнитофона была закрыта: никак не увидишь, что бобины крутятся.

С этой системой я не раз устраивал фокусы. Соберемся в сарае, спорим до хрипоты, а я записываю. Потом включаю воспроизведение, и мы от смеха катаемся, слушая, какую чушь пороли.

Записи я потом стирал, чтобы при будущих археологических раскопках потомки за нас не краснели.

Намотал я-таки язык Федотыча на ленту. Если со мной что- нибудь случится, он не отвертится. А мастерскую его мы обязательно с Валькой разгромим. Еще и угрожать по ночам приходит!..

— Страшная месть станет достойным ответом проискам врага, — тихо сказал я зеркалу.

Я конечно бы убежал домой во всю прыть, если бы не предполагал, что Федотыч может пронаблюдать за мной, притаившись где-нибудь во дворе. Поэтому я запер дверь на крючок и решил не спать до утра. Это мне далось легко — я ни за что не заснул бы после всего происшедшего. Мне вообще легко дается то, что не стоит труда, — врать не стану.

Еле дождавшись пяти утра, я выскочил во двор. Под видом разминки сделал круг по двору, для пущей видимости останавливаясь и делая приседания, а сам краем глаза высматривал Федотыча.

Затем я расширил поле обзора и побежал вокруг дома. Внезапно я услышал за собой шумное дыхание и испуганно обернулся. За мной рысцой спешил Славка Роев, тоже в трусах и майке.

— Хитрый какой! — заявил он мне. — Вот почему ты меня все время побеждаешь. Ни свет ни заря разминаешься. А я-то, балдуин, только в девять утра каких-то полчаса зарядку делаю. Хитрый, — повторил он. — Хорошо, что я рано проснулся и в окно выглянул.

— Кто рано встает, тому бог дает, — ответил я ему, и мы побежали вместе.

— Всё, — сказал я, побежав обратно до сарая.

— Как всё? — И Славка беспокойно спросил: — Ты с каких бегаешь?

— С трех утра, — небрежно сказал я.

— Хитрый… — опять заныл он. И сосредоточенно добавил: — Тогда пока. Я дальше побежал, — и зарысил прочь.

А я, успокоившись, завалился спать. И преспокойно проспал до десяти. Оделся и не спеша направился домой подкрепиться. Бегать-то можно и вдвоем, а завтрак съешь сам, как говорил тот же Славка.

Вероятно, вид у меня все же был не ахти какой молодецкий, потому что мать спросила:

— Ты не захворал?

— У хворых зверского аппетита не бывает, — возразил я. — Просто всю ночь страшила снился.

— Какой еще страшила?

— Сторож с кладбища. Сидит напротив меня и курит, курит…

— Ну тебя, — привычно отмахнулась мать.

Позавтракав, я помчался к Вальке. Тот уже чувствовал себя лучше, температура снизилась, сипел только да иногда голос пропадал, приходилось догадываться, что он говорит «…вет» — «привет», «…акие новости?» — «какие новости?»

Я ему и выложил: еще какие! Обалденные!

Моя находчивость с магнитофоном ему понравилась.

— В шнурок не сморкаюсь, — гордо повторил я слова Федотыча. — Он был находчив, как индейский вождь. Нюх- след! — расхваливал я себя. — Ничто не могло укрыться от его зоркого взгляда.

Валька поморщился: мои выступления действовали ему на нервы, и я умолк.

Он неожиданно озадачил меня одним вопросом: а не подумает ли Федотыч на Короля или Сашку, когда мы разрушим мастерскую, что это они сотворили?

— Вряд ли, — задумался я. — Им невыгодно. — Мне не хотелось, чтобы Федотыч кому-то мстил, дело слишком серьезное. — Ты лучше бойся, как бы он на меня не подумал. Мне-то выгодно ему насолить. Вдруг догадается?

С другой стороны, он же мне мастерскую не показывай, я ведь якобы и не подозреваю, где она. Начнет допытываться у Короля и Сашки — они поклясться могут, что меня туда не водили.

— Ты учти, — предупредил я Вальку. — Если Федотыч начнет меня пытать на дыбе — мало ли что там в других подземных ходах? — я и тебя с ходу выдам.

Понятно, я сам виноват. Не надо было мне вчера хорохориться перед Королем и Сашкой, отказываться, говорить, что завязал. Продолжал бы себе контачить с ними по-старому, и никаких тебе подозрений. Обрадовался, дурень, что мы с Валькой сами отыскали мастерскую… Правильно говорил Федотыч, советуя рассчитывать все на пять ходов вперед. Меня часто заносит на поворотах.

— Что же делать? — мрачно спросил я Вальку. — Чихнем и забудем?

Валька показал мне кулак. Внушительный ответ.

— Или завтра, или никогда! — воскликнул я.

— …автра, — кивнул Валька.

Он на ветер слов не бросает. Значит, завтра встанет здоровым, выздоровеет. Мне бы его силу воли. Я горы бы свернул.

Но себя переделать трудно. Тепличное воспитание — оно сказывается. Родители виноваты, что я неуравновешенный. На них, родителей, все свалить можно.

Глава 7. НАХОЖУ И ТЕРЯЮ РЭКСА

Не помню, как прошла тренировка. Я был как в тумане. Чем ближе была ночь, которая, как известно, следует за вечером, тем больше я волновался. Ночевать или не ночевать в сарае? Этот вопрос помучительней, чем знаменитое «быть или не быть?».

Вдруг Федотыч снова заявится?.. Пойду ночевать к родителям — он подумает: испугался, и, видать, неспроста. Останусь в сарае — рехнусь со страху, если он вновь придет. Не останусь — презирать себя буду. Останусь — нервы не выдержат. Была не была, буду ночевать в сарае! Дверь гвоздями изнутри забью, чтоб никто не вошел. А утром вытащу гвозди плоскогубцами.

Я был настолько занят своими мыслями, что Нина потом, уже во дворе, заметила:

— Что с тобой? Тебя даже Славка сегодня два раза поборол.

— Он с трех утра разминается, — отшутился я.

— Ты сам с пяти утра! — вскипел Славка. — Стоило мне тоже утром размяться, и ты не устоял.

Знали бы они, что меня мучило.

— Мигреню, — пожаловался я, потерев лоб. — Голова раскалывается.

— Хороший признак, — хохотнул Сашка. — Значит, голова есть. — И подмигнул Королю: — По-моему, я догадываюсь, о чем у него голова болит.

Мне стало ясно, кто показал мой сарай Федотычу. Сашкина работа. Теперь злорадствует.

Но я быстро сбил с него спесь.

— Отец овчарку покупает, — небрежно сказал я. — Взрослую, четырехлетнюю. Уже обученная. Чего, говорит, со щенком возиться!

— Врешь? — изумился Сашка.

— Сам увидишь. Первого сентября привезет из общества, — заливал я, чуть сам не поверив, что отец мне купит овчарку. — Целый год уговаривал — еле уговорил.

Сашка поверил:

— А щенки у нее будут? — живо заинтересовался он, размечтавшись о собственной овчарке.

— У нас кобель, — заважничал я. — Восточно-европейский. Он меня каждый день будет в школу провожать и ждать под окнами.

Сашка притих. Этот, так сказать, поворот сюжета ему в голову не приходил. Теперь меня не запугаешь.

Пусть теперь бежит и докладывает Федотычу про овчарку, — подумал я. — Пусть тот знает, что у меня будет надежный защитник. Федотыч тоже поверит, особенно после того, как меня здорово напугал».

Я сразу повеселел. Король странно посмотрел на меня и сказал:

— Не поможет.

Никто не понял его слов, кроме меня и Сашки.

— Раньше ты был смелее, — процедил я.

И опять никто ничего не понял, кроме них.

— В загадки играете? — сказала Нина. — Угадай-ка, угадай-ка — интересная игра»?

— Очень, — ответил я. — Отгадки на последней странице. Отпечатаны вверх ногами.

Король заботливо взял меня под руку и отвел в сторону.

— Думаешь, я сам не жалею? — Он отвел глаза. — Далеко зашло. На тот свет не хочется. Там, говорят, ни-че-го нет.

Он, по-прежнему не глядя мне в лицо, вяло хлопнул меня по спине и побрел к подъезду, волоча спортивную сумку на ремне по земле. Сашка догнал его и стал шептаться.

— Какие-то секреты… — вспыхнула Нина, тоже взяла Клаву под руку, и они отошли, шушукаясь.

— Может, и нам с тобой посекретничать? — предложил Славка. — Ты завтра во сколько на разминку встанешь?

— Слушай, Слава, — я взял его за пуговицу рубашки.

Если со мной что случится, ну вдруг… скажи моему отцу, чтобы он прокрутил на магнитофоне бобину. Она в валенке в сарае спрятана.

— Шутишь или?.. — округлил он глаза.

— Или! — подчеркнул я. — Не забудешь?

— Нет, что ты! А когда с тобой… что-то может вдруг случиться?

— Знал бы соломку бы подстелил. Скорее всего, завтра ночью. Сегодня ночью тоже не исключено. — Я крепко пожал ему руку и ушел ужинать.

Поужинал, посмотрел с родителями телевизор, хоть у меня в летней резиденции свой имеется.

Ночевал я снова в сарае, забив дверь двумя большими гвоздями. Думали, я шучу? Не до шуток. Посмотрел бы, как вы шутили бы на моем месте…

Лежал я на диване не раздеваясь. Рядом с лампой на столик положил тяжелый молоток.

Ночь тянулась как резина. Прекрасно было бы коротать эту длинную ночь, почесывая за ушами умного большого пса. Ну почему у меня нет овчарки? Она свернулась бы в моих ногах, положив тяжелую голову на широкие лапы, дремала бы, чутко поводя ухом и охраняя мой сон.

У одного моего знакомого была овчарка. Его никто не трогал, даже когда он был без собаки. Маленький, щупленький — в чем только душа держится. А попробуй тронь — мигом приведет своего Рэкса. Фас! И поминай, как звали…

Правда, до этого не доходило. Да и не могло дойти: все пацаны знали про его собаку. Волчара, а не пес. Он на нем даже верхом катался, а зимой Рэкс возил его на санках.

Хорошая собака — настоящий друг. Не продаст, не выдаст, в обиду не даст, прав ты или виноват. Для нее хозяин — бог, он всегда прав.

Ну почему у меня нет собаки? Почему? Родители говорят, что держать негде, хотя у нас большая двухкомнатная квартира. А в юности небось тоже мечтали о своей собакё… Вот вырастем, мечтали, тогда и заведем без спроса у родителей. Выросли, сами стали родителями и предали свои мечты: нет собаки.

Я-то не забуду. Как только стану жить самостоятельно, сразу двух заведу: овчарку и сенбернара. Это чепуха на постном масле, что для собаки много места надо. Ляжет себе в передней на коврике и спит, пока гулять не позовут. Видел же я у других.

Я вдруг вскочил. Я вспомнил про большую рыжую бездомную собаку, похожую на овчарку, которая целыми днями потерянно слонялась по городу, а ночевать приходила к нам во двор, в свое излюбленное место — за трансформаторной будкой.

У меня были конфеты — давно завалялись в ящике стола.

Я схватил их, сунул в карман, с трудом вытащил гвозди из двери и зашагал в темноте к своему будущему четвероногому другу. Я ему и кличку придумал: Рэкс.

Рэкс оказался на месте. Он чутко дремал в рассеянном свете фонаря, возвышающегося над оградой.

Услышав мои шаги, он поднял голову и настороженно уставился на меня.

— На! — Я развернул и бросил ему конфету.

Он встал, недоверчиво понюхал ее и съел, мотая хвостом.

Я показал ему другую конфету:

— Пошли, Рэкс.

И он побежал за мной, большой красивый зверь, грязный, правда, прилично.

Мы друг другу понравились. В сарай он вошел решительно, как к себе домой. Обнюхал все и лег на дерюжку возле дивана.

На кличку Рэкс он откликался: тут же поворачивал ко мне морду.

— Джим, — сказал я, и он дружелюбно махнул хвостом.

— Дик, — позвал я. — Ко мне!

Он вскочил и ткнулся мне головой в колени.

В общем, он реагировал на любую кличку. Я решил не морочить ему голову, окончательно и бесповоротно нарек его Рэксом. Меня заинтересовало, что он выполнил команду «Ко мне!». Случайность?

— Сидеть! — скомандовал я.

Рэкс сел.

— Лежать!

Рэкс лег.

— Рэкс, голос!

Он оглушительно залаял.

— Фу!

Рэкс умолк, свесив из клыкастой пасти большой розовый язык.

— Фас! — крикнул я.

Рэкс напружинился, разыскивая глазами жертву.

— Фу! Лежать!.. Лежи, лежи, Рэкс, давай поспим. — Я завалился на диван.

«Обученный пес! — ликовал я. — Вероятно, потерялся. На речку и в наши леса масса туристов ездит. А может, отстал от поезда… Пусть хозяева не волнуются: он попал в хорошие руки».

Проснулся я от стука в дверь.

Рэкс с ревом бросился на нее. Хорошо, что она была закрыта на крючок. Явно повезло тому, кто стучал.

— Фу! — приказал я. — Сидеть!

Ах, как было приятно приказывать послушному псу.

— Уже привезли?! — послышался из-за двери испуганно-восторженный голос Славки. — Я за тобой на разминку. А он меня не цапнет?

— Не волнуйся, — встал я, предупредив Рэкса. — Свои. Нельзя.

И открыл дверь, впустив в сарай слабый рассвет.

Славка и Рэкс уставились друг на друга.

— А я-то думал… — разочарованно произнес Славка, сразу узнав собаку. Рэкс зарычал.

— Хорошая собака, — перестроился Славка. — Большая.

Клянусь, Рэкс улыбнулся.

— Как же с овчаркой? — Славка благоразумно не трогался с места.

— А! — отмахнулся я. — Зачем она мне, когда теперь у меня Рэкс. Рэкс, гулять!

Он выбежал во двор, покрутился, сделал свои дела, вернулся и лег, слегка придавив мне боком ступню, чтобы и телом ощущать, что я здесь и никуда не делся. Видать, намаялся без хозяина, пока не выбрал меня.

Я с торжеством продемонстрировал Славке, как Рэкс выполняет команды.

— Умен, — удивленно признал Славка. — Родители тебя с ним не разгонят?

Я об этом тоже беспокоился, так что Славка посыпал мне солью рану.

— Все образуется, — ответил я. — Не разрешат — буду с ним в сарае жить.

— Зимой?

— Электрокамин поставлю.

— Не пустят они тебя в сарай на зиму, — возразил Славка. — Ты лучше сена притащи, и пусть он здесь живет. Выдержал ведь он прошлую зиму, неизвестно где ночуя, а в твоем сарае и подавно выдержит. Еду мы вместе носить будем.

— Ты гений! — воскликнул я. — Но еду буду носить один: собака должна признавать только хозяина.

— Я тебе буду кости передавать, — согласился Славка. — Его б шампунем вымыть, — поглядел он на Рэкса. — Когда мои уйдут, приводи — в ванне сполоснем.

— И выжмем, — кивнул я. — У нас же речка под боком, дурило, — засмеялся я.

Славка хлопнул себя ладонью по лбу и побежал прочь.

— Ты куда?

— За шампунем, — отозвался он на ходу.

Когда я вымыл пса на реке, выстриг ножницами свалявшуюся шерсть и вычесал алюминиевой расческой (он сдержанно ворчал), Рэкс настолько преобразился, что мы его со Славкой прямо не узнали. Он высох на солнышке и стал ярко-рыжим с небольшими белоснежными пятнами. Хоть на выставку веди!

На реке мы пробыли часов до восьми.

Пришел искупнуться Сашка.

— Это не овчарка, — презрительно сказал он, зевая. Сашка не узнал в Рэксе ту бездомную собаку, которая раньше шныряла по городу и спала в нашем дворе за трансформаторной будкой. Я уже говорил, что сам не узнавал.

Мы с Рэксом переглянулись.

— Скажи дяде «гав». Голос! — скомандовал я.

Пес вскочил и гулко залаял.

Сашка попятился и, споткнувшись о камень, шлепнулся на песок. Мы со Славкой захохотали.

— Сидеть! — И Рэкс сел.

Сашка на всякий случай отошел подальше, пугливо посматривая на нас.

Славка бросил палочку в воду, ее понесло течением. Пес умоляюще взглянул на меня.

— Апорт!

Он кинулся в реку, быстро догнал палочку, схватил зубами и выбрался на берег. Да, он был очень умен. По-моему, он нарочно отряхнулся рядом с Сашкой, осыпав его с ног до головы брызгами. Сашка только ойкал и ежился.

— Ко мне! — Рэкс подбежал большими прыжками. — Дай! — И он отдал мне палочку.

Сашка был уничтожен.

В этот день я наведался со своим псом к Вальке. Тот, как и обещал, уже выздоровел.

— Где ты его откопал? — удивился Валька, завидев Рэкса.

От него у меня секретов нет. Я рассказал.

— Может, и его с собой возьмем? — спросил я.

А папу не хочешь позвать? — отказался Валька.

Да ты посмотри! Я показал ему, как Рэкс выполняет команды. — Дрессированный.

— Не помешает, — поразился Валька. Правильно говорят: лучше раз увидеть, чем сто раз услышать.

Я весело шел домой, пес семенил рядом, бок о бок. Вдруг Рэкс остановился. Тогда я не придал значения тому, что он остановился, первым увидев Федотыча.

— Привет! — Федотыч почему-то удивленно взглянул на пса. Личная охрана? — В руке у него был чемодан. — Мне тут поездочка предстоит… Приходи с ребятами после двенадцати ночи.

— Постараюсь, — уклончиво сказал я.

— Стараться не надо, — улыбнулся он. — Просто приходи — Раскрыл чемодан, достал коляску колбасы, отломил кусок, и не успел я крикнуть «Фу!», как Рэкс его заглотал. — Кушай, Томик, кушай… — Он хотел было погладить Рэкса, но тот оскалил зубы.

Я ошарашенно смотрел на них: на Рэкса и Федотыча.

— Мир тесен. Между прочим, собачка-то с кладбища, заметил Федотыч. Раньше у меня подкармливалась, а затем сбежала.

— Верно, не солоно ей у вас пришлось, — сказал я.

— Ну, бил, крепко бил. Не без этого, — вновь улыбнулся Федотыч. — Команды в дурью башку вколачивал. Еще спасибо мне скажешь. Может, забрать ее у тебя? задумчиво произнес он. — Томик, а Томик, вернешься ко мне?

Рэкс зарычал.

— Сидеть, — тихо приказал Федотыч.

Томик, рыча по-прежнему, подчинился.

— Видал! — воскликнул Федотыч. — Ладно, владей на здоровье, пока, — и зашагал к станции, обернулся и вдруг скрылся в хозяйственном магазине.

Рэкс виновато поплелся рядом со мной.

— Эх ты, предатель… — Но долго сердиться я не мог и на ходу почесал его за ухом. — Больше у чужих ничего не бери и только меня слушайся.

Я запер Рэкса в сарае и пошел завтракать, а заодно что-нибудь прихватить и ему. Маме я ничего не сказал о собаке — вечером удобней. Вечером придет с работы отец — поведу атаку сразу на обоих.

Мне пришлось задержаться. Мать спешила в магазин и попросила пропылесосить квартиру. Было ведь у меня желание сначала сбегать в сараи покормить Рэкса, напрасно я не послушался внутреннего голоса… Но, видать, такая уж выпала судьба. Не сегодня, завтра или послезавтра Федотыч сделал бы то, что он сделал!

Когда я пришел в сарай, Рэкс был мертв. Сорванный с петлями висячий замок валялся у входа. Перед смертью Рэкса вырвало, в луже слизи лежали кусочки колбасы. Нетрудно было догадаться, кто это сделал. Конечно же Федотыч купил в хозяйственном какой-нибудь отравы, а затем вернулся и проник в мой сарай. Но доказать я никому ничего бы не смог. Да и кто станет расследовать убийство бездомной собаки.

Я взял лопату и плача вырыл за трансформаторной будкой, в излюбленном месте Рэкса, могилу. Потом отнес его туда на руках и похоронил.

— Отравитель… Сволочь… Гад!.. — Слезы катились беспрерывно, я глотал соленые слезы, прибивая на место дверные петли. — Ты у меня поплатишься. Ты запомнишь меня на всю жизнь!

Как окажется, я был недалек от истины. Одним разгромом мастерской не обошлось.

Сдерживая рыдания, я сухо сказал потом Славке, что Рэкс убежал. То же самое я ответил Вальке, когда он спросил о Рэксе при встрече на кладбище в одиннадцать вечера, как условились.

С собой я ничего не взял, кроме большого молотка.

Глава 8. ВИСИТ НА СТАНЦИИ

Окна в сторожке были темными. Федотыч еще не вернулся. Он возвращался только для того, чтобы убить моего Рэкса. Он хотел меня запугать, чтобы я превратился в слизняка, в мразь, в падаль под его ногами. Он стремился меня растоптать, обезволить, чтобы вить из меня веревки.

А вышло наоборот. Никогда я не был таким хладнокровным, смелым и решительным. Я мог запросто спалить сторожку Федотыча, если б не знал, что она не его собственная…

Проникнув сквозь люк, мы сошли по ступенькам и свернули в боковой ход к тупику с фанерной дверью. Как и в тот раз, Валька достал из чемоданчика стамеску, но я, недолго раздумывая, вышиб дверцу ногой.

— Ты что?

— Око за око, зуб за зуб, — сказал я.

Я уже забыл, что давно задумал разрушить мастерскую в стремлении спасти Короля, сейчас мне казалось — я пришел мстить за Рэкса.

Валька поставил свой фонарь на стол, и мы принялись все крушить вокруг. Валька орудовал большущим гаечным ключом, а я — молотком. Стонало железо, трещала пластмасса, звенело стекло!..

Заметив у стены лом, я схватил его и одним ударом развалил шкаф. Посыпались со стены полки, пыль столбом поднялась от химикалий.

Чихая и кашляя, мы громили все и вся! Я даже ведра расплющил. Вот только лишь чугунную ванну не удалось пробить — слишком толстые стенки. Тогда, поднатужившись, я с грохотом перевернул ее…

— С ума сошли! — раздался чей-то пронзительный голос.

Мы обернулись. У сорванной с петель фанерной дверцы замерли Сашка и Король.

— Что вы делаете? — ужаснулся Король.

— И для тебя стараюсь, — очнулся я, отбросив лом. Больше тут громить было нечего.

— А я для своего удовольствия, — подбоченился Валька. — Всю жизнь строил, надо хоть что-то сломать.

— Попомнит ваш Федотыч моего Рэкса! — Я с размаху пнул ногой кучу рентгеновских снимков — они разлетелись веером.

Внезапно хлопнула, открывшись на потолке, квадратная крышка, и к нам вниз спрыгнул Федотыч. Раньше времени вернулся! Из проема люка выглядывало изумленное лицо фотографа.

Все замерли.

— Гости дорогие… — У Федотыча, отрезавшего нам с Валькой путь к бегству, дернулась щека. Он чуть покачнулся, и я понял, что он слегка пьян. — Добро пожаловать. И нагнувшись, взял из раскрытого Валькиного чемоданчика блестящую стальную стамеску.

— Витька! — закричал я нашему чемпиону Королю. Но он стоял неподвижно, как врытый, за спиной Федотыча. Такая удобная позиция!

Сашка стоял дальше, вытаращив глаза.

Мы с Валькой напряженно глядели на стамеску. От кого я не ожидал помощи, так это от Сашки. Когда Федотыч метнулся к нам, Сашка бросился и ловко подставил ему сзади подножку, а я, уже в падении Федотыча, провел бросок через бедро. Федотыч закопался головой в обломки шкафа и затих. Потом застонал…

— «Иппон», — пробормотал я. Рубашка прилипла у меня к спине.

— Ты чего стоял? — подступил Сашка с кулаками к Королю. — Он же мог убить! — Его трясло. — Убить, понимаешь? Убить!

Король попятился и быстро исчез в подземном ходе.

Проем люка вверху тоже был пуст — фотограф скрылся.

— Очухается, — кивнул Сашка на Федотыча, безуспешно пытающегося встать. — Айда отсюда, ребята!

По дороге домой встретили бегущего Юрика: Король уже ему доложил. За Юриком еле поспевал нетренированный милиционер.

— А-а, лунатик… — узнал он меня.

Федотыча в подвале не оказалось. Очухавшись, он, наверное, ушел через подземный ход на остров. Ищи-свищи!

Утром на станции, возле касс, вывесили объявление о розыске Федотыча — с фотографией (Сашкин дядька с испугу дал). Оказалось, Федотыч — опасный рецидивист, два года с фальшивыми документами отсиживался в нашем тихом городке.

…Вскоре начались занятия в школе. По вечерам мы по- прежнему ходили в нашу секцию дзюдо. С Сашкой мы больше не враждовали.

Нина не сводила с меня восторженных глаз, зачислив в герои.

Король бросил секцию…

— Неужели ты меня к нему, к такому трусу, ревновал? — как-то спросила Нина, пригласив в кино.

— Нет. К нему… нет, — ответил я.

И в кино не пошел. Не сразу я понял, что в душе обвинял ее в том, в чем должен был обвинить себя. Ведь Король мне тоже очень нравился.

Послесловие

Однажды я вновь приехал в областной центр. Отец сжалился надо мной и разрешил съездить в собачий питомник — присмотреть себе пса. «Не большого», — предупредила мать. «И не маленького», — предупредил отец.

Собак было много. Они лежали, рычали, ходили в тесных вольерах за сетками. Все чистопородные, с родословной, какую не каждый человек у себя вспомнит: до восьмого колена, с предками-медалистами, призерами всяческих выставок.

В этот заход я никого не смог выбрать: перед глазами все время стоял мой Рэкс…

Я ушел побродить по центральному проспекту.

Нарядная публика, как обычно, протирала подошвы на правой стороне проспекта, и я вдруг увидел нашего районного философа Котодавченко.

Он подошел ко мне и странно усмехнулся, помахивая сеткой с рукописями своих афоризмов.

— Друзья, которые нам изменяют, — даже не враги.

Сначала я не понял то, что он сказал…

Котодавченко приехал в цирк на «Большие выступления лилипутов».

— Не поверишь, — заявил он мне. — О лилипутах у меня ни одного афоризма нет.

Мы пошли с ним в цирк вместе. Рассказывать о представлении лилипутов я не стану. Скажу только, что назад, в наш городок, мы возвращались с лилипуткой — двоюродной сестрой Вальки Портнова: она ехала к своим в гости. Мы оказались в одном вагоне, и я ее узнал. Я

еще в цирке к ней приглядывался, когда объявили фамилию — раньше-то я ее не видел ни разу.

Все в вагоне оглядывались на лилипутку. Она сидела на высокой скамье, как кукла наследника Тутти, болтала ножками и грызла огромное мороженое.

Я ей представился и познакомил с Котодавченко. Она обрадовалась:

— Хорошо как! Я боюсь домой одна поздно идти.

Котодавченко гордо развернул плечи, а затем свернул:

— С ним никого не бойтесь, — кивнул он на меня. — Он у нас известный драчун. Дзюдоист.

— Да? — Она облизала мороженое. — У нас есть группа дзюдоистов, мои друзья, но они сейчас в Австралии выступают.

Я подумал, что друзья-лилипуты слишком далеко, и еще подумал: если кто ее посмеет по дороге обидеть, тому не сладко придется.

Как легко чувствовать себя большим возле маленьких.

А среди больших?..